

МАСТЕРА ИСТОРИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

НИНА
ЯГОЛЬНИЦЕР

БЕС В СЕРЕБРЯНОЙ
ЛОВУШКЕ

Мастера исторического детектива

Нина Ягольницер

Бес в серебряной ловушке

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Ягольницер Н.

Бес в серебряной ловушке / Н. Ягольницер — «Издательство АСТ», 2023 — (Мастера исторического детектива)

ISBN 978-5-17-157077-4

Шестнадцатый век. По Италии прокатывается череда трагических происшествий: в разгар семейного торжества совершает самоубийство знатный оккультист, целая семья сожжена вместе с собственным домом, в замке провинциального аристократа жестоко истреблены все обитатели. По слухам, во всех этих несчастьях замешан загадочный чернокнижник, обладатель древнего магического артефакта, способного управлять человеческой душой и рассудком. Психопат он или мститель? Что за причина у этих зверств и какова их цель? Единственный же, кому по силам распутать клубок несчастий, – слепой вор-карманник Джузеппе, семнадцатилетний мальчишка, превративший слепоту в настоящее искусство и свое главное оружие.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-157077-4

© Ягольницер Н., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	32
Глава 5	46
Глава 6	55
Глава 7	66
Глава 8	72
Глава 9	79
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Нина Евгеньевна Ягольницер

Бес в серебряной ловушке

© Н. Е. Ягольницер, текст, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

Рай и его хищники

Тревизо, 1547 год

Жесткая рука схватила за ворот камизы и рванула назад так, что затрещали дешевые нитки.

– Спешешь, висельник? – пророкотал хозяин в самое ухо Пеппо. – Попробуй только за старое приняться! Пальцы клещами повыдергиваю, как редьку!

Ответная грубость леденцом звякнула о стиснутые зубы, и Пеппо кротко пробормотал:

– Да господь с вами, мессер, и в мыслях не держал...

А хозяин пнул его в спину, почти выталкивая за порог.

– Гляди мне, поганец малолетний! – рявкнул он напоследок, но вопль этот осколками разлетелся о захлопнувшуюся дверь, и Пеппо, не сдерживая ухмылки, сбежал по ступенькам. Вскинул голову, подставляя лицо солнечным лучам, потянулся было опустить засученные рукава, но тут же поморщился и поддернул их повыше: рукава давно были коротки.

Привычно огладив ладонью стену, подросток двинулся по улице. Что там рукава... От хозяйских повадок скоро вся рубашка пойдет на лоскуты. Впрочем, до зимы и без рубашки не пропадешь. Куда важнее, что он сдержался и не нагрубил хозяину в ответ. Он слишком долго ждал этого дня, чтоб просидеть в мастерской под замком. Дзинь!

– Да чтоб ты скис, лахудрин сын!

Погруженный в раздумья, Пеппо наткнулся на торговку посудой, вывернувшую навстречу из-за угла. Несколько мисок оглушительно грянулось о мостовую и сейчас радостно вертелось, рассыпая звонкое медное стаккато.

– Простите, донна... – процедил Пеппо, наклоняясь и подбирая миски. Выпрямился, украдкой шире распахивая глаза. Торговка вырвала посуду из его рук.

– Э! Сгинь! Прочь глазищи, ирод! – взвизгнула она, поддерживая лоток левой рукой и широко крестясь.

– А это за «лахудрина сына», – вкрадчиво пояснил Пеппо и двинулся дальше. Позади послышался плевков.

– Дурноглазый! – ударило в спину.

Подросток не обернулся. К бесам всех... Сегодня ничто не испортит ему день. Даже нападки горожан. Даже отхлестанные с вечера плечи, к которым до сих пор гадко прилипает камиза. Он пообещал себе это еще на рассвете, когда под куполами Собора ударили колокола, во весь голос возвещая о наступлении праздника Святой Троицы. Воскресенье. День, чтоб распрямить спину и вволю хлебнуть ласкового ветерка, несущего с каналов гниловатый запах разогретого ила.

Пеппо любил маленький провинциальный Тревизо почти так же сильно, как ненавидел его обитателей. Город был ему другом, верным и надежным. Все в нем – и выщербленные камни криво замощенных улиц, и густая зябкая тень, гнездящаяся среди тесно выстроенных домов, и вечная сырость – все было знакомо, понятно и незыблемо.

В обычные дни городок походил на улей, вибрирующий ровным рабочим гулом. Разве только пчелы на лету вряд ли горланили песни и похабно ругались.

Но сегодня никто не собачился понапрасну. Мастерские были закрыты, а лавки работали едва ли не с ночи. Веселые толпы простонародья в выходном платье, еще хранящем складки и душный запах сундуков, клубились на улицах и площадях. Повсюду было вдоволь дешевого

вина, трагтории источали дурнотно-упоительный запах мяса и трав, и каждый час с соборной колокольни неся благовест, отчего-то заставляя душу шальной птицей взметнуться к небесам.

Пеппо сбавил шаг, всходя на шаткий мостик и отводя от лица прохладные плети старой ивы, нависающей над затянутой зеленой водой. Под ногой хлопнула третья доска. Вот черт, недавно хлопала только шестая. И в узоре трещин на ветхих перилах наметилась новая. Надо перестать здесь ходить, не ровен час, провалишься.

Но до места уже было рукой подать. Еще две извилистые улочки, и стали слышны звон колокольцев, скрип телег и гвалт веселых голосов. Ноги оскальзывались на гниющих остатках овощей, упавших утром с подвод и раздавленных колесами и копытами.

Последний поворот сдернул с лица тень переулка, и ярмарочная площадь обрушила на Пеппо тугую волну оглушительного гомона и резких запахов. Здесь переплетались свежий аромат хлеба и радостный дух базилика, терпкие ноты дубовых винных бочек, сырмятных кож, нового полотна, и все это привычно сдабривалось зловонием навоза и слитой наземь крови из мясных рядов.

Остановившись у стены, Пеппо замер, вливаясь каждой клеткой своего существа в этот бестолковый, шумный, изобильный мирок. Пора было приниматься за дело...

* * *

Это был рай. Отвратительный, зловонный, ошеломляюще-прекрасный рай. Башмаки мерзко чавкали по загаженной мостовой, а над головой взметались старинные крепостные башни, будто прямоком из пасторских книг.

Здесь повсюду были плесень и мох, сор плавал в бурой воде пахнущих гнилью каналов, а неколебимая твердыня церкви Сан-Николо вонзала шпиль в самые облака, сияя на солнце светлыми гранями древних стен.

Здесь люди были злы и суетливы, как лесные муравьи, а на утренней мессе Гodelот впервые слышал настоящий хор, коего отроду не бывало в тесной и полутемной церквушке его родного графства.

Здесь улицы кишели ворами, нищими и прочим отребьем, а лавки ломились от изобилия товаров, о существовании которых сын наемного солдата и не подозревал.

Здесь девушки одевались так, как ни одна крестьянская красотка не нарядилась бы и на собственную свадьбу, а на площади у колодца Гodelот даже увидел самую настоящую девицу легкого поведения, о которых доселе слышал лишь от отцовских однополчан.

За свои немалые годы – а Гodelоту давно сравнялось семнадцать – он еще не бывал в городе.

Но сегодня настал великий день. Гарнизонный капрал Луиджи, славный, хотя и люто скупой тип, отрядил юнца в Тревизо с поручением. Вручая Гodelоту жидкий кошель, он путано и высокопарно вещал о долге перед синьором. Но даже ошеломленный восторгом паренек не сумел себя убедить, что покупка тюка арбалетной тетивы сойдет за эпический подвиг.

Гodelот упивался оказанным ему доверием, хотя скрипучий голосок на задворках ума и подсказывал, что дело пустяковое и воякам постарше неохота тащиться в Тревизо, когда его светлость граф уже приказал в честь Троицы заколоть телка. Куда сподручнее отослать с безделицей непутевого мальчишку-иноземца.

А посему в то ослепительное воскресное утро Гodelот, порядком захмелевший от впечатлений, неспешно пробирался в ярмарочной толчее. Он зря опасался показаться неуклюжим в незнакомом месте – в этом вертепе все следили лишь за своими карманами, и никому не было дела до долговязого паренька в сером колете.

Все же не зря он так истово гнал казенного коня... Оружейные мастерские откроются только завтра, а сегодня у него целое воскресенье, чтоб прогуляться в этом удивительном месте

и как следует поглазеть на городские чудеса. Отец даже расщедрился на пару медяков, и не выпить глоток вина – это сущее неуважение к светлому празднику.

* * *

Пеппо неспешно скользил в толпе. Солнце катилось к зениту, винные бочки не оскудевали, и ярмарка шумела все щедрей и заливистей. Самое время...

Слева у лабазов крестьянин грузит на подводу гулкие пустые ящики. У него был удачный день. Он пьян и благодушно-рассеян, поэтому то и дело роняет ящики наземь и разморенно бранится без всякой досады. Только вот незадача – селянин с семьей, его жена что-то сварливо бубнит, сидя на козлах. Не подберешься. Жаль.

Под беззаботный фруктовый хруст и полотняный шелест мимо прошла девица. Вот почти задела его плечом, так близко, что Пеппо ощутил молочный запах кожи вперемешку со свежим духом яблока. Пощекотала щеку любопытным взглядом, будто пером провела...

А вот и другой взгляд иглой ткнул под лопатку. Этот совсем другой, колючий и недобрый.

А справа накатил новый запах, тяжелый дух больной плоти, нищеты и отчаяния. Пеппо невольно вздрогнул, сворачивая в другой ряд, и вдруг заметил: вот оно. Простецкое сукно, чистая камиза, сено, лошадиный пот, легкий душок вина. Не горожанин. Постукивают на ходу ножны – служивый, подвыпивший и недалекий. Да-да, иначе не слышалось бы при каждом шаге тяжелого звяканья монет. Кошель бестолково висит у пояса, а в той мошне, судя по упоительному тону, не меньше пяти серебряных дукатов. Превосходно. Внимание, сельские олухи имеют наивную манеру то и дело хвататься за кошель. Вот резкий звяк, а потом снова мерное побрякивание. Еще два шага. Пеппо едва заметно повел кистью, и меж пальцев возникло узкое лезвие.

* * *

Разморенный жарой и вином, Гodelот шагал по рядам. Усталость ли сказала или просто пресыщение новизной, но шум и зловоние города начинали раздражать. Пора было выбираться из толчеи, а еще лучше сразу разузнать, где в городе оружейная мастерская, чтоб завтра не плутать. Уж здесь наверняка можно выяснить что угодно.

Привычно ощутив кошель, Гodelот огляделся в поисках приветливого лица. И тут в двух шагах взгляд случайно зацепился за напряженный прищур темных глаз, словно ищущих защиты от яркого полуденного солнца. Гodelот почти бессознательно отметил этот странный ускользящий взор, когда обладатель его вдруг оступился, неловко взмахнул рукой, ища опоры, и вцепился кирасиру в плечо.

– Ох, простите великодушно! – Смуглое лицо вспыхнуло, ссутулились плечи, будто ожидая удара, а на дне глаз коротко блеснуло что-то неуловимое, чего Гodelот не успел объяснить. Он лишь снова машинально хлопнул по кошелю и безошибочно схватил узкую крепкую кисть.

– Ублюдок! – взревел кирасир, выворачивая карманнику руку.

Но в ладонь жгучей болью впилося холодное жало, выплюнутое пальцами вора. От неожиданности Гodelот выпустил руку мерзавца, а тот угрем всосался в толпу, мгновенно растворившись в ней и оставив бранящегося солдата изливать ярость у ближайшего прилавка.

Не без удовольствия послушав цветистую ругань, дородная торговка покачала головой, и ленты ее чепца неодобрительно заколыхались в такт:

– Будет тебе, служивый, чертей тешить. Сам виноват, тут тебе ярмарка, а не церковь. Тут и ногу отдают, и маслом обольют, и еще чего похуже. А ты уж сразу в крик, да еще руку парню заламывать! Ты позлобишься – и забудешь, а ему руки – хлеб насущный. Нехорошо.

– Хлеб насущный?! – снова взвился Гodelot. – Едва кошель не срезал, да еще ладонь располосовал, шлюхин сын! Нехорошо... Ваша правда, уж куда хуже!

Бледный от злости, он искал по карманам завалявшуюся тряпицу, с отвращением чувствуя, как теплые капли пробираются под рукав.

Но тетка насмешливо поджала губы:

– Кошель? Он-то? Да куда ему, убогому, прости господи!

Кровь тем временем остановилась сама, и Godelot, все еще пылая негодованием, нехотя признал, что обокрасть его не успели, как ни уверен он был в злых намерениях мерзавца со странным вертким взглядом. А посему следовало прекратить кудахтать о своих и так не слишком лилейных ладонях и вспомнить о деле.

– Ладно, бог с ним! – Godelot постарался принять беззаботный вид и натянуто улыбнулся. – Научите лучше, где мне отыскать оружейную мастерскую.

...Остаток дня кирасир потратил на праздношатание вдоль каналов и узких улочек в поисках новых чудес. Вас едва ли прельстили бы полутемные захламленные лавчонки, шумные трагтории с подгнившей соломой на полу и грязные балахоны бродячих артистов. Но если бы вы украдкой заглянули в прошлое Godelota, то его полудетский восторг перед сомнительными городскими чудесами вовсе не показался бы вам странным.

Называя юнца кирасиром, автор бессовестно грешит против истины, стремясь ублажить мальчишеское самолюбие героя. Ибо в отряде, где тот оказался девяти лет от роду, он не числился ни в каком звании, жалованья не получал и даже ни разу не надевал полного доспеха. Однако графский гарнизон почти сплошь состоял из бывших латников, считавших Godelota кем-то вроде общего ученика и прочивших его в героические ряды тяжелой кавалерии, обучая уже порядком устаревшим рыцарским боевым приемам.

Отец Godelota, шотландец Хьюго Мак-Рорк, бежал из родной земли от беспорядков, бушевавших в Шотландии еще со смерти короля Якова Первого. Хьюго, потомок захудалого, но оттого не менее воинственного клана, отличался гордостью, вспыльчивостью и необузданным нравом.

Рано осиротев, он не имел ни одного сердца, которому грозило быть разбитым его смертью. А посему бесшабашный горец щедро расточал быщую через край молодость во всевозможных военных авантюрах.

Никакой склонности к политике Хьюго не имел, зато всегда питал любовь к хорошей драке. Именно эта слабость в злосчастный день привела Хьюго под знамена заговорщиков графа Джона Леннокса ¹, хотя и тогда ему было мало заботы, чей именно лоб отяготит корона. Но, когда заговор провалился, политическое равнодушие шотландского сорвиголовы не помешало объявить его государственным изменником.

Однако верные сторонники Леннокса, не дрогнув, один за другим взошли на плаху, а Хьюго решил, что не готов сложить голову за чужое, пусть и правое дело. Отсидевшись после облавы в сыром и укромном лесном овраге, Хьюго выбрался из окрестностей Эдинбурга и вскоре покинул страну.

Странствия его, пусть и весьма многотрудные, не имеют значения для нашего повествования. Судьба или, скорее, неумная натура долго швыряла его по свету туда и обратно в поисках приключений. Злые языки утверждают, что большую часть этих скитаний Хьюго провел то ли в разбойничьей шайке, то ли в экипаже пиратского судна, но я не стану повторять сплетен.

Наконец, нажив немало врагов и дважды чудом избежав виселицы, беглец очутился в терзаемой распрями Италии. Какая извилистая тропа привела его в этот край – он затруднился бы ответить, но там в жизни неугомонного шотландца произошел крутой поворот. Завернув в

¹ *Джон Стюарт, граф Леннокс* (ок. 1490–1526), сторонник короля Якова V, убитый при попытке освобождения несовершеннолетнего короля из заключения в Эдинбургском замке.

небольшое сельцо под Феррарой, чтобы подковать лошадь, он встретил крестьянскую девицу по имени Терезия и был наповал сражен ее неброской красотой.

Отца девицы вовсе не обрадовал шанс породниться с тридцатидвухлетним головорезом иноземных кровей. Но здесь имелась завычка: семья Терезии была бедна, а Хьюго, наряду с первой сединой и орнаментом из шрамов, обладал небольшим состоянием, хотя и не любил рассказывать о его происхождении.

Словом, родня девицы сдалась, и ошалевший от восторга Хьюго женился на Терезии, с которой и прожил в безоблачном счастье двенадцать лет.

Однако судьба, как пятилетний ребенок, не умеет возиться с чем-то подолгу, и печься об авантюристе ей наскучило. Терезия захворала тифом и умерла, оставив Хьюго незаживающую сердечную рану и девятилетнего сына Годелота.

Мальчик уродился настоящим шотландцем, унаследовав от матушки-итальянки лишь пламенные темно-карие глаза. Отцовский непоседливый нрав и склонность к риску щедро проявились в ребенке с самых ранних лет. Однако Хьюго, памятуя о собственной бурной юности, решил сразу пустить энергию отпрыска в правильное русло. Измученный тоской о жене и тревогами о Годелоте, он распрощался с немногочисленными родными покойной Терезии, забрал сына и отправился в провинцию Венето, где завербовался в наемники к мелкопоместному графу, определив мальчика в гарнизон барабанщиком.

Новый синьор был человеком с причудами: он непременно желал иметь собственный военный отряд, хотя маленькое графство было местечком до скуки мирным. Власти же не поощряли подобных причудей, ибо кто мог сказать, куда завела бы и так беспокойную страну склонность каждого провинциального аристократишки заводить собственную армию. Поэтому три десятка вояк, игравших роль графского гарнизона, в реестрах значились охотниками и сторожами, вели размеренную сытую жизнь и совершенно не беспокоились о том, к какой должности приписаны на бумаге.

Меж тем Годелот подрастал, и отец замечал все больше странностей в характере сына. По-отцовски вспыльчивый и азартный в драке, мальчик вдобавок был смышлен, любопытен и вскоре напросился в ученики к пастору. Поначалу порадовавшись за отпрыска, на удивление быстро выучившегося грамоте, Хьюго заметил, что поторопился с восторгами.

Мальчишка завел фасон читать все подряд без всякого разбору. Нахватался дурацких идей, вроде той, что тело, содержащееся в чистоте, менее подвержено хвори. А ведь любой здравомыслящий человек легко сообразит, что вымытая кожа все одно что голая, а значит, беззащитна перед любой дрянью.

Набравшись пагубной книжной пыли, Годелот стал несносен в споре, ибо о каждом предмете возымел собственное мнение, часто звучащее сушей ересью.

Хьюго, любящий сына грубоватой, но искренней любовью, за голову хватался, очередной раз заставая его за беседами с пастором и чудачком-лекарем. А тот, к слову сказать, дела своего не знал, поскольку вместо того, чтобы похлопотать о юношеской придури мальчугана, лишь потакал его причудам и даже водил в свой оплот чернокнижья в одной из полуподвальных камор.

Не подумайте, что Годелот слыл сумасшедшим. Для своих лет он ловко управлялся с палашом, исправно нес караулы, к мессе не опаздывал, но и в ядреном речевом похабстве толк знал, а посему в гарнизоне считался парнем свойским. А что спутал чего господь в неокрепшем разуме – так то бывает. Вон и шестипальцы некоторые рождаются...

Но Хьюго не терял надежды, что сын образумится, и потолковал с Луиджи. Сам шотландец городов повидал вволю и таил чаяние, что после нескольких дней в зловонном каменном вертепе Годелот вернется отрезвевшим и бросит всякую безбожную книжную галиматью.

...Сам же виновник отцовских дум не подозревал о надеждах, возлагаемых батюшкой на целительную силу суровой реальности. Сегодня, вновь готовый к открытиям, он пробирался

по лабиринту тесных улочек, руководствуясь ворохом наставлений, полученных вчера от словоохотливой торговки.

Улица напоминала ущелье меж отвесных скал. Серый камень домов, теснящихся вплотную, нависал над Гodelотом, не позволяя солнцу заглянуть в сумрачные глубины кварталов.

Сейчас отовсюду неся гвалт трудового утра. Мерный бой кузнечного молота задавал ритм, подхваченный щелчками и визгом ткацких станков, говором каких-то неведомых Гodelоту инструментов и неумолчной какофонией голосов. Заблудшая свинья рылась в груде отбросов у крохотной лавчонки, нагруженные тележки то и дело прокатывались по щербатым камням, едва не впечатывая прохожих в замшелые стены.

Однако, пусть и неприглядный в своем дневном быту, Тревизо все же был приветливее, чем ночью. Вчерашнее возвращение в трагторию по стремительно пустеющим улицам, неверно освещенным чадающими там и сям масляными фонарями, по сию пору вызывало у Гodelота невольное содрогание.

Наконец отыскалась оружейная мастерская, помещавшаяся в приземистом здании с подслеповатыми окнами. Толкнув дверь, Гodelот оказался в просторном и шумном помещении, загроможденном множеством прелюбопытных вещей, которые в другое время охотно бы рассмотрел. Но к нему уже спешил дородный субъект в засаленной рубашке и кожаном фартуке. Это был хозяин мастерской Винченцо – весельчак, скупердяй и отчаянный сквернослов. С достоинством поклонившись и сквозь зубы рыча на нерасторопных подмастерьев, он повел покупателя к захлапленному столу, выслушал заказ и начал сосредоточенно царапать на грязноватом листе торговую расписку, солидно морща лоб и втайне надеясь, что юнец не заподозрит его в малограмотности.

– Итак, тридцать пеньковых и тридцать жильных. Милости прошу... Что за прекрасный выбор! – Винченцо частил, закатывал глаза, а сам недоумевал, зачем престарелому графу, в чьем тихом углу уже наверняка лет сто не расчехляли орудий, столько тетивы. Но граф был готов платить, а посему имел полное право на причуды. Оружейник заметил слегка скужающий вид визитера, доверительно наклонился к нему и с видом фокусника проговорил: – Моим изделиям равных нет по всей провинции Венето, я имел честь продать арбалет самому дожу. Я не скуплюсь на материалы, друг мой! Но это, заметьте, не все... – Негоциант многозначительно поднял брови. – У меня работает исключительного мастерства тетивщик. Руки сам Господь вылепил. Пожалуйста к нему, отберите товар, и вы будете вспоминать меня добрым словом долгие годы.

Кирасир едва сдержал смешок – ни одна тетива, будь она хоть феями сработана в сказочных куцах, не прослужит долгие годы. Что ж, всякий хозяин хвалит свой товар.

Гodelот поклонился:

– Не желаете ли вы, мессер Винченцо, проследить за отбором и помочь мне советом?

Толстяк замахал руками:

– Я ручаюсь за каждое свое изделие, даже не глядя на него! Вон сидит мой мастер, берите любую его тетиву – и не ошибетесь.

Юноша проследил за его грязноватым указующим перстом и увидел темный угол, где чадила одинокая лампада. Скорбный лик Девы Марии смутно проглядывал сквозь сумрак, а под ним виднелась склоненная спина. Видимо, человек молился.

Гodelот нерешительно двинулся в указанном направлении, не желая мешать молящемуся и стараясь ступать бесшумно. Но, подойдя поближе, он вдруг увидел в углу станок. А рядом невысокие козлы с уложенными в военном порядке готовыми тетивами. Неужели в этом мраке можно работать?

Однако человек сосредоточенно трудился. Давно не стриженные черные волосы были стянуты шнуром, поношенная веста заметно тесна в плечах, смуглые пальцы невероятной

длины споро мелькали над пеньковой струной, закрепленной на станке... Гodelot нахмурился. Нечто смутно знакомое привиделось ему в этой весте и угольной копне волос.

И в этот миг мастер выпрямился, отчего-то не оборачиваясь.

– Не побрезгуйте, сударь, извольте взглянуть. Лен, крученая жила, конопляная нить. Сам натяну на арбалет по всем правилам ратной науки и отлажу механизм, если пожелаете.

Голос был приветлив, тонкие пальцы с вкрадчивой лаской пробегали по разложенным тетивам, но Godelot уже вспомнил. Он сделал еще шаг и вдруг заметил, как плечи тетивщика напряглись.

Мастер медленно обернулся, и к кирасиру обратилось смуглое худощавое лицо с упрямым подбородком. Но сегодня не было приметного прищура. Широко распахнутые кобальтовые глаза неподвижно смотрели Godelotu в переносицу. Карманник был слеп.

Глава 2

Дурноглазый

Ошеломленный Гodelot смотрел, как мерзавец бережно накидывает нити недоплетенной тетивы на плечо станка, встает и кланяется с той же бесшумной грацией, с какой растворился в толпе. Что за черт... И что прикажете делать? Клеймить мошенником того, кто так и не успел его обокрасть? Размахивать своей раненой ладонью перед незрячими глазами? Требовать извинений от паскудника, который его даже не сможет узнать? И выставить себя круглым идиотом?

А мастер терпеливо ждал, когда покупатель заговорит, и Гodelot снова почувствовал закипающую ярость.

– Лен и жила, шестьдесят штук. И каждую десятую я хочу сам отстрелять для пробы. Если хоть половина выдюжит – поговорим о цене.

Вызывающая грубость собственного тона показалась Гodelоту квохтаньем взбешенного петуха. Но тетивщик снова поклонился, вынул из кармана огниво, безошибочными движениями зажег на стене факел и приглашающе указал на ровные ряды готовых тетив:

– Пойдемте на задний двор, мессер.

За последующий час Гodelot возненавидел тетивщика пылкой и вызревшей ненавистью. Пеппо, как представился мерзавец, раздражал его каждым словом и поворотом головы. Почтительная речь, в которой разъяренному кирасиру чудилась насмешка, заставляла его обращаться к мастеру все более пренебрежительно и резко. Худые крепкие руки, с неожиданной силой взводившие рычаг арбалета, напоминали о юркой ладони, уже почти завладевшей казенным кошельком (за утерю которого Гodelot неминуемо был бы выпорот плетью). Даже превосходная тетива, вполне справедливо нахваливаемая Винченцо, вызывала у кирасира глухую досаду.

Однако всего несноснее был странный, неподвижный, но до изумления выразительный взгляд слепых глаз. Вероятно, то была лишь иллюзия, навеянная Гodelоту злостью, но глаза тетивщика казались лукавыми, насмешливыми и пронизательными, словно там, за стылым темным стеклом зрачков, шла какая-то неведомая жизнь. Не видя лица, этот мертво-живой взгляд бесцеремонно проникал в самое нутро и шарил там точно так же, как руки шарили в чужих карманах.

Гodelot придирался и язвил, критиковал каждую тетиву, гонял мастера за новыми и новыми образцами, ребячливо досадуя, что перед слепым ни к чему брезгливо морщиться. Ему до смерти хотелось, чтобы тетива оказалась дрянью, а сволочной Пеппо – криворуким неучем, и великолепное плетение гладких волокон бесило его до зубовного скрежета. Вдобавок от злости Гodelot, всегда гордившийся своей меткостью, уже дважды промахнулся мимо мишени, нарисованной углем на здоровенной доске в углу двора. И пусть мастер не видел этого конфуза, кирасир все равно был уверен, что тот все знает и злорадствует.

– Довольно! – отрезал наконец шотландец, опуская арбалет. – Придется брать что есть. Поди, не Венеция, настоящего товара не отыщешь.

В ответ на оскорбление Пеппо с поклоном развел руками:

– Большая честь для меня, мессер.

А уголки губ на миг дрогнули почти добродушной издевкой.

Выходя из мастерской, Гodelot был почти уверен, что вор попросту кладет изрядную долю добычи в карман хозяину, оттого тот так и превозносит своего любимца-процельгу. Ему уже хотелось скорее покинуть этот поганый город с его грязными мостовыми и мерзкими обитателями.

* * *

Пеппо наложил последнюю петлю и потер ноющие пальцы. Сегодняшний напыщенный индюк принес Винченцо немалую прибыль, а значит, хозяин в духе. Нужно непременно вырваться из мастерской до ночи. Пусть вчера не повезло, но могло быть куда хуже, к тому же он все равно успел скопить немного денег за прошедшую неделю.

Тетивщик встал, с наслаждением разгибая уставшую спину, и тут же нахмурился. С индюком вышло нехорошо... Знал бы тот, как Пеппо обмер, услышав его голос в мастерской. В первую минуту он даже не сомневался, что служивый ухитрился найти его после вчерашней истории и теперь пришел мстить.

Впрочем, это ерунда, Винченцо все равно не вышвырнул бы его на улицу. Раздобыть нового тетивщика – это вам не за свечкой в лавку сбегать. Он лишь избил бы Пеппо так, что того двое суток тошнило бы от боли, а воспаленные полосы плетей разгоняли по телу сухой тряский жар.

Однако есть и худший оборот. Индюк может оказаться хитрее и порассказать о грешках Пеппо в трактире. Вот тогда дело дрянь. В маленьком Тревизо новость разлетится быстрее, чем ведро помоев в хлеву. У Винченцо будут чертовски крупные неприятности, а о собственных бедах лучше и вовсе не думать. Виселица будет самой меньшей из них.

Тетивщик глубоко вздохнул, осаживая в животе гадкий холодок. Нужно срочно улизнуть и успеть обернуться дотемна. И тогда пусть Винченцо хоть на метле летает. А там поглядим, чего раньше времени загадывать.

Пеппо прислушался. Мастерская отбивала последние удары дневного пульса. Зычного баритона Винченцо не было слышно, а значит, хозяин отправился отужинать и вернется нескоро. Что ж, он неплохо поработал, верно? Тюк тетивы продают не каждый день. А после трапезы, от души сдобренной вином, хозяин будет ленив и умиротворен. Можно и отлучиться.

Напустив на себя озабоченно-занятой вид, Пеппо независимо прошагал к двери, выскользнул на крыльцо и почти бегом рванулся по улице, крутым спуском уходящей в разлом меж домов.

Вечером Тревизо не так шумен и бестолков, как днем. Селяне-торговцы разъехались, в тракториях дым коромыслом, а потому толчея на улицах редет. Легче уворачиваться от чужих плеч и локтей, и разморенные ругательства, летящие вслед, уже лишены ядерной дневной злобы и лениво шлепают в спину, будто яблочные огрызки.

Пеппо пронесся знакомыми переулками, взлетел по старинным вытертым ступеням и толкнул разохшуюся дверь, отозвавшуюся надсадным болезненным скрипом. Навстречу метнулась удушливая волна запахов – пыль, мыши, жидкая овощная похлебка и человеческая боль.

Тут же приблизился знакомый шелест, и приглушенный голос произнес:

– Джузеппе! Ты поздно сегодня.

Этот голос походил на медную дверную ручку – был так же сух, прохладен и невыразителен, но неизменно внушал чувство равновесия и незыблемости.

– Доброго вечера, сестра Лючия, – зачастил Пеппо, – я принес деньги. Простите, почти неделю не заходил...

Он уже спешно расстегивал ворот, нащупывая шнурок кошелек, но вдруг на его локоть легла осторожная ладонь.

– Джузеппе, не спеши.

Тетивщик замер. От непривычно ласковых нот в голосе монахини по спине пополз неприятный озноб.

– Сестра Лючия. Что-нибудь... – Он осекся.

– На все воля Господня, Джузеппе.

Монахиня замолчала, зашелестел велон ², а дробный перещелк четок выдал, как пальцы ее суетливо забежали по костяным бусинам, будто складывая из них следующую фразу. И Пеппо понял, что знает слова, которые так спешно ищет сестра. И он давно уже готов.

– Джузеппе, Алесса умерла сегодня утром.

Нет, он был не готов. Весть обрушилась на него, на миг оглушив и лишив дыхания. Он боялся ее каждый день, месяц за месяцем, пять долгих лет. Он привык к этому страху, как привыкают к боли в гангренозной руке. Уже почти верил, что однажды рана сама собою заживет, если ни на миг не переставать о ней печься. Убеждал себя, что уже не так больно, как прежде. И вдруг очнулся, обнаружив на месте руки обрубок, кровоточащий сквозь бинты...

Сестра Лючия смотрела в окаменевшее лицо. Она точно помнила, что еще утром приготовила какие-то очень нужные, очень правильные слова, но они все не шли на ум. Привычно протянула руку, чтоб осенить Джузеппе крестным знаменем, а он вздрогнул и отстранился, словно пальцы монахини были раскалены.

– Пустите меня к ней... – пробормотал тетивщик.

Монахиня не ответила, только ровный звук шагов и говор четок увлекли его по длинному коридору и знакомой узкой лестнице вверх.

Несколько минут спустя он сжимал ледяные пальцы, сухие глаза жгло непролитыми слезами. Он коснулся поцелуем воскового лба, пахнущего ладаном, и долго не отнимал губ.

– Прости меня, – прошептал он, – прости. Я так старался...

А настойчивая рука уже сжала его плечо:

– Джузеппе, не мучай себя. Сегодня ночью отслужим заупокойную. Монастырь похоронит Алессу. Но ты должен жить дальше. Ступай, Господь облегчит твою боль.

– Мама не нищенка, чтоб ее хоронили за счет богадельни. – Пеппо дернул плечом, не выпуская руки усопшей. – Я похороню ее сам. Отдайте мне тело.

– Нет. Госпиталь не имеет права отдавать тела умерших.

Пеппо обернулся, губы передернулись беззащитно-злой гримасой:

– Вы лжете, сестра. Мне ли не знать ваших порядков? Это касается только умерших от заразных хворей.

Лючия покачала головой:

– Таково распоряжение городского совета.

– Плевал я на совет.

Монахиня помолчала. Потом нерешительно коснулась пальцами склоненной головы тетивщика:

– Джузеппе... Это несправедливо, я понимаю. Но тебе не следует хоронить ее самому.

– Позвольте хотя бы прийти на отпевание.

– Нет, – мягко отсекала сестра Лючия, – ты же все понимаешь. Не упорствуй.

Пеппо вздрогнул и отвернулся. Да, он понимал, но до сих пор не собирался об этом задумываться. Он долго молчал, а затем снял с шеи кошелек и протянул монахине:

– Вот. Оденьте как подобает, сестра. Мама любила синий цвет... и бисер.

Она почти нерешительно взяла кошелек, а тетивщик вдруг удержал ее за руку:

– Сестра, а мама ничего не говорила перед тем, как... Словом, ничего не просила мне передать?

Монахиня помолчала, снова застучали костяные бусины. А потом спокойно и твердо ответила:

– Нет, Пеппо. Алесса умерла во сне. Очень тихо.

² Велон – головной убор католической монахини наподобие православного апостольника.

...Несмотря на мягкие увещевания монахини, Пеппо долго не мог покинуть келью матери. Он молча сидел у узкой койки, держа в ладонях холодную руку, машинально ощупывая огрубевшие кончики пальцев и безуспешно пытаясь уловить у запястья дробный молоточек жизни. Но за узким окном стемнело, и оставаться в госпитале было нельзя.

Выйдя из скрипучих дверей, Пеппо тяжело опустился на ступеньки. Надо возвращаться. Эта мысль была столь же пустой и бесцветной, как и мысль о том, что Винченцо уже, конечно, рвет и мечет. Какое ему теперь дело, что скажет хозяин? Алессы больше нет, а значит, и трепетная забота о каждом медяке теперь бессмысленна. А ведь он должен был прийти в воскресенье. Он всегда приходил в свой единственный выходной и проводил с матерью многие часы. Всегда, но только не вчера, не в последний ее день...

Эта мысль вязкой смолой стекла куда-то в грудь, застряв там комом такого неистового, такого лютого отчаяния, что Пеппо затрясла мелкая дрожь. Стиснув кулаки, он ударил затылком в разошедшееся дерево старинной монастырской двери, давась вставшей поперек горла мукой.

Чей-то любопытный взгляд ощупал лицо, и Пеппо тут же ошетинился, чувствуя, как взгляд этот жадно, словно бродячий пес, лакает его боль. Но сил на злость не было. Медленно поднявшись, подросток побрел по улице. Он давно, бесконечно давно так отчетливо не ощущал себя слепым.

* * *

Джузеппе не помнил своей фамилии. В памяти сохранилось лишь окончание «джи», затерянное среди множества таких же случайных обрывков, из которых сотканы человеческие воспоминания о детстве. Там, среди вороха клочков и нитей, была задумчивая черноглазая женщина в вышитой котте, забавная лодка с высоким носом и кто-то широкоплечий и сильный, кто любил петь и иногда пах вином.

Все эти яркие цветные кусочки беспорядочной вереницей тянулись до одного дня, после которого Пеппо помнил свою жизнь отчетливо и подробно. В тот день он утратил две ценности разом – семью и зрение. Последними воспоминаниями той прежней эпохи были нарядное зарево, стоящее над крышей бревенчатого домика, плеск больно-оранжевых лоскутов в окнах, чьи-то крики и сухой треск. Высокая фигура в черном, нараспев читающая невнятные слова. Потом отчаянный бег куда-то в рокот и шелест, хриплое дыхание, крепкий запах палой листвы. И весь этот сумбур оканчивался ударом по затылку, после которого настала ночь, уже не сменявшаяся рассветом.

И тот же страшный день, отнявший у шестилетнего Пеппо прежнюю жизнь, подарил ему Алессу. Она никогда не рассказывала ему, кто и почему сделал его сиротой. Вероятно, она этого вовсе не знала.

О себе Алесса рассказывала мало, поскольку женщиной была простой и жизнь вела самую непримечательную. Она выросла в монастырском приюте, совсем юной овдовела, так и не успев завести детей. А потому, подобрав в лесу близ сельского тракта ребенка с разбитой головой, приняла свою находку как дар Божий и никогда ни словом не упоминала, что Пеппо ей не родной сын.

Алесса одиноко жила на окраине Падуи, была недурной белошвейкой, заказов ей хватало вдоволь, и приемыш ни в чем не нуждался. Поначалу Алесса надеялась вернуть малышу зрение, обращалась к врачам и сельским знахарям, но и те и другие качали головами. И тогда, смирившись с невозможностью вылечить Пеппо, женщина решила, что научит его жить незрячим.

С ребенком было трудно. Медленно оправляясь от раны на затылке, он целыми часами безутешно плакал, до крови раздирал веки, пытаясь вырваться из глухого мрака своей слепоты, вскрикивал сквозь слезы, вздрагивал от каждого прикосновения и отчаянно, горестно звал

мать. Но Алесса не знала устали. Не умея даже читать, она обладала невероятной чуткостью и острым умом. Нерастроченная же за годы одиночества любовь, перестоявшая и вызревшая, как крепкое осеннее вино, благодарно устремилась в обретенное русло.

Алесса начинала с малого. Она не выпускала малыша из объятий, беспрерывно говорила с ним о чем попало, прорывая голосом стену его одиночества во тьме. Десятки раз повторяла, что никогда его не бросит, и снова обнимала, напевая все известные ей песни вперемешку, пока Пеппо не засыпал тревожным и тяжелым сном.

Он заново учился ходить, подолгу не решаясь сделать следующий шаг, до хруста сжимая руку Алессы, пояс или край фартука. Он часто падал, неловко взмахивая в воздухе руками, будто под ним вдруг разверзалась пропасть.

Алесса опасалась, что мальчик забудет, как выглядит мир. Пространно и многословно описывала ему все, что происходило вокруг, не скупясь на сравнения и детали. Водила его ладонями по земле, шершавым доскам забора и мягким перьям кур, давала в руки десятки вещей, прося угадать, что это, и награждая за успехи поцелуями.

И Пеппо начал различать... Сначала миски и горшки, потом пуговицы и монеты, потом иглы и булавки, а потом толщину ниток в вышивке и пшеничные зерна среди просяных. Он научился по запаху отличать речную воду от озерной, а золу костра от золы камина. Находить крохотные трещины в гладких крышках ларей и шкатулок. По вкусу определять сорта муки и яблок. Считать деньги, по весу, размеру и толщине различая их достоинство.

Алесса выселила кота в амбар и заставила сына ловить в доме мышей, отыскивая их убежища по едва слышному шороху. Она неожиданно бросала в него мелкие предметы – мотки пряжи, орехи, ложки, луковицы, – требуя, чтоб Пеппо ловил их на лету. Ребенок плакал и бунтовал, обиженно садился в угол и всхлипывал, что он не может, не умеет... не видит. А Алесса обнимала его, утирала слезы и через минуту снова вскрикивала: «Лови!» И он пытался ловить. И вещи били по плечам и подбородку, градом сыпались на пол, пока однажды мальчик не подметил почти неуловимый свист летящей катушки. С того дня он понял, что у любого движения есть свой звук, и через полгода мог подряд поймать три глиняные кружки, ни одну не обронив.

Алесса запретила сыну считать себя увечным, восторгаясь его успехами и напоминая ему, что ни один из зрячих не сумеет по запаху ветра определить, что в двух днях пути от города где-то тлеет торф. Он осторожно открывал калитку, а Алесса строго кричала вслед, чтоб он не смел задирать на улице мальчишек, а не то она ему задаст. И Пеппо верил, что он и правда озорник, способный затеять потасовку с соседской детворой.

Усилия белошвейки не прошли даром. К десяти годам для Пеппо остались позади и разбитые колени, и ссаженные локти. Он утратил робость, умел седлать лошадь или колоть дрова не хуже сверстников и различал даже пятна на ткани, никогда не путая лампадное масло с кухонным, а куриную кровь со свиной. Он отточил память на шаги, голоса и другие признаки, по которым узнавал человека, которого встречал хотя бы раз. Его невозможно было обмануть на рынке, поскольку в запахах рыбы, мяса и овощей он разбирался почище матерой дворовой собаки.

Помимо же уроков Алессы Пеппо непрестанно получал и другие. Несколько раз крепко избитый сверстниками, он уяснил: слабого всегда травят. Надо прослыть сильным – и от него отстанут. Приняв решение, Пеппо начал затевать свирепые драки с каждым, кто хотя бы усмехался на его счет, обостренным чутьем выискивая болезненные точки, а по воздушным потокам пытаясь предугадать направление удара противника. Это стоило ему много раз разбитого лица и однажды сломанной руки, но вскоре слепой мальчишка заработал твердую репутацию непредсказуемого сорвиголовы и нападки на него прекратились. Он чуял чужие страх, ложь или ненависть по какому-то ему одному ведомому душку. Он стал насмешлив и бесстрашен, веря в свое непогрешимое оружие – могучее чутье.

Главной ценностью в жизни Пеппо оставалась Алесса, которую он давно называл матерью. Она походила на войлочный плащ. Простая и надежная, слегка жесткая, слегка колючая, но неизменно готовая укрыть от ветра и сохранить доверенное ей хрупкое тепло. Она всегда поддерживала сына, но никогда ни от кого не защищала. И Пеппо знал – так нужно, потому что он должен защищать себя сам. Он доверял ей во всем, никогда не сомневаясь ни в правоте Алессы, ни в ее любви. И именно к ней он пришел с тяготившим его вопросом: отчего никто из детей никогда не завязывал с ним дружбы, а многие взрослые избегают их дома? Алесса невозмутимо ответила:

– Потому что ты не соблюдаешь правил. Тебе положено быть калекой и вызывать жалость. Тогда бы тебя привечали, а мной восхищались. Людям нравятся ничтожные и убогие, это помогает им чувствовать себя сильнее и значительней, не прилагая никаких усилий.

Пеппо усмехнулся и с тех пор не искал ничьей дружбы. И он все равно был счастлив, любимый приемной матерью и еще слишком юный, чтоб задумываться о своем туманном будущем. Ему было уютно в его тесном теплом мире, слепота стала привычной и похожей на темную, но родную каморку. И он почти не замечал, как все больше становится чужим огромному миру, простиравшемуся за ее пределами.

А меж тем соседи, поначалу просто сторонившиеся его, стали побаиваться слепого паренька. Слишком ловко он вскакивал верхом на лошадь, слишком сноровисто резал из дерева игрушки, слишком уверенно ходил по улице.

А однажды Пеппо бесхитростно ляпнул гончару, что тот хвор и должен показаться лекарю. Здоровяк расхохотался мальчишке в лицо... а через неделю слег в постель, надсадно хрипя от боли и сгибаясь вдвое. Десять дней спустя гончар умер от желудочного кровотечения, а Пеппо, выходя из лавки, получил камень в бедро. «Ведьмак поганый! Душегуб!» – взвизгнула темнота. Это было впервые. И тогда мальчик просто растерялся, стоя посреди улицы и что-то лепеча. А мимо уха свистнул второй камень, и Пеппо опрометью бросился бежать, натываясь на изгороди и столбы, чего с ним не случалось уже несколько лет.

Дома он рыдал от злости и обиды, взяв хлеб объясняя матери, что от гончара просто стало иначе пахнуть, дурно и тяжело. Алесса молчала. Она знала, что будут и другие камни. Пеппо же усвоил, что людей нужно опасаться, и поклялся себе никогда больше не лезть к ним с сочувствием, не реветь из-за их паскудства.

А через два года разразилась беда. Пеппо уже не раз замечал, что запястья Алессы стали тоньше, а пальцы часто холодны. Что мать едва прикасается к еде и быстро устает, что все чаще задерживает выполнение заказа, потому что ее дурно слушаются руки. Она ссылалась то на сезонные хвори, то на женское недомогание, но Пеппо чувствовал, что отговорки эти пустые. За врачом он съездил сам, поскольку Алесса и слышать не хотела о лекарях. В тот же вечер мальчик узнал, что мать тяжело больна.

Во второй раз привычный мир Пеппо пошел трещинами, с грохотом осыпаясь в пустоту. Вскоре он понял, чего стоит в Падуе его своеобразная репутация. Врачи не хотели брать за приемную мать «дурноглазого». Конечно, среди эскулапов хватало людей науки, прекрасно знавших нехитрую природу этой дурной славы, но и лекарю нужно зарабатывать на хлеб. А взявшись за подобную пациентку, можно было шутя лишиться практики. Пеппо отчаянно пытался ухаживать за матерью сам, брался за любую работу и лез из кожи вон, но болезнь Алессы требовала все больших расходов.

И Пеппо принял непростое решение. Скрепя сердце он продал дом, с трудом выручив за него полцены, и увез мать в Тревизо, где поместил в монастырский госпиталь, оплатил ее лечение на несколько месяцев вперед и принялся за поиски заработка.

Но слепого мальчишку не спешили брать в подмастерья или прислуги. Жизнь в Тревизо была недешева, уход за Алессой и подавно, и вскоре отчаявшийся Пеппо, оставшись без гроша, принялся промышлять мелкими кражами на местном рынке, пользуясь своими чуткими паль-

цами, развитыми инстинктами и особой пренебрежительностью, с которой окружающие относились к слепому мальцу.

Поначалу было невыносимо. Краденая еда казалась горькой, а руки – грязными. Пеппо приходил в церковь, пытаясь каяться, подолгу стоял в душном вареве людских скорбей, не зная, как объяснить Ему, незримому, необъятному, пахнущему воском и ладаном, что иначе не сможет платить за келью в госпитале. А мать угасала, и скоро он понял – его не слушают. Господу не до него. И Пеппо перестал оправдываться.

Он привык. Он становился все ловчей и изворотливей. Теперь вместо еды он крал деньги, иногда выуживая монету из плохо завязанной мошны, а иногда дерзко срезая кошель с ремня.

Но, как известно, любой вьющейся веревочке всегда находится конец. Пеппо буквально поймал за руку Винченцо, владелец оружейной мастерской. Поймал по сущей безделице, случайно потянувшись передвинуть пояс на объемистом животе.

Это и был тот самый конец, и Пеппо уже приготовился сначала к побоям, а потом к колодкам во дворе городской управы. Но Винченцо вдруг задумчиво хмыкнул, с ленцой отвесил вору пощечину и поволок за собой в тратторию, где накормил и подробно расспросил.

Все было очень просто. Выпивоха и сквалыга Винченцо знал толк в оружейных делах мастерах. Уже собираясь проучить поганца, он обратил внимание на длинные крепкие пальцы, которых не почувствовал в плотно висевшем на теле кошелье.

К вечеру Пеппо стал подмастерьем тетивщика Чезаре в мастерской Винченцо, и его сумбурная жизнь обрела подобие устойчивости. Оружейник был скуп, однако рабочих кормил исправно, а в каморке при мастерской спалось куда спокойнее, чем в угольном сарае на окраине Тревизо, где Пеппо тайком ночевал до сих пор. Пораженный своей неожиданной удачей, Пеппо бросил опасный воровской промысел и рьяно взялся за освоение ремесла.

Огнестрельное оружие все прочнее входило в военный обиход, но даже заржавленная аркебуза была мало кому по карману. Надежный же дедовский арбалет исправно нес свою службу, не требуя особых затрат. Винченцо, человек практичный и деловой, правильно оценивал ситуацию и не велся на новомодные веяния других мастерских. А посему почти все арбалетчики в двух окрестных городах были его постоянными покупателями, и он бдительно следил за качеством своего товара.

Тетивщик Чезаре был превосходным мастером, но Винченцо знал, что хлопок бутылочной пробки напрочь лишает того воли, и возлагал большие надежды на мальчугана с ловкими пальцами.

Плетение тетивы было искусством непростым, но осознание в нем играло решающую роль. Через несколько месяцев Пеппо уже различал все виды материалов, их качество, а затем и мануфактуру, где они были изготовлены. Через полгода одним щипком тетивы по звону или дребезгу распознавал, нет ли в корпусе арбалета трещин. Через год безошибочно подмечал мельчайшие дефекты, и у Винченцо резко снизилось число недовольных клиентов. А вскоре Чезаре преставился от неумеренного пристрастия к стакану, и Пеппо занял его место.

К семнадцати годам слепой тетивщик был одним из лучших мастеров в округе и приносил хозяину твердый барыш. Но Винченцо не спешил повышать Пеппо в звании. Называться мастером парень не вышел годами, да и жалованье ему полагалось бы совсем иное, а потому хозяин всегда выискивал новую причину, и Пеппо по-прежнему числился подмастерьем.

Однако Винченцо знал, что мальчишка нуждается в деньгах, и опасался, что тетивщика сманит кто-то другой. Джузеппе же обладал отменным здоровьем и полным равнодушием к выпивке, и расставаться с ним было не с руки. Поэтому хозяин негласно позволял ему браться за любые приработки вроде чистки оружия, заточки клинков и мелких ремонтов, а также дал прочим мастерам указание без всяких отговорок наставлять мальчишку в любых вопросах.

Это положение поначалу устраивало всех – самого Пеппо, Винченцо и остальных рабочих, охотно сваливавших на слепого подмастерья скучную и грязную возню. Но время шло,

Пеппо становился старше и шире в плечах, и у него уже нельзя было походя отнять полученные за работу медяки.

Сам Винченцо относился к своему мастеру неоднозначно. Он ценил его умелые руки и быстрый ум. Но дерзость и независимость Джузеппе раздражали хозяина, ожидавшего беспрекословной покорности благодетелю. Пронизывающий же незрячий взгляд вызывал содрогание, которое и подвигло Винченцо повесить над головой тетивщика образ Богоматери, словно та могла присмотреть за строптивцем.

Винченцо, сам того не замечая, неустанно пытался доказать Пеппо собственную власть над его судьбой. Редкую неделю тетивщик не был сечен плетью за те или другие прегрешения. Тяжелую руку хозяина знали и остальные рабочие мастерской, но слепой мальчишка, ухмылявшийся в ответ на первый удар, приводил Винченцо в бешенство и бывал порот с особым усердием.

Однако работа не приносила Пеппо достаточных средств. Алессу медленно подтачивал недуг. Она то оживлялась, гуляя с сыном в церковном саду, вышивая и даже посещая мессу, то снова лишалась сил и безучастно лежала в своей тесной келье. Сестры-монахини осторожно сообщили Пеппо, что болезнь крови, терзающая его мать, не имеет излечения. Он же убеждал себя, что не верит, и старался, как мог, продлить ее дни.

Пеппо снова начал воровать, но теперь уже не стыдился своего промысла. Более того, он больше не надеялся на скупое Божье милосердие и предпочитал, чтоб небеса не вмешивались. Теперь он грешил почти с вызовом, будто надеясь отвлечь их гнев на себя и заставить забыть об Алессе.

Друзей в Тревизо Пеппо тоже не нашел. И здесь одни демонстративно не замечали его, другие глумились над его увечьем, и все побаивались ярких нахальных слепых глаз, живших на лице, по мнению обывателей, какой-то своей потаенной жизнью.

Пересуды и шепотки за спиной окончательно ожесточили Пеппо. Насмешливость его стала саркастичной, язык приобрел ядовитую остроту, а привычка тетивщика криво усмехаться одним углом рта, слыша оскорбление, прочно закрепила за ним дурную славу.

И вот теперь репутация эта, одевавшая Пеппо прочной броней самообладания, сослужила ему скверную службу. Он не мог своими руками засыпать землей тело женщины, вернувшей ему жизнь. Ибо к могиле той, кого хоронил «дурноглазый», не подойдет даже мальчик-служба.

...Пути до мастерской Пеппо не заметил, погруженный в мутную тоску. Он знал, что это лишь первая боль утраты. Завтра ум просеет мелким ситом сегодняшнюю шелуху неверия и ошеломления, оставив на поверхности лишь ничем не прикрытое острозубое отчаяние.

Пеппо толкнул дверь мастерской и тут же был выдернут из раздумий суровым голосом Винченцо:

– Где ты шлялся?

Пеппо повел головой, будто просыпаясь:

– Я закончил работу, мессер.

Приняв безучастность этой фразы за раскаяние, хозяин шагнул ближе.

– Я не отпускал тебя, Джузеппе. И не тебе решать, когда твоя работа окончена.

Вкрадчивость голоса выдавала закипающий гнев, но Пеппо сегодня было не до настроений Винченцо.

– Мне нужно было уйти, а вас не было здесь, чтоб запретить.

Неприкрытое нахальство фразы лишило оружейника остатков выдержки, и он рявкнул:

– И по какой же нужде ты шатаешься по улицам в такое время?! Или накопил медяков на шлюху?

Пеппо дернулся, как от пощечины, и медленно поднял голову:

– У меня умерла мать.

Винченцо попятился, встретившись взглядом с неподвижным ледяным кобальтом. Внезапно его охватил страх. На миг ему показалось, что налитые холодной злобой глаза вполне зряче сверлят его ненавидящим взором. Винченцо вспомнил, что он один в мастерской с этим странным мальчишкой, гнев и паника захлестнули его с головой, и он завизжал:

– Да откуда у тебя мать! Таких пащенков, как ты, блудницы от Сатаны нагуливают!

Секунду Пеппо стоял неподвижно. Потом молча ринулся к хозяину, но тот уже сдернул со скобы плеть. Резкий визг метнулся тетивщику навстречу, тот уклонился от тугой волны рвущегося воздуха, и жгучая полоса впиалась в руку пониже плеча, выдирая клочок рукава. Пеппо молниеносно выбросил вперед кисть, охватил тугие крученые полоски кожи и рванул на себя. По инерции Винченцо качнулся вперед, и тут же длинные сильные пальцы клещами сдавили кадык. Оружейник сдавленно всхрипнул и с размаху ткнул Пеппо под дых рукоятью плети.

От боли пальцы рефлекторно разжались, и Винченцо ударил мальчишку в лицо. Перехватил плеть и обрушил на упавшего тетивщика град остервенелых ударов. Страх и ярость оглушали оружейника, кровь разрывала виски. Он хлестал и хлестал, словно в тумане видя, как поганец катается по полу, вскрикивая, рыча и хватаясь за беспощадную плеть. Мальчишка не защищал лица, не сжимался в комок. Плеть вырывалась из цепких рук, сдирая с них кожу, кровь брызгала на рукава камизы и спутанные волосы, а Винченцо не мог остановиться. Он хотел, чтоб мерзавец попросил пощады, и это единственное желание затмевало иные мысли прежде вовсе не жестокого человека.

И вдруг оружейник выронил плеть, словно кто-то сдернул с глаз пелену.

– Джузеппе?..

Разметавшийся на полу тетивщик не шевелился. Винченцо осторожно шагнул вперед и слегка пнул того носком башмака.

– Пеппо... Чертов бездельник, уж тебе прикидываться!

За гневной интонацией Винченцо звучало замешательство. Одно дело учить кнутом ленивых подмастерьев: то дело богоугодное, да и самим неслухам оно на пользу. Но забитый насмерть рабочий – это уже совсем другая канитель. Это грозит судом. А окровавленный мальчишка лежал у его ног, безжизненно раскинутые истерзанные руки непривычно спокойно распростерлись на дощатом полу, исполосованная багровыми отметинами веста не колыхалась на груди.

Винченцо огляделся, отирая о камизу вспотевшие ладони и отрывисто дыша. Мастерская была пуста.

Глава 3

Обломок

Утро выдалось не по-летнему сырое и зябкое. Колет казался влажным и ничуть не согревал, но Гodelot истово старался не дрожать и сохранять подобающий кирасиру бравый вид. За каким бесом он вскочил в такую рань? Ворота Сан-Томасо были еще заперты, в рассветной неуютной мгле далеко разносились скрип телег и сонные понукания, а зевающие алебардчики, в наглухо запахнутых плащах похожие на нахохленных галок, нетерпеливо поглядывали на еле видневшийся в полутьме циферблат городских часов.

Сдержав вздох, Гodelot принялся машинально заплетать тонкие прядки на холке коня, надеясь, что время пойдет быстрее. Наконец раздался густой раскат колокола, вереница возниц и всадников у ворот оживилась, а часовые со скрежетом отперли устрашающего вида старинные засовы. Тяжелые створки медленно разошлись, разношерстная толпа, сопровождаемая криками алебардчиков, звоном сбруй и щелчками кнутов, сгрудилась у ворот, и началась обычная жестокая суতোлка рабочего утра.

Торговцы, ремесленники, крестьяне и просто зеваки красочным бранящимся потоком прокладывали себе путь в обоих направлениях. Тюки и ящики покачивались на телегах, рискуя обрушиться. Возницы осыпали лошадей и пешеходов отборной руганью, в давке удары кнутов порой попадали по головам и рукам, там и сям вспыхивали потасовки. Квохтанье кур и мычание волов, заливиная брань и скрежет колес оглушали, и Гodelot ошеломленно оглядывался, тоже бранясь и сдерживая коня, чтоб не затоптать в толчее какого-нибудь нерасторопного беднягу.

Уже совсем рассвело, когда вороной жеребец кирасира, фыркая и недовольно прядая ушами, выбрался на городской тракт, и Гodelot вздохнул с облегчением. Отчего все эти неисчислимы́е недоумки так спешат? Словно город пылает или вражеские ядра взметывают песок прямо за спиной. Неужели куры передохнут или фрукты сгниют за лишние четверть часа? Право, хоть пастор и утверждает, что каждый человек – истинная искра Господнего огня, но и искры хороши, лишь пока им вволю хватает дров. В городе же люди озлоблены скученностью и теснотой, а потому больше напоминают не согревающий огонь славы Божьей, а бестолковый и разрушительный пожар.

С этой неутешительной мыслью Гodelot посмотрел вдаль. Тракт гладкой лентой стелился среди полей, будто приглашая покинуть город с его безумными обитателями. Вот и славно. Завтра к вечеру уже непременно покажутся башни замка Кампано.

Первые несколько миль дорога еще неопытно пестрела всевозможными обедками, обрывками и прочим сором, неизбежно сопровождающим большие скопления людей. Но вскоре Гodelot отдалился от стен Треви́зо, и исчерченный колесами телег пыльный тракт вольно зазмеился среди полей, приветливо колыхавших жесткими шелковыми метелочками. Солнце показалось из-за верхушек деревьев, волнистой чертой обрамлявших горизонт. И даль просияла рябым зеркалом Боттениги, сонно отражающим рыбацкие лодчонки, проходящие издали на берестяные игрушки.

Эта мирная картина всколыхнула в Гodelote искрящуюся волну детского восторга, будто после долгих экзерциций на плацу его наконец отпустили восвояси. Пронзительно свистнув, он прищипил коня и понесся вскачь, поднимая облака пыли и вспугивая суетливых воробьев, копошащихся на обочинах. Здесь не перед кем было изображать сурового воина, пьянящее ликование било через край души, и Гodelot мчался вперед, упиваясь первыми солнечными лучами, все еще зябким ветром и густым терпким запахом просыпающихся полей.

С полчаса он бездумно гнал коня, и вдруг дорога резко взяла вправо, а из разросшегося бурьяна со сварливым карканьем взметнулись два десятка ворон. Конь испуганно захрапел, сбиваясь с аллюра, и Гodelot машинально натянул узду.

– Ну, чего струсил? – неодобрительно спросил он скакуна, который лишь брезгливо фыркнул в ответ, похоже порядком сконфуженный.

Вороны меж тем вновь опустились на обочину и важно шагали по пыльной мураве, поблескивая на гарцующего на месте всадника круглыми настороженными глазами. Они не собирались улетать, явно ожидая, что незванный гость сам уберется прочь.

Гodelot уже готов был снова прищпорить коня, как вдруг нахмурился. Показалось? Нет... Из зарослей широких изумрудных лопухов, приминяя пыльную летнюю траву, выглядывала стоптанная подметка. Кирасир взволнованно привстал на стременах, но густая зелень открывала лишь эту единственную неприглядную деталь. Неужели в кустах лежит убитый?

Спешившись, шотландец осторожно раздвинул могучие стебли бурьяна. На земле неподвижно распростерся человек, одежду его густо усеивали бурые пятна. Гodelot шагнул вперед, склонился над лежащим, и тут же почувствовал солоноватый запах крови. Значит, раны совсем свежи. Кирасир опустился на колени, не без содрогания потянулся к окровавленной руке и осторожно сжал тонкое жилистое запястье, как дома на его глазах не раз делал лекарь. Пальцы ощутили прерывистые толчки, словно птенец робко клевал изнутри смуглую кожу.

Жив. Это открытие смело с Гodelota всякую нерешительность. Вернувшись к коню, он снял с седельных ремней бурдюк и поспешил назад в заросли.

Гodelot слышал много рассказов о путниках, ограбленных и брошенных умирать едва ли не у родной околицы. В Италии бушевали распри, и потому по лесам и дорогам не переводились разбойничьи шайки, сколоченные из дезертиров, обнищавших безземельных крестьян и прочего задиристого народа.

Только лесное отребье все больше орудует дрекольем. Незнакомца же до беспамяත්ства избили тонкой кожаной плетью, местами добросовестно рассекшей одежду. Если привести его в чувство, ему будет адски больно. Но не бросать же его тут воронам на потеху. Не ровен час, очнется без глаз...

С этой здравой мыслью Гodelot отвел с лица раненого всклокоченную массу черных волос. На щеке синел вспухший рубец, липкий ручеек свернувшейся крови сбегал на шею. Вполголоса выругавшись, шотландец принялся смывать бурые потеки с лица незнакомца. Видимо, холодная вода оказала на того живительное действие, потому что раненый приглушенно застонал и повернул голову.

– Потерпи, приятель, – машинально проговорил Гodelot, не прекращая своих действий, – отходили тебя – хоть молебен заказывай. Ох, черт...

Кирасир застыл, не замечая, как из бурдюка прямо наземь льется вода. Перед ним лежал треклятый тетивщик Пеппо, еще только вчера премерзко улыбавшийся в ответ на все попытки Гodelota вывести его из равновесия.

– Вот черт... – растерянно повторил шотландец. Он, конечно, жаждал сбить с убудка спесь, но... вовсе не это имел в виду. Спohватившись, Гodelot вскинул горлышко бурдюка.

А тетивщик меж тем беспокойно зашевелился. Вскинул израненные руки, порываясь коснуться лица. Гodelot невольно подался вперед и схватил Пеппо за локоть:

– Не трогай, снова кровь пойдет.

Тетивщик замер. Медленно открылись мутные от боли неподвижные глаза, прямые черные брови дрогнули, еле заметно затрепетали крылья носа – Гodelot неотрывно смотрел, как оживает это удивительное лицо. Каждая черта словно просыпалась, настораживаясь, ища, осязая, стремясь уловить все то, чего не могли поведать хозяину незрячие глаза.

А Пеппо меж тем с усилием приподнялся на локтях.

– Позволь глоток воды, – прошелестел хриплый голос.

Годелот молча поднес бурдюк к потрескавшимся губам, и тетивщик жадно припал к горлышку. Утолив жажду, он облегченно вздохнул и осел на землю.

– Храни тебя бог, Мак-Рорк.

Годелот, уже было решивший не тратить времени на удивление, вскинул брови:

– Тебе в раю меня по имени назвали, за порог вышвырнув?

В ответ Пеппо издал скрипучий звук, означавший, по-видимому, смех:

– В раю меня дальше порога и не пустят. По голосу признал. Вчера хозяин расписку тебе писал, ты ему и назвался. У меня с глазами беда, но уши-то пока на месте.

Годелот подозрительно посмотрел в перечеркнутое рубцом лицо. А ведь верно. Слепые слышат, будто нетопыри, графский доктор рассказывал.

– Кто это тебя так изувечил? – спросил он наконец.

Глаза тетивщика потемнели:

– Винченцо, змей крапивный. – И тут же, словно пожалев о лишних словах, отрезал: – Да тебе что за забота? Вот, возьми за труды, прости, уж чем богат... – Поморщившись, он непослушными пальцами вынул из кармана несколько монет.

Годелот фыркнул:

– Совсем вы в ваших каменных берлогах вежества не знаете. Раненому глоток воды подать Христом завещано, а не Мамоной.

Пеппо чуть недоуменно моргнул:

– Кто это – Мамона?

– В Писании так корысть зовется, – пояснил шотландец.

Лицо тетивщика на миг разгладилось, но тут же снова стало непроницаемым:

– Что ж, тогда просто благодарствуй. Помоги на ноги встать – и распрощаемся.

Годелот покачал головой, однако промолчал и протянул Пеппо руку. Мучительно сжав зубы, тетивщик оттолкнулся от земли локтем и встал на колени. На висках выступил пот, но Пеппо с каменным упорством поднялся и, пошатываясь, выпрямился.

Шотландец умел ценить силу духа. Выпустив подрагивающую руку, он спокойно спросил:

– Куда ты теперь пойдешь?

Пеппо со знакомым прищуром обернулся к Годелоту, явно собираясь сообщить тому, что это вовсе не его дело. И вдруг растерянно принялся к ленивому утреннему ветерку:

– Погоди, Мак-Рорк... А где это мы?

Ветер не нес привычных запахов дыма, отбросов, навоза и прочих сомнительных городских ароматов. Ровный, не сдерживаемый ни стенами, ни углами, он пах пыльной, разогретой солнцем зеленью роц и отдаленной свежестью реки.

– Мы милях в семи от Тревизо, – донесся до Пеппо голос Годелота. – Слева поле под паром, справа пшеница, а дальше дорога ведет к реке, там рыбацкая деревушка неподалеку.

Пресвятая дева, семь миль! Винченцо счел его мертвым и попросту вывез за городские стены, чтоб скрыть гибель своего рабочего. Неведомая местность и жалкие гроши в карманах изорванной одежды.

И тут тетивщик с беспощадной отчетливостью представил, какое жалкое зрелище он являет собой сейчас, окровавленный, грязный, с перекошенным от боли и ужаса лицом и невыносимо, непререкаемо слепой. Ни знакомых улиц, ни привычных дорог, ни узнаваемых издали звуков. Даже пальцы, десять верных и никогда не подводивших его глаз, сейчас ни на что не годятся, ободранные плетью и все еще заходящиеся болью при каждом движении. А хуже всего то, что чертов индюк, источающий крепкий запах спокойной уверенности, смотрит на него без тени злорадства, а даже, пожалуй, с жалостью. И именно ему Пеппо теперь обязан жизнью. Господи, какая издевка!

Годелот наблюдал за мошенником с растущим удивлением. Вот бледное лицо напряглось, и видно было, как тетивщик с собачьей чуткостью вбирает запахи и звуки, а вот исказились

губы и незрячие глаза полыхнули самой настоящей паникой. А ведь ему страшно! И эта мысль уколола кирасира уже самым простым и неподдельным сочувствием. Что и говорить, оказаться безоружным и беспомощным невесть где – незавидная участь, а не иметь даже глаз, чтобы найти дорогу, – это и вовсе беда.

– Ты держись. Просто скажи, куда собираешься идти, а я помогу, меня конь у дороги дожидается.

Но лицо Пеппо передернулось:

– Я милостыни не прошу, Мак-Рорк.

– А я подаяния и не предлагаю, дуралей, просто подсобить хочу.

– Да я и так уж у тебя в долгу! – Пеппо оскалился, а голос его предательски задрожал. – Если денег не хочешь – просто езжай своей дорогой. Я умею о себе позаботиться, а подохну – не твоя печаль!

– Вот же скучища с тобой! – Гodelот потерял терпение. – Куда ты потащишься в таком виде? Первый же патруль скрутит, бродяга бродягой!

– Уж каков есть! Я не девица на выданье, чтоб красотой блистать.

Шотландец зарычал – упряма и правда стоило бросить подыхать в кустах.

– Эх, и недоглядел за тобой Сатана! Лишил глаз, а надо было язык укоротить под самое основание!

Уже договаривая в запале эту фразу, Гodelот успел пожалеть о ней: как ни гадок этот гордый до идиотизма карманный вор, намекать на его увечье как-то не по-людски. Но Пеппо неожиданно расхохотался, сбиваясь на хриплый кашель.

– Ты не первый, кто мне это говорит... – пробормотал он и после недолгой паузы нехотя добавил: – А река далеко? Мне бы грязь смыть...

Гodelот уже набрал воздуха, чтоб ответить что-то ехидное, но передумал и молча двинулся к дороге, все еще кипя злостью.

Прихрамывая и покусывая губы, тетивщик последовал за кирасиром. Вороной мирно щипал траву, потряхивая ушами, и при виде хозяина поднял голову с приветливым фырканьем. Взявшись за узду, Гodelот обернулся к спутнику:

– Теперь слушай, прикусив язык. Сейчас мы вместе садимся на коня. Я знаю, что тебе помощь не нужна, ты здоров, бодр, весел и тому подобное, но пешком ты до Боттениги не дохромаешь, даже налившись гордостью по самое темя.

Непререкаемый тон шотландца вызвал у Пеппо кривоватую улыбку:

– Хорош же ты будешь с эдаким пугалом за спиной!

– Ничего, – отрезал кирасир, – ты не девица на выданье. Полезай в седло без разговоров!

Тетивщик усмехнулся и провел ладонью по теплому конскому боку. Вцепившись в скользкую кожу седла, он медленно подтянулся на ободранных руках. Гodelот наблюдал за ним со смесью раздражения и интереса. Помочь? Но неизвестно, есть ли на его спине неповрежденное место, чтоб подтолкнуть упряма, да и снова увидеть ощерившегося волка не хотелось бы. Пеппо тем временем тяжело сел верхом и перевел дыхание, руки его мелко дрожали, на глянцеваей спине коня остались смазанные отпечатки ладоней. Шотландец закатил глаза, вскочил на вороного и пустил того ровной рысью.

* * *

Дорбгой Гodelот размышлял, как быть с неожиданным попутчиком. К хозяину Пеппо не вернется, в том у кирасира сомнений не было, а вмешательство в судьбу карманника в столь прискорбный час налагало на Гodelота, по его собственному мнению, определенную ответственность. Оставалось надеяться, что раны Пеппо окажутся не столь уж серьезны и Гodelот сможет распрощаться с этим колючим субъектом прямо у реки.

К счастью, дорога была гладкой, неприятных встреч случай не поберег, и потому светлая водная гладь повеяла на путников прохладой еще до полудня.

Спешившись у берега, поросшего ольхой и густо устеленного ковром терпко пахнущего клевера, Годелот огляделся:

– Чудное местечко, здесь и остановимся. Только будь осторожен, берег крутой.

Пеппо соскользнул наземь, глухо пробормотав какое-то бранное слово. Видимо, дорога далась ему нелегко. Затем повел головой, вбирая воздух, и, безошибочно определив направление, скованным шагом двинулся к воде.

Годелот молча наблюдал. Тетивщику было неудобно, это выдавали и напряженные плечи, и сосредоточенная складка меж бровей. Но он шел не оступаясь. Остановился у воды, провел по кромке берега носком башмака, словно намечая линию обрыва. Опустился на колени и начал стягивать весту. Под ней обнаружилась камиза, вся покрытая багровыми полосами и разводами. Пеппо медленно вывернулся из рубашки, местами отдирая полотно от ран, снова начинавших кровоточить, и негромко шипя от боли.

Годелот хмуро обозрел торс тетивщика. Худошав, но крепок, что тетива собственного плетения, такие обычно мрут неохотно. Вспухшие следы и рваные полосы, оставленные плетью, пересекались с многочисленными светлыми рубцами. Пеппо, несомненно, били часто и с душой. Но Годелот в гарнизоне видел немало таких отметин, да и сам имел несколько основательных полос на спине – Луиджи церемоний не жаловал. Зато грубый косой шрам на боку – то уже не плеть. Больше похоже на нож. Живучий, плут...

Пеппо же, неспешно и наверняка мучительно смывавший с тела кровь, неожиданно сказал:

– Чего пялишься? Готов поспорить, зрелище не к обеду.

Кирасир же с напускным равнодушием отрезал:

– Много чести на тебя пялиться! Я вон на стрижей лучше погляжу – они куда милее нравом.

Пеппо дернул уголком рта:

– Стрижи... Ты сейчас мне аккурат под левую лопатку смотришь. Я взгляд кожей чую, Мак-Рорк. И чем пристальней – тем сильнее царапает.

Шотландец уже собирался съязвить, но вместо этого задумчиво прищурился:

– А ведь твоя правда... Мой отец говорит, у него от прицела в спину кожа зудеть начинает. Ему эта хитрость не раз жизнь спасала.

– Во как, – спокойно отметил Пеппо, – ну а карманнику без такого умения и вовсе три шага до петли.

Годелот усмехнулся:

– Запросто же ты вором называешься.

В ответ Пеппо снова хрипло рассмеялся:

– Ты меня за руку на ярмарке схватил, что ж мне теперь, церковным певчим прикидываться?

При этих словах кирасир вскочил на ноги:

– Так ты меня и тут узнал?!

Тетивщик закончил умываться и уже полоскал в реке камизу. Его ответ прозвучал совершенно бесстрастно:

– Будет тебе, Мак-Рорк, в дурака рядиться. Я тебя узнал еще в мастерской. Это зрячего обмануть нетрудно, особенно в темноте. А вот голос и запах никуда не припрячешь. Ох я и струхнул, когда тебя слышал! Думал, ты по мою душу пожаловал. – Пеппо отжал камизу и расстелил на солнце. – Ну как, пожалел уже, что подобрал ублюдка?

В этом вопросе прозвучала уже известная Годелоту издевка, но на сей раз ему стало смешно:

– Чудной ты. Ну, раз так, давай огонь разведем, закусим чем бог послал. Кстати, меня Гodelотом звать.

Пеппо удивленно приподнял брови, потом снова недоверчиво усмехнулся и протянул шотландцу узкую ладонь.

* * *

За скудной трапезой треснувший было лед снова схватился стылой неловкостью, и разговор не клеился. Голод никогда не способствует застольному балагурству, а сейчас ячменный хлеб и разбавленное вино избавляли от нужды касаться волнующей обоим темы.

Гodelот мрачно смотрел, как хлопотливые язычки огня с треском вгрызаются в хворостинки. Он избегал глядеть на невольного сотрапезника.

От природы весьма неглупый, кирасир по молодости лет еще не поднатерел в различиях полутонов на палитре людских натур. Прежде люди делились для Гodelота на приятных ему и неприятных. А в тесном мирке графства симпатия и нелюбовь выражались без особых затей.

Сидящий же сейчас напротив строптивый мошенник вызывал у него противоречивые чувства. Шотландца с малолетства растили в презрении к ворам (особенно усердствовал Хьюго), но сейчас почему-то это казалось Гodelоту не важным. Куда больше отталкивало другое. Пеппо был непонятен ему, непостижим, словно наглухо запертая дверь. Кто он такой? Что ему дорого? Чем он дышит, любит ли кого-нибудь? Но тетивщик лишь скупое цедил слова, оскаливался, щетинился иглами, ревностно скрывая свою душевную суть, и шотландцу хотелось отодвинуться подальше, будто от юркого острозубого хищника, который вышел из леса на запах пищи, но в любой миг может вцепиться ему в руку.

Болезненная гордость и язвительный нрав в сочетании с подчас ужасающей Гodelота интуицией не делали Пеппо тем человеком, с кем захочется делить дорожный хлеб. Но как оставить его на милость судьбы? Вот он бережно и неторопливо отламывает от половинки каравая уголок, смуглое лицо спокойно и задумчиво, а в глазах, как в темном зеркале стоячей заводи, отражаются какие-то непонятные Гodelоту чувства. Куда он пойдет, незрячий и избитый? А ведь эта багровая роспись, уродующая кожу, нередко запускает зубы в глубь плоти, вызывая жестокую и иссушающую горячку. Но разве он примет помощь, терновая душа?

...Пеппо молчал, впитывая исходящие от шотландца отчетливые волны настроенной враждебности. Святые небеса, как же он ненавидел этого вояку! Ненавидел за уверенность коротких фраз и за спокойную властность тона, за это непривычное, неестественное благородство, за щедро разделенный хлеб. За то, что, по совести, должен был благодарить его.

Пеппо умел сражаться за жизнь, но принимать помощь был не приучен. Еще позавчера он пытался обокрасть Мак-Рорка, а сегодня сидит у его костра подобранным из милости оборванцем. И шотландца не обманули ни колкости, ни потуги на браваду. Иначе он давно послал бы воришку к чертям. Но нет, вот он молча скользит взглядом по следам плетей, а вот плеснуло вино в протянутой фляге. Как, должно быть, гадок ему незадачливый прощельга... Но он жалеет ублюдка, а потому не гонит.

Подросток стиснул зубы. Горек хлеб подаяния. Но что же делать, куда идти? И зачем вообще куда-то идти и что-то делать, если единственный смысл всех стараний Пеппо лежит теперь под влажной землей старинного церковного кладбища? А он даже не был на погребении.

Меж тем с едой покончили, и молчать было больше не с руки.

– У тебя есть родные? – Вопрос был самый простой, но Гodelот с удивлением отметил, как дрогнули губы тетивщика.

– Нет, – коротко ответил Пеппо и начал натягивать высохшую камизу, словно внезапно почувствовал себя беззащитным. Потом вдруг обернулся к Гodelоту:

– А куда ты едешь?

- В земли графа Кампано, я у его сиятельства в гарнизоне служу.
- Далеко?
- Два дня рысью.

Тетивщик несколько секунд помолчал и отрывисто заговорил:

– Послушай, Мак-Рорк. Идти мне теперь некуда. Отплатить тебе за доброту нечем. Но не могу я оставаться в долгу, неправильно это. Позволь пойти с тобой. В вашем гарнизоне справного тетивщика нет, иначе с чего б тебе в сам Тревизо ехать. Я натяну купленные тетивы, а если надобно, и еще смастерю, отлажу все арбалеты не хуже, чем в легионе дожа. Будет нужда – все оружие в гарнизоне обихожу, заточу клинки, вычищу аркебузы. Ты на мои годы не гляди, я дело свое знаю. Пусть лишь мне разрешат потом присоединиться к графскому торговому каравану, идущему в любой крупный город. Венеция, Ровиго, неважно. Что скажешь?

Годелот задумался. Быть может, это и есть выход? Еще два дня с этим ершом не сахар, но тогда ему не в чем будет себя упрекнуть. К тому же привезти графу оружейного мастера вовсе не лишнее. Комендант давно рвет и мечет, что в отряде ни одним палашом даже свинью не заколоть, только синяков скотине насажаешь. Гильермо-оружейник стар уже, глазами слаб, да и подагрой хворает. А комендант радение оценит и Годелота фавором не обойдет.

Шотландец невольно усмехнулся: чудны дела твои, Господи. Вместо близорукого – привезу графу вовсе слепого.

Но Пеппо уже уловил короткий смешок кирасира, и неподвижные глаза опасно потемнели:

- Чем это я тебя так развеселил, Мак-Рорк?

Годелот только фыркнул:

- Ох, простите, святой отец! Уж и улыбнуться грех.

– Улыбка насмешке рознь. – Пеппо не повышал голоса, но в нем уже послышались знакомые кирасиру колкие нотки, и Годелот вновь ощутил улегшееся было раздражение:

- А ты чего придираешься? Или совесть нечиста?

Тетивщик оскалился, и ледяной кобальт замерцал чертячьими искрами:

– Ах вон оно что, совесть! Несподручно, поди, вора в родной дом тащить, еще закрома обнесет и сбежит. Да не трус, Мак-Рорк! Куда мне, убогому, от твоего коня с покражей бегать? Всего-то хлопот – догнать и пристрелить. И мне покой – и тебе слава.

Годелот швырнул оземь флягу, чувствуя, как от ярости клокочет кровь.

– Да в какой паутине ты вывелся, ирод?! – рявкнул он. – Сам гнус ядовитый, и других такими же мнишь!

Пеппо издевательски расхохотался:

– Эх, знакома песня! Гнус, бесов выкормыш, дурноглазый. Все вы сначала ухмыльнуться горазды, а потом святошами прикидываетесь.

Шотландец вскочил на ноги и замахнулся, но увесистый кулак замер у самого лица Пеппо. Тот не шелохнулся. Кирасир стиснул зубы – мерзавец снова затеял бравировать своим колебимым самообладанием. Что ж...

Неистовым усилием воли взяв себя в руки, Годелот вкрадчиво произнес:

– Давай, шипи, аспид. Легко, наверное, ядом плевать, когда знаешь, что честный солдат все равно калеку не тронет.

Тетивщик побледнел. А потом взметнулся с земли и поразительно метко наотмашь ударил кирасира по скуле. Тот отшатнулся на два шага назад, но устоял и не остался в долгу: ударом в челюсть отшвырнув Пеппо наземь. А тот ужом извернулся в траве, ногой резко подсекая Годелота за лодыжки. Потеряв равновесие, шотландец рухнул навзничь. Твердое колено больно впилося в грудь, Пеппо сжал горло Годелота и прорычал:

- Я. Не. Калека.

Кирасир охватил запястья тетивщика, отдирая от шеи цепкие, неправдоподобно сильные пальцы. Некоторое время шла борьба, но Годелот был шире в плечах и на десяток фунтов тяжелее. Опрокинув Пеппо в траву и заломив ему за спину руки, он перевел дух.

– Слушай, ненормальный! Хватит чудесить, вон, снова вся камиза в крови. Уж не знаю, с чего тебе на каждом шагу враги мерещатся, только ты б сначала разобрался, а потом клыками щелкал. Мы едем к моему синьору. Выбирай, бешеный, как поедешь: верхом или поперек седла со связанными руками и кляпом во рту?

На челюсти Пеппо заходили желваки. Но после недолгого молчания тетивщик устало опустил голову:

– Все, все, ладно. Прости.

Медленно, все еще ожидая подвоха, Годелот ослабил хватку. Пеппо поднялся и сел, на желтоватом полотне рубашки снова местами расплылись красные пятна. Кирасир вздохнул: зачем этому идиоту враги? Он и сам себя со свету сживет. Не утопить ли его из милосердия в Боттениге?

– Больно? – Он ожидал, что тетивщик огрызнется, но тот лишь неловко повел плечами:

– Переживу, не впервой мне.

Воцарилось тягостное молчание – продолжать ссору задора не было, а перемирие требовало чьего-то первого шага. И вдруг Пеппо неохотно улыбнулся одним углом рта:

– Сердечно ты меня приложил. Запомню наперед, зубы-то еще пригодятся.

Годелот хмуро посмотрел на тетивщика, но не выдержал и фыркнул, чувствуя, как разрядилась раскаленная тишина.

Они снова сели у костра и по очереди приложились к фляге.

– Вот что, – шотландец подложил в костер хвороста, – до завтра останемся здесь. Ежели снова не перегрыземся – к утру твои раны перестанут кровить, и можно будет ехать без задержек.

Пеппо лишь кивнул. Потом, помолчав, примирительно повернулся к Годелоту:

– Мак-Рорк... Ты не сердись. Сам знаю, от меня радости, как от гвоздя в пятке. – Он вздохнул, хмурясь и словно не зная, продолжать ли. – Матушка у меня вчера умерла, даже похоронить не позволили. Темно мне.

Кирасир перекрестился:

– Все в руке Божьей. А отчего похоронить не дали?

Пеппо невесело усмехнулся:

– Как же! Не мне, бесову прислужнику, землю церковную рыть.

Годелот, уже забывший, как недавно называл спутника «ядовитым гнусом», нахмурился:

– А бесы тут при чем?

Пеппо неопределенно повел плечами:

– Ну... Увечных, знаешь, и так многие побаиваются. А я и рад был страху нагнать, иначе совсем заедают. Матушка и прежде говорила, что соседские сплетни страшней суда Божьего. Да я разве слушал...

...Костер уже догорал, а Пеппо все говорил. Умолкал, хмурясь и мучительно кусая губы, будто пытаясь сдержаться, а потом переводил дыхание и снова говорил, уводя Годелота в прежние, счастливые дни своей жизни. Он никогда никому не рассказывал прежде ни о своем детстве, ни о матери, пряча эти бесценные воспоминания от чужих любопытных глаз. Но сейчас отчего-то не мог остановиться, словно перебродившая брага пеной хлестала из треснувшего бочонка. А Годелот молчал, завороченно слушая эту полную любви и скорби сагу, будто последнюю дань памяти ушедшей женщины.

* * *

Над берегом реки сгустилась теплая темень. В прибрежных камышах надрывались лягушки, сверчки выводили трели в траве под деревьями, крупные звезды озаряли по-летнему низкий темно-синий небосвод. На берегу пылал уютный костерок, у которого двое недавних недругов мирно коротали поздний вечер. Пеппо с нескрываемым удовольствием переплетал узду вороного, расседланного и пасущегося неподалеку. Гodelot празднично лежал на траве, глядя на малопонятные, но всегда восхищавшие его звездные узоры.

– Хороши?

Гodelot, вздрогнув, недоуменно поглядел на Пеппо:

– Чего?

– Звезды, спрашиваю, хороши сегодня?

Кирасир моргнул, но тут же не без озорства парировал:

– Какие звезды, скоморох? Я заснуть успел, а тебе звезды подавай.

Пеппо покачал головой и завязал на тонких ремнях очередной узелок.

– Когда спят – дышат по-другому. На меня ты не смотришь, по сторонам в темноте тоже не слишком поглазеешь. Ночь ясная – вон как сверчки заливаются. А в такую ночь если кто не спит, но и говорить не хочет, – не иначе, на звезды глядит. Я почти не помню их. Какие они сегодня, Мак-Рорк?

Гodelot улыбнулся. Он начинал привыкать к чудачествам мерзавца. Так каковы же звезды?.. Прежде он не задумывался об этом.

– Они... пожалуй, все одинаковые – но совсем разные... Нет, чушь какая-то... – Кирасир взглянул в небо. Как же описать его слепому? – Знаешь, одни походят на дыры в темном небе, словно черный плащ вертелом проткнули. Другие – будто угли, даже жаром переливаются. А некоторые – наоборот, студёные, голубоватые. Зимой графу лед в замок привозят – на озере вырубает для погребов. Так вот, звезды эти – в точности как тот лед. – Шотландец помолчал, взглядываясь в небо, а потом добавил: – Знаешь, я никак не возьму в толк, что же они такое. Если горячие – почему от них нет тепла? Зимними ночами все небо полыхает, а толку никакого. А если холодные – то почему они горят? Для света ведь огонь нужен. Отец мой прежде моряком был, так он рассказывает, что звезды всегда находятся на одних и тех же местах и никуда не двигаются. Поэтому небо – самая точная карта.

Пеппо удивленно приподнял брови:

– Не двигаются? А мама говорила, что звезды иногда падают.

– Падают, – кивнул Гodelot, – я сам видел. Хотел даже пастора расспросить, он обо всем на свете знает. Но отец запретил. В их городке, еще в Шотландии, был звездочет. Только он себя по-другому называл, красиво так... Вот, астролог. Погоду по звездам предсказывал и еще много чего интересного. А потом в их края епископ нагрянул, и звездочета сожгли заживо за колдовство прямо на площади. Отцу тогда десяти не было, а он до сих пор лицом чернеет, как вспомнит. Вот и мне велел с клириками этих разговоров не заводить. А все же любопытно. О звездах наверняка книги есть. Я в Тревисо книжную лавку видел, только без гроша туда и соваться нечего.

Пеппо вдруг с интересом подался вперед:

– Ты что же, грамотный?

– Ну да, – пожал плечами кирасир, – только вот толку негусто. Книг прочел – все, какие пастор разрешил. А применить не умею, только в гарнизоне юридическим прослыл.

Губы Пеппо дрогнули, словно скрывая улыбку:

– Применить... Дали бы мне кусок золота – я б не спрашивал, как его применять. Вы сначала дайте, а я уж разберусь. Послушай, а как мое имя пишется?

Годелот нахмурился. Как показать-то? Догадка пришла незамедлительно:

– Погоди, сейчас научу.

Шотландец придвинулся к кромке, где ковер травы переходил в прибрежный песок, выплеснул из бурдюка немного воды, подождал, пока та впитается, и крупно начертил на сыром пятне: «Джузеппе».

Осторожно, чтоб не смазать хрупких букв, Пеппо коснулся земли. Медленно, дюйм за дюймом, длинные пальцы прошлись по каждой линии и каждому завитку.

– Вот черт, половины не чувствую... – пробормотал тетивщик, не прерывая, однако, своего занятия.

– Не беда, руки скоро заживут, – подбодрил Годелот, наблюдая за неторопливыми движениями чутких пальцев. Те все увереннее повторяли очертания букв, сначала легко и бережно, а потом сильнее и тверже, углубляя борозды в песке.

Незаметно подкралась усталость, и кирасир снова растянулся на земле, уже в полудреме наблюдая, как Пеппо, нахмурившись и покусывая губы, неловко пытается изобразить букву «Д».

Глава 4

Танец на углях

– Черт подери!

Едва разомкнув глаза, Годелот оторопело оглядывал берег. Красноватое солнце касалось краем горизонта. Костер уже задорно трещал, взметая снопы искр, а добрых пять футов прибрежного песка были тщательно залиты водой. На этом импровизированном холсте не менее трехсот раз было написано имя «Джузеппе». Буквы то теснились, как овцы на водопое, то разбегались, подобно этим же овцам на пастбище. Буквы косые, буквы едва узнаваемые, буквы полустертые, искаженные, написанные наоборот. И здесь же все более четкие, все уверенней прочерченные в сыром песке, а вот и твердо выписанные щепкой.

Годелот покачал головой. Его собственный наставник, пастор Альбинони, прослезился бы от умиления, узрев столь прилежного ученика. А где же, кстати, сам ученик?

Словно в ответ, послышался плеск – Пеппо выбрался из воды, блаженно потянулся и резко встряхнул головой. Во все стороны хлынул каскад холодных брызг, и шотландец с бранью взвился на ноги:

– Снова за свое, злодей! Да еще, небось, всю ночь за водой бегал! Уж не мог сделать одолжение и утонуть мне на радость?!

Тетивщик ухмыльнулся:

– И тебе доброго утра, Годелот. Да, за водой побегал от души. Занятно оказалось – не оторваться. – Он сел и начал неспешно расправлять рубашку. – Дымком потянуло. Верно, сухой жгут.

Тетивщика было не узнать – большинство ран начало затягиваться и уже не имело прежнего тягостного вида, Пеппо явно воспрянул духом и просто излучал кипучую энергию.

– Споро на тебе заживает, шельмец... – не слишком любезно пробурчал кирасир, заглядывая в седельную суму. Прибереженный со вчерашнего обеда остаток каравая едва ли мог сойти за сытный завтрак. – Тут большая деревня неподалеку, – разламывая надвое хлеб, сообщил Годелот, – надо туда по дороге наведаться и какой-то снеди прикупить, а то уже к вечеру оголодаем.

Пеппо, тем временем пытавшийся на манер гребня расчесать длинные густые пряди пальцами, нахмурился:

– Даром что я на твоём коне сижу, так теперь еще и на шею тебе сяду? Так не пойдет. Сейчас в деревнях Троицу празднуют. Нужно на ярмарку заглянуть, там я непременно монетой разживусь.

Годелот подозрительно взглянул на мерзавца:

– Тебе снова нейдет? И думать забудь, висельник, вот в городе будешь – там и промышляй.

Но Пеппо спокойно принялся за еду.

– Я по карманам шустрить и не затеваю. Больше незачем.

Годелот лишь скептически скривился, однако тетивщик, почувствовав недоверие шотландца, раздраженно щелкнул пальцами по своей потрепанной весте.

– Да не для себя я старался, Мак-Рорк. Я и на гроши прожить могу, невелика птица. Не хочешь – не верь, но и я кое-что о совести слышал. Только вот когда на глазах мать умирает – не до Господних тут заповедей.

Кирасир промолчал и принялся ожесточенно разламывать хворост. Крыть было нечем, а где-то на дне души вдобавок зашевелилось прежде незнакомое неприятное чувство.

Он всегда незатейливо мерил других по себе. Ну а как иначе? Только вот вправе ли он, выросший под надежным крылом отца, осуждать этого мошенника, не зная и горсти его забот?

Пастор не раз пытался растолковать Гodelоту значение слова «ханжество». Юнец так и эдак выворачивал звучное словечко, не понимая его смысла до конца. А сейчас слово само всплыло в памяти, и кирасир отчетливо понял – это оно и есть. То самое, чем он, будто щитом, отгораживается от несносного Пеппо, возмнив себя лучше и чище этого слепого одинокого отчаянного парня.

– Ладно, не кипятись, – промолвил он наконец, – прости, не по злобе сболтнул.

Пеппо лишь пожал плечами. Он, конечно, вовсе не собирался сознаваться, но сам прекрасно понимал, что огрызается больше по привычке. Отчего-то грубоватая прямолинейность шотландца не вызывала в нем обычного ожесточения. Скоро их пути разойдутся, но – тут Пеппо мысленно улыбнулся, – пожалуй, слово «шельмец» не такое уж обидное...

* * *

Два часа спустя отдохнувший вороной с двумя всадниками уже приближался к деревне Гуэрче. Небо выцвело от сгущавшегося зноя, дубы негромко бормотали тяжкими резными кронами, а тракт курился не оседающей пылью от часто проезжавших телег. Массивные, настезь распахнутые сельские ворота с основательными петлями и широкая утоптанная улица обличали, что в здешних краях заправляет светский зажиточный вельможа. Крепкие частоколы подворий, свежий камыш на крышах домов и хорошо кормленные волы радовали глаз – нищеты в Гуэрче не знали.

Ярмарку попутчики отыскали быстро: праздничная неделя всегда делает рыночную площадь сердцем любого местечка, а если селянам есть что продать заезжим да еще у самих найдется монета на привезенный товар – тут не грех забыть недавние склоки и отвести не избалованную радостями душу.

Но неугомонный Пеппо не дал Гodelоту как следует осмотреться в шумной и живописной толчее. Прислушавшись, он негромко проговорил:

– Вон там скоморохи толпу веселят. Туда-то нам и нужно.

Гodelот удивился, но его снедало любопытство: как прохвост собирается добыть денег, если и правда не воровством? А посему он безропотно оставил вороного у трактирной коновязи и направился за Пеппо на звуки лютни, бубна и сиринги.

Потешные действия, любимые народом, хотя и мало одобряемые церковью, всегда собирали на ярмарках множество зрителей. И сейчас скомороший балаган окружала верещащая толпа детворы, а пыльная площадь, где расположились музыканты, была полна танцующих.

Надо сказать, здесь стоило бы задержаться, даже если вы завсегда самых бонтонных городских приемов. Города живут модой и ее новинками. Швей и вышивальщицы соревнуются в мастерстве и оригинальности. Ну а кто же пустится в тарантеллу, если один только подол бального туалета, отделанный венецианским кружевом, обошелся в половину приданого?

В деревнях же не знают модных новинок. Три-четыре раза за год из сундуков вынимаются драгоценные наряды, доставшиеся в наследство от матерей, тетушек, а порой и прабабок. Мелкий речной жемчуг и цветной бисер, кропотливые стежки вышивки на слегка выцветшем льне, узкие бархатные ленты – чей-то невиданный подарок, скорее всего к свадьбе, а еще дешевая, но такая нарядная тесьма, купленная за целых три села отсюда. Каждое платье здесь – целая история, куда более занятная, чем тот самый кружевной подол, пусть даже и в половину приданого ценой...

Пока кирасир с удовольствием озирался, ловя на себе заинтересованные взгляды юных селянок, Пеппо тронул его за плечо:

– Теперь помоги, без глаз несподручно. Погляди, есть в толпе девушки, что не танцуют?

Шотландец снова подозрительно взглянул на мошенника, но всмотрелся в толпу:

– Вон, есть одна. Худышка – я таких и не видал. С собой, правда, невзрачная, зато косы – глаз не отвести. Улыбается, но досадливо так. Тоже, наверное, танцевать хочет, а не приглашает никто.

Пеппо кивнул:

– Подскажи мне, как к ней подойти, не заплутать.

– Справа, шагах в десяти, между кузнецом и старухой. У нее колодец прямо за спиной, она аккурат в тени журавля.

Тетивщик улыбнулся и снял с шеи платок.

– Ну, попытаю удачи.

Заинтригованный Гodelот смотрел, как Пеппо плотно завязал платком глаза, расправил плечи и уверенно двинулся в указанную сторону. Вот слегка замедлил шаги, и кирасир уже знал, что тетивщик принохивается, ища в толпе кузнеца. А вот тень колодезного журавля коснулась лица, и Пеппо широко улыбнулся, безошибочно протягивая руку девице.

– Сударыня, – донесся до Godelота его голос, – не пожалуете ли танец бедному падуанцу? Девица густо порозовела, неуверенно огляделась и спросила:

– А отчего у тебя повязка на глазах?

В ответ Пеппо со свойственной ему грацией отвесил поклон:

– Не прикрыв глаз, на солнце не глядят.

Селянка потупилась, совсем смешавшись, а потом несмело вложила пальцы в ладонь Пеппо, и тот увлек ее в вихрь развеселой гальярды.

Прошло не меньше пяти минут, когда Godelот осознал, что тарашится на мошенника с бессмысленно-ошеломленным видом. Тот отплясывал в густой толпе, ведя девицу среди танцующих, и еще ни разу ни с кем не столкнулся, будто все это время прятал на шее под платком вполне зрячие глаза. Вот легко подхватил селянку за талию и ввел в круг, не сбившись с бойкого ритма, рассыпаемого бубном. И шотландец вдруг заметил, что Пеппо улыбается незнакомой ему улыбкой простой человеческой радости. А раздумывавшаяся девушка, забывшая в танце недавнее смущение, уже казалась почти хорошенькой.

Но странного танцора заметил не один Godelот. Там и сям в пестрой массе образовались небольшие человеческие буруны – некоторые выбивались из ритмичной круговерти, оглядываясь на слепого плясуна и нарушая общее движение. Кто-то отходил назад поглазеть, мешал прочим, и те тоже останавливались, образуя все разраставшийся круг.

Послышался свист, хлопки, кто-то предложил пари, что мальчишка непременно споткнется. И вот уже Пеппо и девушка вдвоем танцуют на пустой площади, а со всех сторон несутся подбадривающие крики. Вдруг какой-то сомнительный шутник бросил под ноги тетивщику корзину, но тот ловко вспорхнул над препятствием, а селяне снова восторженно загомонили.

– А оборванец-то шустрый! – загрохотал подвыпивший кузнец. – Эй, парнишка! А сдюжишь еще так попрыгать? Не робей, повесели души христианские! Ежели ни разу не сплохуешь – граппой угощу! Паолина! Уйди, детка, от греха!

Пеппо усмехнулся, в развороте упал на колено, словно прося у девушки прощения, и та неохотно выпустила его ладонь, затерявшись среди публики, захваченной нежданной забавой.

А тетивщик отсалютовал кузнецу взмахом руки, и игра началась. В пыль летели крышки бочонков, шляпы, пучки хвороста. Музыканты, ожидая награды от разошедшейся толпы, старались вовсю, гальярда с лету вклинилась в тарантеллу, а Пеппо неумоимо танцевал. Десятки глаз, сотни взглядов, мириады жгучих точек жалили тело. Пот на висках и шее шипел от их ожогов, а он все танцевал, будто восточный факир на углях, пляшущий в вихре раскаленных искр, и не чувствовал, как одна из них впивается в самую плоть, будто выжигая тавро...

...Потрясенный взгляд следил за танцором из-за спин. Человек в монашеской рясе и невзрачном плаще, нелепо-черный, неуместно-строгий в этой веселой многоцветной толпе, неподвижно смотрел вперед, беззвучно шевеля губами, обметанными поверху бисеринками пота.

Там, на деревенской площади, в пронизанных солнцем клубках пыли танцевал призрак. Взлетал над землей, невесомо раскидывая руки, взмахивал спутанной черной гривой. Лицо, словно в кошмарном сне, было перечеркнуто повязкой. Лоскутьями колыхались рукава изорванной камизы. А призрак улыбался. Одиннадцать лет он таился где-то в чулане, в темном погребе, в сыром подвале. Одиннадцать лет был мертв и забыт. Одиннадцать лет взращивал свою злобу. И вот вырвался на волю и пляшет в солнечных лучах – слепая ненависть, упоенная месть.

Человек в рясе вздрогнул, брезгливо отер пот колючим рукавом и снова судорожно вскинул глаза. Что за бред. Мальчик... Просто мальчик, подмастерье. Долговязый, оборванный, пышущий диковатой отроческой силой, крепкой брагой будущего мужчины. Так что же, показалось? Привиделось после стольких лет, словно закрыл давно заживший рубец?

Человека в рясе кто-то толкал, испуганно извиняясь, кто-то на миг загоразивал ему танцора, кто-то свистел, кто-то хохотал. Но клирик ничего не замечал. Он лишь смотрел и смотрел, так же шевеля губами, неловко вертя в руке четки и все глубже выжигая невидимое тавро.

Последняя трель сиринги звонко отчеркнула мелодию, и Пеппо замер, вскинув руку над головой. Толпа разразилась шумным восторгом, а к запыленным башмакам полетели медные монеты. Тетивщик шутливо поклонился... и сдернул платок с глаз. Годелот невольно на миг затаил дыхание – но увидел знакомый прищур, будто от яркого солнца. Пеппо тем временем нагнулся, подбирая медяки, а шотландец заметил, что некоторые из толпы направились к танцору, и вдруг понял, что пора и ему вмешаться.

...Звяк... звяк... монеты с глухим звоном падают в пыль, одни тут же замирают, другие насмешливо откатываются. Их надо найти среди наваленного хлама, пока все те, чьи шаги уже шуршат по направлению к нему, не успели заметить, как он слепо шарит пальцами в мелком песке. Четырнадцать ударов. Два деревянных. Это о крышку бочки, он совсем недавно звонко ударил о нее подметкой. Семь упали в песок. Две, похоже, не найти, они где-то среди вязанок хвороста. Одна звякнула совсем близко. Где же? Быстрые пальцы просеяли пыль – раз, два – ага, вот чья-то брошенная шляпа, и теплый кружок меди прячется под войлочным боком.

Пеппо выпрямился, привычным прищуром скрывая неподвижность взгляда, – и тут же приблизились тяжелые шаркающие шаги, а на плечо с еще не зажившим следом плети обрушилась пудовая ладонь.

– Ну, силен! – прогрехотал добродушный бас кузнеца, обдавая Пеппо запахом чеснока и браги. – Притомился, поди! Ты откуда будешь?

Тетивщик бесхитростно улыбнулся:

– Благодарствуйте на добром слове, мессер. Мы с кузеном домой едем, в Кампано. Без еды остались, вот к вам на ярмарку и завернули.

Ладонь снова впечаталась в плечо, и Пеппо стиснул зубы. Но кузнец пророкотал:

– Негоже в светлый праздник с затянутым поясом ходить! Знатно порадовал. Тащи сюда кузена, опрокинем кружку за здоровье нашего синьора, храни его господи.

Пеппо почувствовал, как по спине пробегает мерзкая дрожь. Он ожидал лишь нескольких монет, но не предусмотрел, что с ним захотят познакомиться покороче. Разоблачение было опасно – Пеппо слишком хорошо знал, как относятся простые итальянцы к убогим, обладающим неожиданными умениями...

Но в эту минуту на второе плечо легла другая ладонь, и голос Годелота приветливо произнес:

– Вы очень добры, мессер. Как в наши края вернемся – еще похвалимся, у каких щедрых хозяев гостили.

Кузнец польщенно крякнул, и Пеппо двинулся вперед, незаметно увлекаемый ладонью кирасира.

За пирогами и граппой тетивщик успел проникнуться к Годелоту пылкой благодарностью. Сейчас, когда азарт танца отступил, в голове шумело от усталости, заныли незажившие раны, и поддерживать игру стало отчаянно трудно. Но Годелот мастерски отводил от спутника внимание дядюшки Джакопо, как представился кузнец. То восторгался деревней, то показывал ковку своего клинка, то сыпал легкомысленными полковыми шуточками, отчего крестьянин гулко хохотал, грохая кружкой о прилавок.

Пеппо, боровшийся с подступавшей дурнотой, опасался, что хлебосольный кузнец примет его неразговорчивость и ускользающий взгляд. Но Годелот, вовремя уловивший неладное, заботливо потрепал тетивщика по плечу:

– Пеппо, не дремли. Хороша граппа, забирает, но нам ехать пора. Хлеба купим – и в дорогу. А то сам знаешь, как бы папаша твой не осерчал. – Шотландец доверительно обернулся к кузнецу. – Очень его родитель нравом крут.

Джакопо подвоха не заподозрил, отер усы и с одобрением кивнул Годелоту:

– Твоя правда, батюшку уважать надо. Да ты за кузена не тревожься, у нас граппу на совесть гонят, по-дедовски, от такой не задурнеет.

Действительно, пора было знать честь. Чтоб не вызывать новых вопросов, Пеппо поблагодарил щедрого кузнеца выразительно заплетающимся языком, а затем положил руку шотландцу на плечо и, демонстративно пошатываясь, двинулся к коновязи...

...Паолина спешила к воротам. Странного заезжего танцора нигде не было видно, но девушка надеялась, что он еще не успел покинуть деревню. Конечно, ее выходка кому-то показалась бы глуповатой, да и не к лицу приличной девице опрометью бегать за всякими незнакомыми оборванцами, но благоразумие могло и погодить. Очень уж нехорошо было на душе.

Она увидела их у самых ворот – они шли, ведя в поводу крупного вороного жеребца и о чем-то переговариваясь. Плясун устало потирал левое плечо, его спутник, по виду служивый, на ходу прилаживал седельную суму.

– Падуанец! – Девушка ускорила шаг.

Лицедей обернулся, отчего-то не поднимая глаз, улыбнулся:

– Мона Паолина, прости невежу, попрощаться запамятовал.

Селянка подошла ближе, запунцовев под вопросительным взглядом рослого кирасира. Но разговор у нее был не к нему.

– Падуанец, не осерчай, если не моего ума дело... – Она запнулась, сдвинув брови и стараясь не показывать робости. – Ненароком заметила. Поди, посмеешься, но все ж лучше тебе знать. Покуда ты на площади танцевал – господин в толпе стоял в монашеском облачении. Так господин тот на тебя глядел – глаз не отрывал, и недобро так, будто змея на птицу. Остерегся б ты, падуанец!

Выпалив это на одном дыхании, Паолина замолчала, строго взглянув на служивого, в чьих темно-карих глазах ей почудилась ухмылка. Небось за дурочку ее почитает, фанфарон.

Плясун же вдруг поднял потупленный взгляд и мягко покачал головой:

– Благодарствую, мона. Только не тревожься – не иначе, обознался он. Кому я, подмастерье, нужен?

Девица нахмурилась:

– Грех тебе. Матушка моя говорит: дровосек тоже никому не нужен до первого голодного волка.

Падуанец рассмеялся:

– Хорошо сказано! Я запомню твои слова, мона.

– Храни тебя господь.

Паолина повернулась и молча пошла назад. Она чувствовала, что плясун не придавал значения ее словам, и это обижало. Станный тип... С завязанными глазами – как зрячий. А без повязки – будто слепой. Вроде в лицо смотрит, а кажется, что насквозь глядит, куда-то вдаль. Остановившись, Паолина ошеломленно обернулась: святые небеса, слепой!..

* * *

Едва вороной, двигаясь неспешным шагом, оставил позади ворота Гуэрче, Пеппо ощутил, что Годелот обернулся и пытливо смотрит ему в лицо:

– Чего?.. – пробормотал он, потирая ноющий висок.

А шотландец покачал головой и отвернулся:

– Да ничего. Только ей-богу, мне иногда кажется, что ты видишь не хуже меня, просто притворяешься.

Пеппо усмехнулся.

– Чем столько лет притворяться – уж проще самому глаза выколоть, – отозвался он с привычной ядовитой нотой, но Годелот без всякой иронии спросил:

– Как ты это делаешь? Ты ни разу ни на кого не наткнулся в толпе.

Тетивщик, тоже оставив сарказм, слегка растерянно пожал плечами:

– Ну... это же люди. С ними легко, они заметные. Теплые, шумные, пахнут резко.

Годелот секунду помолчал, осмысливая сказанное, а потом, придерживая поводья, снова обернулся:

– Хорошо. Быть может, и так. А танцевать ты как научился?

– Мать научила, – неохотно ответил Пеппо, – она веселая была, легконогая.

– Но зачем... – начал кирасир, охваченный внезапным любопытством, и вдруг прикусил язык, однако тетивщик уже понял его:

– Зачем слепому танцевать? – полуутвердительно переспросил он. – Затем, что, когда ты хуже других в самых простых вещах и тебя все время тычут в это, как кота в разбитый горшок, ты должен стать лучше других во всем, в чем сможешь. Особенно в том, чего от тебя не ожидают.

– Это гордыня, – усмехнулся Годелот.

– Это выживание, – отсек Пеппо. – И вообще, отстань. Ты не поймешь.

– Уж куда мне... – проворчал кирасир, прищипывая вороного и жалея, что не сдержался и начал этот дурацкий разговор.

...Они ехали без остановок до темноты. Кирасир молчал, размышляя о предстоящих хлопотах: отчитываться перед Луиджи о потраченных деньгах было сущей мукой. Тот убивался по каждому грассо, вздыхал, пенял посыльным на городские цены, и Годелоту часто казалось, что Луиджи предпочел бы краденые товары купленным.

Пеппо тоже не нарушал тишины. Несколько лет проведя в зловонной и суетливой городской круговерти, он молча наслаждался запахами разогретой за день листвы и цветущих олеандров, вслушивался в монотонное гудение пчел и сухой шелест камыша, доносившийся с реки. Жжение в ранах утихло, из-за выпитой граппы неумолимо клонило ко сну.

Памятная с утра нотка дыма снова вплелась в летнюю радугу запахов, и Пеппо поморщился: смрадом очагов и кузниц он был сыт по горло. Но текли часы, запах усилился, и тетивщик невольно подумал: не пожар ли приключился в одной из окрестных деревушек? Сухим летом соломенные и камышовые крыши вспыхивают почему зря, а потушить эти сыплющие искрами кровли совсем непросто. Однако Годелот не замечал ничего дурного, а значит, пожар был дальше, чем ощущал зрячий. Пеппо успокоился и потер лоб, отгоняя сонливость.

Заночевали прямо у обочины дороги близ невысокого холма. Утром Годелот поторопил с отъездом – он возвращался на день позже намеченного и уже предвидел ворчание капрала. К тому же шотландец хотел непременно успеть до вечернего построения гарнизона, чтобы увидеть отца и потолковать с комендантом о тетившике. Вскочив в седло и подбирая узду, он обернулся к Пеппо:

– Дымом несет, чуешь?

Тетивщик хмуро кивнул – он с середины ночи ворочался на траве, разбуженный этим въедливым зловонием. Пеппо не выносил запаха пепелищ, хотя никому никогда не признавался в этой слабости. Но запах этот, засевший где-то в темном углу памяти, всегда подспудно возвращал его в далекий день одиннадцать лет назад, вызывая тупую головную боль и прорываясь в сознание гротескно-яркими и пугающими «зрячими» снами.

Годелот поначалу был спокоен. Но вскоре ему тоже, казалось, передалась тревога Пеппо. Он прищпоривал коня, рощи проносились мимо, исчезали позади поля, а тяжкий дух гари все сгушался. Впереди на много миль окрест простиралась угожья Кампано.

«Неужели горит одна из графских деревень?» Этот вопрос не давал покоя. Годелот жил при замке, но искренне считал родными все прилегающие земли и имел много приятелей среди крестьянских сыновей.

Пеппо молчал, бессознательно теребя пальцами разорванный рукав. Тугая волна запахов затопляла его, как вышедшая из берегов река. Тут были дымно дотлевающая солома, терпкий уголь смолистых бревен, горьковатый пепел полотна, густой смрад неохотно горящих дубленых кож и еще что-то, чему Пеппо не хотел вспоминать названия. Мучительно хотелось задержать дыхание, но запах, казалось, пропитал его насквозь и чувствовался даже на выдохе.

Вороной несся вскачь, ключьями роняя пену. Вот мелькнула потемневшая от времени деревянная дощечка: «Тортора». Дорога плавно взмыла на округлый холм, и уже видны были в пронзительной небесной синеве сизоватые прозрачные столбы, лениво курящиеся впереди. Отягощенный двумя седоками, скакун захрипел на подъеме и вырвался на вершину холма.

Пеппо не знал, что увидел Годелот, лишь услышал рваный всхлип, и глухо заржал конь, оборвав галоп и загарцевав на месте...

...Тортора лежала у подножия холма дымищимися руинами. Щерились обугленные частоколы бревен, оставшиеся от стен, там и сям задымленная печная труба возвышалась над пепелищем, уцелевшая створка ворот, косо накренившаяся на одной петле, простуженно поскрипывала, словно силясь удержаться на весу. На центральной площади виднелся колодец, и журавль с оборванной веревкой торчал, будто костлявая рука.

Годелот онемевшими пальцами мял поводья. Боже милосердный. Славная Тортора, где к Рождеству пекли лучший в округе миндальный хлеб. Но отчего так тихо? Где же графская челядь, где крестьяне из соседних сел? Что же никто не явился на подмогу? Четыре года назад уже бушевала тут огненная беда, так отовсюду сбежался народ.

Шотландец сжал колени, и вороной двинулся с холма вниз, к остаткам ворот. Чем ближе раздавался скрип, тем крепче кирасир стискивал зубы, чувствуя, как по вискам и шее течет пот.

Вот и ворота, и чей-то труп в пропитанной кровью весте лежит у столба лицом вниз. Годелот больно закусил губу, стыдясь себя самого и избегая взглянуть на мертвеца, отчаянно боясь узнать его. Вторая створка валялась на земле, изуродованная ударами топора, и улица уводила дальше, в опоганенную, убитую деревню...

...Пеппо коротко вдыхал ртом, в голове грохотали колокола. Здесь не просто дымились руины домов – стылый страх, слепая жестокость наполняли воздух горячим неподвижным смрадом. Скрипели ворота, потрескивали не остывшие бревна, и от этих вкрадчивых звуков еще гуще, еще липче была тишина.

– Пеппо, – хрипло прошептал Годелот, озираясь, – я не пойму, где же люди? Я видел от силы два трупа. Но куда исчезли все остальные?

Вороной, нервно храпевший и поводивший ушами, прибавил шагу. На шее выступили глянцевого цвета пятна пота – конь был напуган.

И вдруг новый звук донесся откуда-то справа, и Пеппо схватил шотландца за вздрогнувшее плечо:

– погоди, тут есть кто-то живой! Вон там, по правую руку, то ли хрип, то ли плач.

Шотландец обернулся:

– Правда? – Пospешно соскочив с коня, он схватился за повод: – Пойдем, Пеппо. Я не найду его без тебя. Ни беса не слышу, кроме этого чертова скрипа да своего дыхания.

Тетивщика не нужно было упрашивать. Он спешил и последовал за кирасиром. Теперь, когда Гodelot надеялся найти уцелевших, первое оцепенение ужаса отступило. Он без колебаний ринулся к развалинам ближайшей справа хижины.

– Осторожнее, тут бревна рухнули, сейчас попробую сдвинуть.

Остатки забора источали жар, но подворье частично уцелело. Обрушившиеся стропила крыши, видимо, задушили разгоравшийся в хижине огонь. Но на пепелище не было ни души. Гodelot, не чинясь ожогами, расшвыривал тлеющие поленья, громко выкликая:

– Есть тут кто? Я кирасир его сиятельства, не бойтесь!

Пеппо, стоявший посреди двора, вдруг вскинул руку:

– Гodelot, нет ли тут погреба? Плохо слышно, будто мышь из-под пола пищит.

Шотландец огляделся:

– Погреб... Ну конечно!

Растрескавшиеся дубовые доски сыскались быстро. Ухватив медное кольцо, кирасир с усилием откинул крышку и наклонился над темным отверстием с уходящей вниз грубой лестницей.

– Хоть глаз выколи, – пробормотал он, – и не слышно ни звука. Нужно спускаться.

Пеппо отстранил Гodelota:

– Я первым пойду, мне в темноте сподручней твоего. Поди знай, не ждут ли там незваного гостя с вилами наготове.

Лестница поскрипывала под ногами, тетивщик осторожно спускался в прохладный, пахнущий сыром и виноградным жмыхом погреб, напрягая слух. Здесь почти не чувствовался тяжкий горелый дух разрушения.

И вдруг Пеппо замер. Вот он, застойный запах свернувшейся крови, и тишина похожа на холодный студень вязкого страха. Здесь был кто-то, кто отчаянно старался не обнаружить себя.

Спрыгнув на земляной пол, тетивщик снова прислушался, но скрип перекладин лестницы под ногами спускавшегося Гodelota заглушал шорохи погреба.

– Господи... – послышался вдруг шепот кирасира. – Пеппо, он еще жив.

В тусклом свете, льющемся из открытой крышки, Гodelot увидел лежащего в углу мужчину лет сорока. Заскорузлые от крови пряди седеющих волос прилипли ко лбу. Человек лежал неподвижно, еле слышный свист рваного дыхания вырывался из запекшихся губ. Он был в сознании, голова медленно повернулась к Гodelоту, приоткрылись мутные глаза.

– Кто... там? – Голос оборвался, и шотландец упал на колени рядом с человеком:

– Молчи, сейчас напиться дам.

Несколько глотков воды освежили умирающего, и тот снова открыл глаза:

– Не хлопочи, парнишка. Господь милостив... скоро отойду. Невмочь мне. Схорониться думал с перепугу... Дурень... С лестницы сорвался. Ног отчего-то... не чувствую.

Гodelot закусил губу. Спина сломана. Как же должен был страдать этот несчастный, лежа здесь в темноте.

Пеппо неслышно опустился рядом:

– Кто разгромил деревню?

Но раненый мучительно повел головой, поднял непослушную руку и осенил себя крестом.

– Они... демоны. Ночью налетели, не упомяну, сегодня аль вчера. Проснулись с женой – крыша уж занялась. Уходите, мальчуганы. Проклято наше графство. Тот, другой, ничего не забывает. Завсегда нагрнет в свой час... должок взыскать.

Губы Пеппо слегка исказились.

– Какие демоны?.. – с едва уловимой нервной нотой переспросил он.

Годелот же, преодолевая дурноту, склонился прямо к лицу крестьянина:

– Скажи, где прочие? Деревня пуста, но я почти не нашел убитых.

Раненый сглотнул, бессмысленно шаря ладонью по груди:

– Не знаю. Может, по соседним деревням схоронились. Али в лесу. – И вдруг крестьянин приподнялся на локте, со свистом втягивая воздух. – А только Господь все одно сильнее! Эти, черные... они в подворья влетали. Ни звука, ни голоса. Молча. Факел на крышу. А сами того... дальше. Но никого не тронули. Не по силам им души христианские. Промчались – и туда, к замку унеслись. Как зола на ветру.

Эта вспышка подорвала остаток сил умирающего. Он снова рухнул на утоптаный пол, зашелся хриплым кашлем.

– Жена... – просипел он, – с женой... не простился.

Пена вспузырилась на губах, и несчастный замер, глядя вверх щемяще-растерянным взглядом.

Годелот коснулся пальцами шеи, закрыл умершему глаза и перекрестился. Затем обернулся к Пеппо, так же молча и неподвижно стоящему рядом с ним на коленях.

– Я еду в замок, – сухо отрубил он, надеясь, что голос не вздрогнул.

Пеппо не ответил, только сжал его руку и тут же отдернул пальцы.

* * *

Ветер свистел в ушах, рвал волосы, осколками застревал в горле. Дробный топот копыт поднимал пыль с дороги, и Годелот почти завидовал Пеппо, не видевшему изломанных кустарников вдоль развороченной дороги, полей, прошитых шрамами грубых борозд, изуродованных выжженными пятнами, как лица прокаженных, будто по Кампано прошел равнодушный огненный смерч, местами слепо касаясь земли.

Тетивщик давно отбросил гордость и вцепился в плечи шотландца, чтоб не упасть с несущегося галопом коня. А Годелот все прищипывал, давясь ветром, захлебываясь ужасом от того, что ждало его за следующей грядой холмов, и торопясь этому навстречу, чтоб не завывать в голос от тошного ледяного страха. Вот последняя возвышенность, еще несколько дней назад изумрудно-зеленая, а сейчас ощерившаяся черными пропадинами. Конь взлетел на вершину, тяжело поводя боками, и кирасир выронил поводья.

Необъятная долина Кампано простерлась перед Годелотом, развернув в бесстыдном обнаженном убожестве рваные раны опоганенной земли и выжженных рощ.

Это были не следы войны, лишь бессмысленное, бесцельное варварство, упивавшееся разрушением, словно похотью. Замок могучей цитаделью возвышался в нескольких милях, по-прежнему горделиво осанясь стройными башнями. Зыбкие столбы дыма там и сям курились меж изломов кровель, будто прежде, когда в праздничный день граф жаловал челяди пару барашков на вертелах.

Но и издали кирасир видел языки копоти на светлых, выщербленных годами каменных стенах, провалы окон, обметанные черной каймой сажи, чье-то тело, бессильно уронившее руки меж крепостных зубцов, ворон, взметавшихся то и дело над шпилями замка и снова исчезающих за стеной.

Годелот вдруг почувствовал, что трет лицо дрожащими руками, словно пытаясь проснуться, стряхнуть навеванный лишней кружкой кошмар. И внезапно ощущение собственных пальцев, черных от золы и пахнувших гарью, сдернуло с разума мутную спасительную дымку первого потрясения. Все было наяву. Вчерашний день лежал в обугленных руинах, погребя под собой юного Мак-Рорка, гордо звавшего себя кирасиром его светлости. Под палящим солнцем на дороге, которая вела к пепелищу привычной жизни, остался одинокий потерянный паренек, надломленный колос, по случайности выброшенный из свирепого жерла молотилки.

Господи, но ведь даже в Торторе нашлась последняя живая душа... Кто знает?..

Годелот снова дал шпоры измученному коню, а жгучая лучина внезапной надежды вдруг дымно вспыхнула в груди. Лишь бы достичь этих далеких ворот, ворваться в разгромленный двор замка, и вчерашний день воскреснет... Вороны взлетают с обочин неряшливыми стаями, хрипит уставший конь. Еще всего-то полторы мили – и вдруг чьи-то пальцы бесцеремонно впились в плечи.

– Годелот! Стой! Да стой же!

Шотландец машинально натянул поводья, непонимающе оглянулся, натываясь на неподвижный кобальтовый взгляд.

– Пеппо?.. – прозвучало почти недоуменно, словно тетивщик возник за спиной ниоткуда. Но тот не удивился, лишь требовательно спросил:

– Годелот, куда ты несешься? Что впереди нас?

– Замок... – Шотландец встряхнул гудящей головой и нетерпеливо перехватил узду.

Что за дурацкие вопросы? Зачем мерзавец остановил его? В висках стучала кровь, воздух был горяч и полон пыли – не сглотнуть. Лицо Пеппо расплывалось в знойном смрадном мареве, и Годелот лишь видел, как быстро двигаются губы тетивщика, вздрагивают брови, и слышал голос, то резкий, то вдруг умоляющий, но не мог разобрать слов за гулом в ушах. Что он пытается сказать? И вдруг Пеппо схватил шотландца за плечи и грубо встряхнул.

– ...не туда... там только смерть... не ходи... слышишь? – прорвались обрывки слов.

Годелот стиснул поводья так, что жесткие сыромятные грани впились в ладони, – и все вдруг стало на места. Отстранив руки тетивщика, кирасир отвернулся, поднимая хлыст:

– Окстись! Там мой отец – а ты предлагаешь попросту развернуть коня и обратиться восвояси?!

В ответ в спину врезался крепкий кулак:

– Да погоди, осел упрямый! Здесь нет ни звука, ни запаха жизни! Здесь пахнет кровью, дымом и разложением, здесь все дрожит от ненависти, даже камни ею сочатся! Там уже некому помочь, зато сгинуть среди стервятников – это куда вернее!

– Ну и пусть! – Ярость ударила в голову, Годелот бросил поводья, соскочил с коня, вцепился в пыльную весту и сдернул тетивщика наземь. – Пусть, слышишь?! Это мой дом, куда мне идти отсюда?! Чего бояться, что терять?! Я и так уже все, к чертям, потерял!

Но Пеппо вскочил и снова схватил кирасира за плечо:

– Ты остался жив! Тебя Господь уберег, дурака, увел в чертов Тревизо, пока здесь творился ад! Если твой отец пал здесь – то он умирал счастливым, зная, что ты уцелеешь, а ты, выбросив в придорожную канаву последний ум, несешься вскачь за ним следом!

Красный туман заволок глаза, Годелот зарычал, с силой оттолкнул наглеца и замахнулся хлыстом, метя в ненавистное лицо. А тот увернулся, невесть как почувяв приближающийся удар, и выкрикнул на отчаянной яростной ноте:

– Не ходи туда, не надо, прошу!

Но шотландец уже снова запрыгнул в седло и понесся к замку.

Он обернулся лишь на миг, выхватив взглядом одинокую фигуру, стоящую на дороге, мечущиеся на ветру черные пряди, полыхающие злобой и страданием слепые глаза. Сплюнул пыль, понукая скакуна, а в спину летел крик:

– Ну и катись к дьяволу! Давай, пришпоривай! Сдохни поскорее, мне пригодится твой конь!

Годелоту не было дела до воплей висельника, он мчался вперед, уже видя настежь распахнутые ворота. Конь фыркнул, переходя на рысь, а потом вовсе на шаг, испуганно прядая ушами.

Мертвые дубы, всего неделю назад неумолчно бормотавшие листвою и скрипом веток, щебетавшие сотнями птичьих голосов, сейчас молча скребли обугленными пальцами по старинной кладке стены, испещренной щербинами ядер, что остались от давних битв. Коршун тяжелыми скачками пробирался по навершию ворот, поглядывая на пришельца круглым желтым глазом. Годелот двигался к воротам, сжимая зубы. Он боялся остановиться, не смел оглядеться, потому что знал: один долгий взгляд вокруг может лишить его мужества. Ворота впереди – лишь войти, и тогда он в полной мере постигнет всю глубину своей потери. Страшно... Но этот путь в неведении еще страшнее. А там, позади, он хладнокровно бросил доверившегося ему слепого человека. Однако бояться еще и за него уже не было душевных сил.

Годелот ощутил, как нервы все туже натягиваются звенящими струнами, грозя лопнуть, и пришпорил вороного:

– Пошел, дружище! Помирать – так давай поскорее!

Конь преодолел последние футы и ворвался во двор замка. Дымная горечь хлестнула по лицу, с карканьем поднялись тучи воронья, и Годелот соскользнул наземь, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота, а ручейки холодного пота пробираются за воротник.

Седые гарнизонные вояки, ветераны кровавых баталий и пошлых кабацких драк, любили порассказать о красотах своего бурного прошлого. И Годелот замирал, ощущая в груди упоительный трепет от историй о полях сражений, где израненные воины вслушивались в последние слова умиравших друзей, закрывали глаза павшим братьям, вынимали мечи из еще теплых рук отцов. Те рассказы пахли порохом и кровью, славой и мужеством. Но никто, ни один из подвыпивших рассказчиков, не поведал Годелоту, как смердят под солнцем тела, еще сжимающие рукояти клинков в окоченевших пальцах. Как вороны проклевывают дыры в пропыленном сукне колетов, как монотонно зудят мухи, как тускло отражается солнце в раскаленных пластинах нагрудников.

Смерть шевелила горячим ветром чьи-то спутанные волосы, припорашивала пылью чьи-то неподвижные лица, потрескивала тлеющими бревнами, поскрипывала распахнутыми парадными дверьми замка. Она была всюду и во всем, даже в предметах, что едва ли могли умереть, ибо и живыми отроду не бывали. Тела лежали во дворе и на лестнице, виднелись на кавальерах и крепостной стене у мортир. Их было едва ли несколько десятков, но Годелоту казалось, что сотни трупов ковром стелются под ногами. Все в знакомых серых колетах, ни одного чужого...

Годелот сглотнул. Смерд затуманивал сознание, липкий ужас выстуживал кровь, и шотландец на миг проклял свое упрямство, погнавшее его в это страшное место. До дрожи хотелось вскочить на коня и мчаться отсюда, нестись очертя голову куда угодно, лишь бы вокруг были живые люди, лишь бы раздавались любые другие звуки, но не карканье ворон. Неужели никого, ни души не осталось в этом огромном, гулком родном замке?

– Господи. – Годелот встал, чувствуя предательскую дрожь во всем теле. Не смей малодушничать, не смей отворачиваться с омерзением от тех, кто был почти его семьей. – Господи. Господи.

Ни одна молитва не шла на ум, и шотландец двинулся в глубь двора, шепча это единственное вспомнившееся слово.

Он касался рук и лбов, вглядывался в изуродованные смертью лица. Одних легко было узнать, от других хотелось отшатнуться. Здесь были не только его однополчане. Истопник сидел у коновязи, нелепо скособочившись влево. У ступеней подвала лицом вниз распростерся конюх с разбитой головой. Но Годелот шел дальше и дальше, не зная, ищет ли он отца или же наипаче всего боится его найти. Он гнал от себя мысль, что придется войти в замок. Молчаливый склеп, чернеющий пустыми глазницами окон, наводил на него отчаянный страх.

Вдруг черное пятно, лишенное латного блеска, привлекло внимание кирасира, и он бросился к крыльцу, перепрыгивая через лежащее на ступенях обугленное бревно, еще красноватое от не выставшего жара.

В проеме дверей лежал отец Альбини, графский духовник. Отчего-то птичья гнусь пощадила его, и пожилой священник покойно глядел в потемневшую притолоку тусклыми черными глазами. Годелот коснулся пыльной рясы, жесткой от запекшейся крови. Один, два, три... Одиннадцать ран... Господи милосердный, за что так люто могли ненавидеть этого кроткого седого человека? За какие грехи истыкали клинками, словно вымещая на нем страшные обиды? Чувствуя, как жжет сухие глаза, шотландец накрыл рукой сжатый кулак пастора, будто прося последнего благословения.

И тут Годелот нащупал витой шнур от натальной ладанки, стиснутый в кулаке. Кирасир потянул за шелковые нити, пытаясь высвободить шнур из окоченевших пальцев.

Он заберет ладанку и сохранит ее, он поедет в Венецию, обратится к епископу, нужно будет – и он дойдет до самого дождя, чтоб просить кары для тех, кто разорил графство. Медленно, виток за витком, шнур высвобождался из мертвой руки. Вот показалось блестящее металлическое ушко, и из складок рукава пастора нехотя выскользнул продолговатый цилиндр из почерневшего серебра, покрытый мелкой гравировкой. За ним наземь с легким звоном скатились два старинных перстня и часы. Пастор держал драгоценности в руках. Похоже, он пытался откупиться от своих палачей.

Годелот бережно поднял перстни и снова нанизал на тонкие пальцы священника, осторожно вложил часы обратно в пасторскую ладонь. Затем расправил шнур, надел ладанку на шею и уже собирался спрятать под колет, как пониже лопатки вдруг больно ткнулось острие, и кирасир замер.

– Bravo, мальчуган, – раздался из-за спины спокойный насмешливый голос, – ты повоенному точен. Явился ко времени, нашел что получше. Ты был бы превосходным служакой, жаль, не успеется. Давай побрякушки.

Годелот сжал ладанку и медленно обернулся, чувствуя, как острие чертит по спине жгучую дорожку, застревая в сукне колета. Ступенькой ниже стоял коренастый человек в черном дублете и шлеме ландскнехта. Он задумчиво рассматривал Годелота:

– Экий ты... Иноземец, что ли? Тут где-то уже лежит один навроде тебя, белогривый, только постарше. Не папаша ли твой?

Годелот задушенно рыкнул и подался вперед, но острие скьявоны³ тут же уперлось в горло, а ландскнехт раскатисто захохотал:

– Не дури, птенец! Давай цацки, и положу тебя быстро, ничего и не почувешь. Я не зверь, чтоб детвору увечить. А начнешь кобениться – отправлю в рай безглазым, даже на ангелов не подивишься.

Стальное жало вкрадчиво оцарапало щеку шотландца и кольнуло веко. Годелот почувствовал, как тяжкий груз пережитого за этот бесконечный страшный день обратился где-то внутри больной и яростной бесшабашностью. Он сжал ладанку в пальцах и улыбнулся:

– Изволь. И на грешной земле без глаз управляются – так неужто в раю не сдюжу?

³ *Скьявона* (итал. *schivona* – славянский) – разновидность холодного оружия, меч с корзинчатой гардой.

Ландскнехт же, на миг оторопев от наглости юнца, мгновенно утратил напускное благодушие:

– Да ты весельчак, шлюхин сын?!

Скьявона чиркнула по второй щеке, и Гodelот, чувствуя, как теплые капли скользят по лицу, вдруг расхохотался. Напряжение последних часов выплеснулось, смыв остатки осторожности. Шотландец схватился за холодное острие и прижал его к своей переносице.

– Давай! Коли! Попытай заодно удачу, загадай, в какой глаз попадешь!

Ландскнехт взревел, ударил шотландца сапогом в живот, и Гodelот рухнул на ребра ступенек, захлебываясь хохотом и кашлем. Клинок рассек колет на груди, оцарапав кожу, и солдат шагнул ближе:

– Я тебя разрисую этим острием, как чеканщик. Ты будешь в ногах у меня валяться, выпрашивая смерть, поганец!

Скьявона вонзилась в свежую царапину, заскользила, углубляя порез, и Гodelот захохотал громче, глуша смехом крик. И тут мучитель отдернул оружие.

– То ли ты жёлокой крепкий, мальчуган, то ли просто юродивый. Что ж, я и для таких забаву знаю.

С этими словами он воткнул лезвие скьявоны в трещину тлеющего бревна, выдернул и поднес раскаленное докрасна острие к левому глазу кирасира.

Гodelот понимал, что ландскнехт не шутит и легкой смерти ему не видать. Нет, этот человек вовсе не испытывает к нему ненависти. Это просто один из тех, кто упивается чужой болью, как вином или женским телом. Сейчас его ослепят на один глаз, а потом истязания продолжатся, пока он и в самом деле не будет кататься по земле, исходя воем и мольбами. Этого нельзя было допустить, и Гodelот замер, тяжело дыша, готовый рвануться вперед, как только клинок коснется глаза, и разом прекратить адскую забаву.

Вот уже не больше десяти дюймов, и легкое тепло защекотало бровь. Внимание... Гodelот напрягся, приготовившись к последнему рывку. И вдруг оглушительный выстрел разорвал барабанные перепонки, а в лицо кирасиру полетели горячие брызги. Зазвенела упавшая скьявона. Ландскнехт взмахнул руками и грузно рухнул на ступеньки прямо рядом с шотландцем, словно отброшенный мощным ударом в спину. Шлем звонко грохнулся о камень и покатился по лестнице. Там, тремя ступеньками ниже, стоял Пеппо с дымящейся аркебузой в руках. Широко распахнутые глаза горячечно блестели, он напряженно вслушивался в стоящий вокруг гвалт испуганных ворон и угасающее эхо выстрела.

– Лотте! Ты жив? Не молчи, гнус, Христом заклинаю! – Гodelот мог поклясться, что в хриплом голосе слышится едва ли не отчаяние.

– Здесь я... – А дальше вместо слов из горла вырвалось нечленораздельное бормотание. Шотландец неловко зашевелился, пытаясь встать, грудь обожгла боль, и в глазах вдруг потемнело...

* * *

Он очнулся от прикосновения холодной влажной ткани к рассеченной щеке. Лба коснулась рука, теплая и упоительно живая. Исчезла, послышался плеск, и снова к лицу прильнуло холодное полотно. Гodelот медленно открыл глаза и попытался вздохнуть, но помешала тугая повязка на груди.

– Наконец-то очухался, – как сквозь толщу воды донесся сварливый голос Пеппо, в котором предательски прорывалось облегчение.

Шотландец невольно ухмыльнулся – тетивщик был верен себе. С трудом приподнявшись, Гodelот огляделся. Он лежал на собственном колете в тени дубовых стволов за стеной замка.

Рядом Пеппо сосредоточенно мочил в колодезной бадье, снятой с крюка, окровавленный лоскут.

– Лежи, дурище! – обернулся он к Годелоту. – Насилу кровь остановил, вот же напасть.

Годелот, не споря, откинулся наземь – в глазах мелькали черные точки. А Пеппо продолжал недовольно бормотать:

– Я кого предупреждал? Так нет же, полез голыми руками в печь, герой...

– Зачем ты пошел за мной? – прервал кирасир воркотню тетивщика. – Я бросил тебя посреди выжженной земли, как последняя сволочь.

Пеппо хмыкнул, отжимая лоскут:

– Ну как же. Надеялся, что тебя уже какой-нибудь перекладаиной прибило. У меня башмаки совсем паршивые, твои наверняка покрепче будут.

Годелот рассмеялся, машинально потирая ноющую грудь.

– Не знал, что ты умеешь стрелять из аркебузы. Как ты меня нашел?

Тетивщик пожал смуглыми, почему-то обнаженными плечами:

– Я и не умею. Только чистить обучали и заряжать. Вовремя вы лаяться начали. Дорога-то одна, мимо замка не промахнешься. Во двор вошел, а дальше на вашу брань метился. Если б ты шум не поднял, да вороны глотки не драли – мне б вовек не приблизиться к вам незамеченным, я спотыкался раз десять, пока аркебузу заряженную отыскал и фитиль запалил. Ну а сукин сын этот так голосил, что целиться было несложно, разве только вот тебя задеть боялся.

– А как же башмаки? – добродушно поддел Годелот. Нервная многословность выдавала тетивщика с головой. – Да еще Лотте... Меня так только дома называли.

Пеппо яростно оскалился.

– Это я так, сдуру, не мни о себе! – отчеканил он.

Кирасир покачал головой и тут же посерьезнел:

– Спасибо. Не только от смерти, но и от позора уберег.

– Квиты, – усмехнулся итальянец.

А Годелот меж тем ощупал повязку на груди и пригляделся к тряпице, что все еще держал в руках Пеппо:

– Погоди... Это ж твоя камиза. Ты зачем рубашку загубил?

Тетивщик нахмурился, поднимаясь на ноги:

– Так не штанами ж тебя перевязывать, бестолковый. Передохни пока. Я пойду, поищу лошадь этого остряка, едва ли он пешком притопал.

Годелот оперся на локоть.

– Не рыскал бы ты окрест в одиночку. Сам видел, что за волки на графской земле завелись.

Пеппо задумался:

– Твоя правда. Но все равно убираться надо. Куда ты теперь пойдешь?

Кирасир вздохнул. Давно ли он сам спрашивал Пеппо о том же?

– В Венецию. Я должен уведомить дожа о произошедшем. Враги не появляются ниоткуда.

Кто-то непременно за это ответит.

Тетивщик кивнул.

– Значит, в Венецию, – спокойно отрезал он, не дожидаясь возражений.

Глава 5

Бутафор-громовержец

Паолина потуже затянула веревку вокруг норовившего рассыпаться хвороста и хмуро осмотрела охапку. Во дворе под навесом сохла целая поленица отменных дров, но мать все равно посылала ее за хворостом, хотя знала, что дочь недолюбливает это занятие. Наверное, именно поэтому. Паолина подхватила вязанку и неспешно зашагала по просеке: ну и пусть. Сегодня никакой хворост не испортит ей настроения.

Паолина терпеть не могла ярмарок и всегда люто на них скучала. Не то чтобы она не любила танцев или сладостей, но была совершенно не популярна среди сверстников и на праздниках обычно тосковала в компании старших, напуская на себя безразличный вид.

Вот же, казалось бы, незадача... Единственная и обожаемая дочь сельского барышника, девица на выданье, Паолина считалась одной из самых завидных в Гуэрче невест, однако досадно не вышла лицом, была глазаста, большерота, худа, как деревянная кукла, и к тому же отчаянно застенчива. Вдобавок строгая мать и слышать не хотела о цветных лентах, ярких юбках и прочих любимых девушками красотах, утверждая, что хороший вкус никогда не родится из петушиных перьев. А к матушке стоило прислушаться, ибо в молодости та была кормилицей господского сына, немало времени провела в хозяйском поместье и в нарядах смыслила совсем не на крестьянский лад.

Вот потому-то более миловидные и менее зажиточные подружки относились к Паолине с насмешливой снисходительностью, считая слабохарактерной серой птахой, и в виде утешения порой намекали, что горевать ей все одно не о чем, понеже на ее приданое жених непременно найдется.

Однако вчера... Вчерашнюю ярмарку она вспоминала всю ночь. Впервые в жизни ее, только ее одну пригласил танцевать приезжий, да еще горожанин, да еще такой затейник, что сам сельский старшина с хохотом рассказывал о нем своей сварливой жене.

Паолину весь вечер забрасывали шуточками, доселе никогда ей не предназначавшимися, и даже расспрашивали, не звал ли ее плясун на свидание. В какой-то миг раскрасневшейся девушке до смерти захотелось приврать, до того необычно было чувствовать себя едва ли не красоткой. Но Паолина знала, что всякая похвальба в маленьком сельском мирке быстро облачается. Пуще же всего она боялась проговориться об увечье падуанца, ведь соседские балаболки непременно распустили бы слух, что на дочку барышника Кьяри если кто и позарится, так только слепой. Нечего всяких дур веселить.

Паолина воинственно перехватила вязанку и поднялась на скрипучий горбатый мостик через ручей, задушенный летним зноем. Занятая своими размышлениями, она не сразу заметила сидящего на краю оврага человека. А тот меж тем поднялся, преграждая девушке путь. Черный монашеский плащ колыхнул суконными полами, и Паолина невольно подумала, как жарко должно быть незнакомцу в такое пекло. Он слегка сдвинул капюшон назад, и в черном обрамлении показалось изможденное лицо. Серые глаза глянули на Паолину с непонятым любопытством и даже, пожалуй, ожиданием. Девушка отшатнулась, вдруг натыкаясь на кого-то еще и резко оборачиваясь: позади нее тоже стоял монах. Плащ его был распахнут, и Паолина замерла, на миг ослепленная доминиканской туникой, сиявшей в солнечных лучах кипенной белизной.

– Святой отец... – пробормотала она, смутившись, и поклонилась. Монах же мягко коснулся ладонью склоненной девичьей головы:

– Ты из Гуэрче, дитя, верно?

– Да, отец. Чем я могу вам служить? – окончательно смешалась Паолина, надеясь, что клирику нужно лишь указать дорогу к постоялому двору. Она не видела причин опасаться Божьих слуг, но меж двух незнакомых людей все равно было как-то неловко. А доминиканец буднично кивнул и все так же мягко промолвил:

– Мне нужна сущая безделица, милая. Только ответь, где мне отыскать юношу, с которым ты вчера танцевала на ярмарке.

Девушка ошеломленно подняла глаза, и вдруг где-то глубоко в животе словно дернули за крепко привязанный шнурок: вчера за плясуном тоже следил монах...

Она откашлялась.

– Я не знаю, святой отец. Я никогда его прежде не видела.

– Разве? Однако с завязанными глазами он без колебаний выбрал именно тебя.

– Ну так... все прочие девушки уже танцевали, а я нет. – Это прозвучало так жалко, что Паолине захотелось глупо разреваться от обиды: монах поневоле задел саднящую занозу. А сам доминиканец приподнял брови:

– Ты выглядишь девицей из приличной семьи. И вдруг любезничаешь с каким-то незнакомым фигляром?

– Так ярмарка же, святой отец. Все веселятся.

Монах помолчал, глядя на девушку, а потом проговорил ровно и отдельно:

– Ты лжешь. Ты нагнала его у самых ворот и несколько минут с ним шепталась. Поверь, милая, ошибки молодости порой калечат всю жизнь. Где вы назначили свидание? Лучше об этом узнаю я, дитя мое, чем твои родители и односельчане.

Паолина, только что совершенно растерянная, вдруг почувствовала укол неистовой обиды:

– Вы говорите со мной, как с... бесстыжей девкой, святой отец, а я не из таких. Вы кого угодно в Гуэрче спросите – самый завзятый сплетник обо мне слова дурного не скажет!

Это прозвучало почти запальчиво, а губы доминиканца вдруг дрогнули, будто тот сдерживал смехок:

– В таком маленьком местечке – и ни один болтун не припомнит ничего интересного? Не больно же тебя кавалеры балуют, милая...

Паолина задохнулась, чувствуя, что злые и бестолковые слезы вот-вот брызнут из глаз.

– Грех вам! – ляпнула она, краем ума осознавая несусветную наглость этих слов и ужасаясь ей. – Я и в мыслях дурного не имела! Я же... я только словом перемолвиться!

– «Перемолвиться!» – В доброжелательном тоне монаха засквозила насмешка. – Милое наивное дитя, женское тщеславие порой играет злые шутки. Если незнакомый заезжий мастеровой пригласил тебя танцевать – это еще не повод бегать за ним. Ну, разве что тебе было любопытно, так ли он горяч на сеновале, как на танцевальной площади.

Паолина сжалась, лицо пылало от унижения, будто оскорбительные слова холодными ладонями хлестали по щекам.

– Пропустите меня, святой отец, – пробормотала она, все еще пытаюсь сдержать слезы, – мне домой пора...

А доминиканец вкрадчиво промолвил, глядя поверх плеча девушки на своего спутника:

– погоди, милая, мы не договорили. Брат, я опасаясь за отроковицу. Она уверяет, что ничего неладного не умышляла, а меж тем стыдится искренне исповедаться. Негоже оставлять заблудшую душу в потемках. Быть может, ее еще не поздно спасти. Взови к девице.

Паолина не успела ни о чем подумать. Не успела даже сильнее испугаться, когда меж лопаток ткнула жесткая рука. Девушка упала, рассыпая хворост и обдирая щеку о бугристый корень. Что-то свистнуло прямо над головой, и в спину с мерзким щелчком впился кнут. Девушка подавилась криком, а свист повторился, и новая огненная полоса вспыхнула поперек плеч, а потом снова.

Желуди вгрызались в ладони шершавыми шляпками, и земля пахла терпкой летней щедростью, с равнодушным аппетитом впитывая брызги крови. Носок сапога легко, почти дружелюбно ткнулся в щеку:

– Дитя мое, в твои годы нескладное вранье простительно, но вот бесстыдство – худший девичий грех. – Монах больше не насмеялся, его голос был мягок и участлив, и от этого отеческого голоса липкие пальцы тошного ужаса щекотали шею, прогоняя вдоль хребта волны крупной дрожи. – Исповедуйся, дитя. Поверь, покаяние врачует страшные душевные язвы, и жить после него намного легче. – Несколько вязких секунд протекли в тишине, вспарываемой хриплым девичьим дыханием. – Молчишь... – Голос дрогнул горьким сожалением. – Брат, взови к девице.

Снова свистнул кнут, и Паолина надрывно вскрикнула, выгибаясь под ударом.

– Пощадите. Я же ничего дурного!..

Она закашлялась, даваясь словами. В голове мутилось от боли, тошнота перехватывала дыхание.

– Милая, я ни в чем тебя не обвиняю. – В голосе дрогнула мука. – Я лишь хочу тебе помочь. Не терзай нас обоих. Лишь ответь, как найти плясуна. Очисти душу от чужого греха.

Паолина разрыдалась. Слезы выжигали дорожки на исцарапанных щеках.

– Я ничего о нем не знаю, святой отец. Он даже имени своего не сказал. Он падуанец. И он слепой. Все.

Голос помолчал. А потом темный силуэт склонился ниже, заслоняя солнце, и головы девушки коснулась ладонь. Провела по волосам, будто убаюкивая беспокойного ребенка:

– Ну же. Разве стоили эти простые слова такой боли? Продолжай, дитя мое. Дальше будет легче.

– Но я...

Рука вдавилась в затылок, притискивая голову к земле:

– Только не лги. Пойми, милая, мне и так уже трудно верить тебе.

Нужно было закричать. Завопить, обдирая горло, чтоб переполошить весь дом и самой проснуться от собственного крика. Но крик не шел, костью застряв в горле, как во всяком страшном сне. Зато дубовые листья царапали щеку, как лепестки ржавчины, и полосы кнута на спине полыхали слишком горячо, и пальцы все еще были липки от смолы, и рассыпанный хворост трещал под ногами монаха слишком сухо и по-настоящему...

Щегольской сапог с бордовым кантом вдоль шва нетерпеливо топнул, вминая в прелую листву пряди, выпроставшиеся из распустившейся косы.

– Молчишь. Ну, что ж, есть лишь один способ проверить, хорошо ли осведомлены деревенские сплетники. Брат, приступай, помолясь.

Паолина заледенела, когда уверенная рука перевернула ее на спину. Та самая кость, стоящая поперек горла, продралась рваным всхлипом. В свежие следы кнута словно плеснули уксуса. Ужас застил глаза, и высокая узкая фигура, склонявшаяся к ней в ореоле солнечных лучей, бьющих сквозь дубовые кроны, казалась безликим сгустком черноты. Второй силуэт стоял в двух шагах, и белая ладонь, обвитая четками, выделялась среди черных складок облачения. Затрещало полотно разрываемого подола камизы, и Паолина вдруг с холодной отчетливостью поняла: сейчас случится нечто, после чего нельзя будет больше жить. И матери в глаза глядеть будет нельзя, и на собственное отражение в воде тоже.

Зашипев, как кошка, она рванулась навстречу обидчику, вцепляясь тому в лицо. Пусть лучше убьют без затей. Разорванный подол уже не стеснял ног, и она брыкалась, раздирая ногтями щеки насильника.

– Шельма чумная! – выплюнул тот, подминая селянку под себя, и замахнулся. Удар по скуле выбил из глаз искры, а откуда-то, словно издали, несся гневный вопль:

– Не бей девку, олух! Проку от нее, от мертвой!

По-паучьи ловкие лапы сжали запястья Паолины, резко выкрутили, и она с удвоенной силой заметалась на земле, раздирая спину об узлы корней.

– Не надо! Пошел прочь, дьявол! Не надо! Нет!

Надрывные вопли разлетались по молчаливому полуденному лесу, будто щепки из-под топора. Паолина визжала, не чуя уже ни боли, ни страха, жаждая только изыскать способ хоть одним ударом отплатить гнусу, смердящему отсыревшим сукном и хворой утробой. А тот боролся с ней, вдавливая в землю и поливая похабной бранью. Наконец жесткая ладонь сдавила горло, и девушка коротко захрипела, соскальзывая во тьму.

* * *

Годелот сосредоточенно выбирал из гривы коня репейники. Взглянул на щерящийся оскал ворот. Украдкой покосился на тетивщика, сидевшего у могучего дубового ствола. Затем невольно отвел взгляд, задумчиво хмуря брови. Пеппо поднял голову.

– Чего вздыхаешь, как невеста? – спросил он с неожиданной мягкостью. – Пойдем, куда солнце не зашло. Отца твоего найдем, похороним по-людски.

Годелот резко обернулся – чутье шельмеца очередной раз скрежетнуло по нервам острым суеверным коготком. Задержал взгляд на обветренном лице – и вдруг прочел на нем непривычное участие.

Пеппо же встал и провел рукой по поводьям, проверяя, надежно ли привязан вороной. Шотландец неуверенно покосился на него: он был уверен, что Пеппо наотрез откажется снова входить в замковый двор и, возможно, опять попытается удержать спутника, как недавно на дороге. Однако тогда мерзавца легко было посылать к чертям. Но не теперь, когда труп ландскнехта остывал на ступенях замка, а грудь кирасира была перевязана единственной рубашкой Пеппо. И Годелот мучительно искал слова, что убедят тетивщика, не уязвив его. Однако Пеппо сам разрешил сомнения, и Годелот отложил до поры размышления об этой, так несвойственной его спутнику, сговорчивости.

Но у ворот шотландец все же остановился:

– Тебе ни к чему идти со мной. Не злись, но ты не сможешь мне найти отца. Да и... небезопасно там.

Пеппо привычно нахмурился, но спокойно отозвался:

– Я знаю, что в поисках тебе не подмога. Но, как найдешь отца, вдвоем сподручней будет. Да и в этом аду вдвое муторней, если не с кем словом перекликнуться.

Годелот помолчал, а потом коротко хлопнул тетивщика по плечу, будто приглашая следовать за собой.

Кирасир больше не окидывал двор широким взглядом. Он молча шел вперед, заглядывая в мертвые лица, снимая шляпы, переворачивая тела. Он рвано вдыхал сквозь стиснутые зубы, узнавая тех, с кем восемь лет жил бок о бок. Он не позволял себе остановиться, осеня крестом холодные лбы и шагая дальше. После шестого тела шотландец остановился, хмурясь и покусывая губы. Затем медленно двинулся дальше, теперь уже внимательней осматривая убитых и все чаще подолгу о чем-то задумываясь.

Хьюго не было во дворе... Годелот обернулся, искал глазами тетивщика. Тот зачем-то тоже бродил по двору, ссутулившись и теребя воротник весты, словно ему трудно было дышать. Шотландец откашлялся, ощущая гадкий холодок в животе.

– Пеппо! Я пойду в замке поброжу. – Голос кирасира предательски дрогнул.

Тетивщик кивнул:

– Погоди, я на крыльцо поднимусь. Ежели чего – позовешь.

У входа в замок шотландец снова остановился у тела отца Альбинони.

– Здесь убитый лежит, – тихо проговорил он, удерживая Пеппо за плечо, – это мой учитель, проповедник графский. Надобно и его похоронить.

Сняв руку с плеча спутника, он двинулся было к дверям замка, но снова остановился. Секунду подумав, решительно сошел по ступеням вниз и подобрал шлем застреленного Пеппо мародера.

– Вот что, – твердо проговорил он, кладя шлем на нижнюю ступеньку, – мне не понравилось, что тот несчастный крестьянин валил все на демонов. Видел я этого демона! – Гodelот брезгливо сплюнул и продолжил: – Я возьму этот шлем, покажу его в столице – и пусть кто угодно в ответ толкует, что демоны в ландскнехтах нынче служат.

– Резонно... – пробормотал тетивщик, хмурый и бледный до желтизны. Ему было заметно не по себе.

Поколебавшись еще несколько секунд, Гodelот приблизился к телу пастора и вынул нож. Перекрестился, преклоняя колено у тела учителя, и вырезал из рясы квадратный лоскут со следами крови и клинков.

– Покойтесь с миром, отец Альбиниони... – пробормотал шотландец, складывая лоскут, – простите меня за это, но мне нужны доказательства.

Спрятав жесткое черное сукно под колет, Гodelот вздохнул, словно перед прыжком в прорубь, и скрылся в полутемном холле замка.

Приготовившись к ожиданию, Пеппо опустился на ступеньку у тела пастора, потер ноющие виски и затих. Некоторое время он неподвижно сидел, вслушиваясь в карканье ворон и порой едва заметно вздрагивая. Потом медленно коснулся ребра ступеньки и ощупал шершавый край. Лишенный глаз, он подспудно боялся неизвестности окружавшего его мира.

Пальцы жадно и пытливо пробежали по кромке тесаного камня, оценивая ширину и высоту ступеней, за века отполированных тысячами ног до ласкающей осязание гладкости. Затем ладонь наткнулась на жесткие складки рясы, и Пеппо вздрогнул. Миг помедлив, потянулся дальше вдоль измятого сукна и коснулся окоченевшей руки, холодной, будто выточенной из дерева. Пеппо отдернул руку и потер пальцы, словно обожженные...

...В холл замка Гodelот спустился раздавленным и опустошенным. Ужасаясь бойне во дворе, он не предполагал, что ждет его в покоях. Там, снаружи, кормили коршунов павшие солдаты, мужчины в кирасах, для которых война была работой, а гибель – последним расчетом по увольнению. Но внутри лежал в руинах мирный, уютный быт. Одни комнаты выгорели дотла, щетинясь остовами мебели, обглоданной огнем. Другие пожар пощадил. Осколки, обломки, ключья картин и занавесей стыдливо живописали разгул бессмысленного вандализма, с каким безымянная солдатня крушила чужой обжитой и теплый мирок.

На площадке второго этажа, упираясь головой в крутые ступени, лежала служанка – ее тело было вывернуто под причудливым углом, лицо застыло в гримасе беспомощного ужаса. Похоже, в панике убегая из гибнущего замка, она просто упала с лестницы. Гodelот не смог пройти мимо. Он почувствовал, как у него застучали зубы, когда он расправлял смятый подол домотканого платья и складывал на груди руки, одну из которых изуродовала капавшая с факела горячая смола.

...Хьюго был здесь. Он опирался спиной о закрытую дверь трапезной, будто спал, захмелев за ужином. Гodelот почти не запомнил, как мчался по коридору, как упал на колени, хватая отца за окоченевшие руки, как прижимал к груди разбитую голову, еще недавно белокурую и густо высеребренную сединой.

Все потери, все удары этого дня в одночасье переполнили чашу самообладания подростка. Он рыдал, захлебывался слезами, не чувствуя жжения в рассеченных щеках, словно оплакивая навсегда уходящее отрочество, которое так недавно по-юношески презирал, стремясь к зрелости и свободе.

Негромкий звук шагов заставил Годелота встрепенуться, отирая с лица слезы и кровь. Позади него стоял Пеппо, молча опершись плечом о стену. Застигнутый врасплох, Годелот машинально рывкнул:

– Чего пялишься?!

Пеппо медленно покачал головой:

– Я не пялюсь. – В его голосе не слышалось и тени сарказма.

...Уже смеркалось, когда Годелот с объемистым свертком в руках почти бегом покинул замок. Два грубых креста у подножия неохватного дуба отбрасывали длинные тени в последних отсветах дня.

Пеппо исчез.

Шотландец остановился, недоуменно оглядывая дорогу и покореженные огнем остатки роши. Всего час назад, после похорон, он оставил тетивщика здесь. Куда же делся мерзавец?

В душе заклокотало раздражение пополам с тревогой. Вороной по-прежнему с отвращением щипал клочковатую сухую траву. Хотя отчего-то Годелоту не верилось, что мошенник мог бы сбежать, украв коня и бросив кирасира в мертвом Кампано. Так что ж, ландскнехт был не один? Горизонт темнел на глазах. Шотландец снова огляделся, вслушиваясь в полумрак.

– Пеппо!

Эхо раскатилось по долине, затерявшись в холмах, и тут же в ответ донесся свист, а за ним конский топот. Выругавшись сквозь зубы, Годелот бросил наземь свою ношу и выхватил клинок. Среди черных стволов, постепенно сливавшихся с вечерней мглой, замелькал силуэт всадника, и прямо навстречу кирасиру из-за деревьев на широкогрудом жеребце вылетел Пеппо. Ловко осадив скакуна, он спрыгнул наземь:

– Погляди, Лотте! Это наверняка конь давешнего мародера, сам пожаловал!

Годелот с лязгом загнал оружие обратно в ножны и толкнул Пеппо в грудь:

– Тебя какой леший на ночь глядя по равнине гоняет?! Договорились же поодиночке в округе не болтаться!

Пеппо примирительно вскинул ладони:

– Да не бухти, вот же насадка! Говорю ж, сам конь пришел, вороного твоего, не иначе, почуял. А что уволок меня – так с ним же не сразу поладишь, норовистый оказался, дьявол, а я и за поводья дернуть толком не могу, ладоням еще больно.

Шотландец обиженно замолчал. Усталость бесконечного дня не оставляла сил для свары, и, решив расчитаться с шельмецом за «насадку» позже, Годелот рванул с земли принесенный узел.

– Вот, возьми, – проворчал он, протягивая Пеппо полотняную камизу, – я в гарнизонные квартиры наведалься. Не позарился никто на мой скарб. И вот еще... Думаю, тебе в самый раз.

Пеппо протянул раскрытую ладонь и почувствовал, как в нее легла холодная рукоять. Провел пальцами по узкому длинному лезвию.

– Это швейцарский басселард, отцов трофей, но он так к нему и не привык. Отец вообще не жаловал кинжалов, всю жизнь палашом орудовал. – Голос Годелота был тих и осторожен, словно касался раны, проверяя, сильно ли болит.

– Благодарствуй... – смущенно пробормотал тетивщик. Кинжал был легкий и основателен, резьба рукояти холодила ладонь, и Пеппо вдруг ощутил неловкость от этого дорогого подарка.

Повисла тишина, тетивщик лишь слышал, как шотландец позванивает еще каким-то оружием.

У самого уха раздалось фырканье, и в висок легко ткнулся теплый лошадиный нос. Натягивая предложенную рубашку, Пеппо лукаво улыбнулся:

– Гляди, признал. Хороший конь. А масть какая?

Годелот не удержался, криво улыбувшись в ответ:

– Каурый. И правда, хорош.

* * *

Едва пыльный тракт тускло засерел в рассветной мгле, двое всадников уже мчались прочь от мрачного донжона Кампано. Гodelot, так и не сумевший ночью заснуть под взглядом черных окон мертвого замка, спешил оставить разоренный край.

Кому перешел дорогу старый затворник граф, если земли его так варварски уничтожили, не щадя ни сел, ни посевов? Деревни проносились мимо выжженными руинами. От Лаго Учелли осталось четыре подворья, безмолвных и пустынных. Пьегаре еще дымилась вдалеке непогасшими остовами домов. Кариче скрывалась за холмом, и Гodelot не свернул к ней, зная, что и ее не пощадили. Только островерхая крыша старинной церкви одиноко выглядывала из-за рощи, уцелевшая и от этого почему-то еще более мрачная. В первый миг шотландец натянул поводья, собираясь направиться к ней, но тут же снова дал коню шенкеля. Этот осколок его вчерашнего дня, будто случайно отлетевший на обочину, зря разворошит осевшее было потрясение... Пройдет несколько дней, и уцелевшие начнут возвращаться на родные пепелища. Он же должен отнести вести властям и порадеть о справедливости.

День прошел в непрерывной скачке. Стремясь сократить путь, Гodelot свернул с тракта и пустил коней через пастбища. Спутники почти не разговаривали. На скаку пыль мгновенно набивалась в горло, а вечером утомленные подростки по очереди сидели на часах, вслушиваясь в неприятную дымную ночь.

Гodelot опасался новой встречи с мародерами. Конечно, он не ушел из замка безоружным. Тяжелый шотландский палаш покоился теперь в могиле Хьюго, но превосходную отцовскую скьявону, боевой трофеей Мак-Рорка-старшего, кирасир счел своим наследством. В чересседельной суме прятался небольшой, но грозный чекан. К ремням был накрепко привязан единственный в замке мушкет: эта невиданная роскошь перепала на последней войне коменданту Гвидо, и Гodelot, хоть и не без колебаний, решил не оставлять дорогое оружие ржаветь посреди двора.

Однако все это не защитило бы их от невидимого стрелка, что мог бы позариться на лошадей. А потому Кампано нужно было проехать не мешкая.

Кони не подвели. Назавтра к вечеру Пеппо и Гodelot покинули графские земли, перевалили через невысокие, взъерошенные ветром холмы и углубились в лес.

Теперь, в шелестящей сени деревьев, шотландец ощутил, как разом ослабла сжатая в груди пружина. Он обернулся к спутнику и увидел, как разглаживается вертикальная черточка меж бровей Пеппо и смягчается плотно сжатая линия губ. Чувство постоянной опасности отступило, и в одночасье навалилась усталость.

Гodelot придержал коня:

– Будет нам нестись, надо лошадям роздых дать.

Пеппо так же молча кивнул.

На ночлег остановились неподалеку от быстрого говорливого ручья. Когда шотландец вернулся к месту привала, ведя за собой напившихся коней, в подлеске уже совсем стемнело. Во мраке слышались треск хвороста и звяканье кресала: Пеппо складывал костер.

Кирасир опустил наземь, рассеянно глядя, как первые оранжевые отблески то и дело выхватывают из темноты сосредоточенное лицо тетивщика. Где-то прямо над головой заполошно затрещала птица, и Гodelot вздрогнул, машинально придвигаясь ближе к разгорающемуся огню.

За скудным ужином он пылливо посмотрел на спутника. Тот неторопливо помешивал угольки костра. Едва заметно дрогнувшие брови выдали, что итальянец почувствовал взгляд. Однако, против обыкновения, не ошетинился.

– Пеппо... – Краем ума Гodelot понимал, что разговор он затевает глупый, но отчего-то хотелось выговориться. – Ты чувствовал когда-нибудь, что прежде мнил о себе больше, чем стоишь на деле?

Тетивщик отложил ветку и задумчиво прикусил губу:

– Да каждый раз, как дверной косяк лбом обозначу, – так и чувствую... – Секунду помолчав, он обернулся к шотландцу, и отблески костра заплескались в неподвижных глазах. – Если тебя гложет, что я плачущим тебя застал, – не бери в душу. Ничего тут стыдного нет.

Гodelot покачал головой, протягивая тетивщику флягу с вином:

– Я, брат, клинком махать с горем пополам научился и уже всерьез считал себя солдатом. А на деле вышло, что от солдата у меня только колет ношенный. А сам я просто мальчишка, и гонор у меня дутый. Когда во двор впервой вошел – едва в обморок не свалился, будто девица.

Но Пеппо нахмурился:

– Чушь болтаешь. Знаешь, в мастерской Винченцо вечно вояки толклись, друг перед другом пыжились. Конечно, в основном кудахтали, у кого капрал хуже да кто больше девок перещупал. Но заглядывал к нам иногда один старый пикинер, не столько оружие отладить, сколько лясы поточить. Рассказчик был – заслушаешься.

И вот от этого пикинера узнал я одну вещь, которую и тебе не грех знать. Он толковал, что доблесть на поле боя не проверяется. В мясорубке даже самые заячьи души в герои выходили, потому что там храбрым быть легче легкого. Как спьяну клинком машешь, а голова пустая, даже на минуту вперед не глядишь. Зато после боя на батальное поле сунуться – вот тут железная кишка нужна. Когда кровь остыла – до смерти страшно среди требухи оскальзываться, друзей и братьев по кускам собирать. А кому довелось домой издалека вернуться и пепелище застать – тут любой лицом в пыль падает, хоть бы три лавровых венка на голове скирдой сидели. Вот так-то.

Гodelot впился взглядом в лицо тетивщика, ища ускользающую тень насмешки. Но Пеппо молча смотрел куда-то поверх плеча спутника, не пряча глаз и не надевая привычной настороженной маски.

– Может быть, ты и прав... – задумчиво промолвил шотландец, тоже машинально берясь за ветку и вороша угли. – Послушай, Пеппо, – вдруг добавил он, – я одну странность в Кампано приметил, когда тела осматривал. Видишь ли... Ни у кого, кроме отца Альбинони, колотых ран не было. У всех головы разбиты. Сверху эдак, как по наковальне бьют. Отчего бы это, а?

Пеппо зябко поежился и придвинулся ближе к огню:

– Божий Молот... – пробормотал он.

– Что?! – Гodelot недоуменно вскинул глаза, а тетивщик поморщился:

– Помнишь, тот умиравший крестьянин толковал о демонах и всякой чертовщине?

Гodelot отшвырнул ветку:

– Да какие, к черту, демоны! Это были живые люди! Такие же живые, как тот сукин сын, которого ты воронам на корм определил!

Но Пеппо покачал головой:

– Лотте, я в чертях не особо смыслю. Лучше скажи: ты заметил, что ворота не взломаны? Я, когда из двора выходил, створки ощупал. Даже засовы целы.

Гodelot замер, а потом ударил в землю кулаком.

– Черт, а ведь верно! Ворота просто отперты! – Он вскочил и заметался у огня. – Тогда выходит, что ночные часовые сами впустили врага! Как же так? Графский гарнизон был не самого высшего пошиба, собран все больше из наемников, которых из полков поперли, но комендант каждого сам на службу принимал! Все свое дело блюли, порядок был, дисциплина! Мне ли не знать, я вырос в отряде!

– Лотте, сядь! – вдруг оборвал Пеппо спутника и добавил тише: – Не шуми. Иди знай, такой ли этот лес пустынный, как нам кажется.

Годелот не стал спорить, вновь опускаясь у костра, а тетивщик неохотно проговорил:

– Нехорошая вся эта история, Лотте. Если я пока что и понял, так только одно: кто бы ее ни затеял, он очень старался, чтоб все выглядело почуднее, и никому в эту историю лезть не хотелось. А мы с тобой, Лотте, единственные, кто местного демона во плоти встретил, и доказательство у тебя привязано к седлу.

Шотландец пристально посмотрел в огонь. Потом поднял взгляд и решительно подвел итог:

– Что ж, стало быть, нам нужно быстрее убраться отсюда. Главное – добраться до Венеции и предъявить эти доказательства властям.

Пеппо нахмурился еще сильнее, но промолчал. Костер затрещал, выбросив клуб дыма, тетивщик потер лоб, и на дне глаз отразилось легкое смятение. А Годелот невольно продолжал испытующе смотреть на спутника.

– Будет тебе тарашиться. – В голосе Пеппо прозвучало колючее предостережение. – Если сажа на роже – так и скажи, а не пялся.

Годелот усмехнулся:

– Да что мне за дело до сажи, дурень! И с сажей сгодишься. Просто... Я вдруг заметил, говоришь ты чудно. То по-простому, как все. А то вдруг затейливо так, как аристократы говорят. Мне поначалу даже казалось – дурака валяешь.

Пеппо только криво усмехнулся:

– Тут ничего чудного. Я как ручной попугай, что в лавках держат. Как вокруг меня говорили – так и научился, а сам и различия толком не знаю.

Годелот никогда не видел попугая, однако вспомнил рассказы отца об этих крикливых разноцветных воронах и ухмыльнулся.

Пеппо же открутил крышку фляги, завернул обратно и снова открутил, будто пытаясь за этими бестолковыми движениями решить, говорить ли вслух то, что вдруг пришло в голову.

– Лотте... – Он запнулся, прищуриваясь и напуская на себя равнодушный вид. – Научи меня грамоте.

– К чему тебе? – Годелот осекся, но Пеппо уже ухмылялся с нарочитой ехидцей.

– А ни к чему. Просто, чтоб ты со мной в пути не заскучал. – Посерьезнев, он добавил: – Да черт его знает к чему. Научи, Лотте. А уж применить я сумею.

Годелот улегся наземь, опершись на локоть.

– Научу. Только я грамоту с десяти лет знаю, а все же чувствую: мало читать, понимать надо. Давай, Пеппо, я тебе легенду одну расскажу. О войне. А еще о любви, о подлости, о глупости. А ты скажи, кто прав был?..

...Костер уже догорал, а Годелот говорил и говорил, захлеб добавляя красок и деталей. Менелай, Зевс, Парис и Елена Прекрасная оживали в его бесхитростном повествовании. Пеппо сидел у угасающего огня, подавшись вперед и ловя каждое слово.

Глава 6

Смертельные струны

Втулка сидела так крепко, что казалось, намертво вросла в дубовый бок бочонка. Но вот поддалась, неохотно выползла, издав глухой недовольный хлопок, и темное вино мелодично заклокотало в подставленный ковш. Все же он не зря спустился в погреб... Кто бы подумал, что в этой жалкой деревушке водится такое отменное вино?

Аркебузир торопливо отер губы обшлагом рукава и начал с трудом втискивать втулку обратно, бранясь вполголоса. Занятый этим кропотливым делом, он не заметил, как рокот голосов и взрывы смеха снаружи утихли. Не расслышал он и скрипа лестницы.

Вдруг удар хлыста выбил ковшик из руки аркебузир, и тот едва не взвизгнул от неожиданности. Обернувшись, незадачливый выпивоха шарахнулся назад, торопливо нашаривая прислоненную к бочкам аркебузу и оправляя помятый дублет. Голубоватую полосу дневного света, падавшего из открытой крышки погреба, заслоняли широкие плечи полковника Орсо. Его лица почти не было видно в полутьме, только поблескивали галуны да хлыст мерно и неторопливо покачивался в пальцах.

– Мой полковник... – Аркебузир неловко переступил с ноги на ногу, с грохотом уронил пороховницу и вытянулся, внутренне холодея. Орсо оглядел залитый вином пол и сероватое от ужаса, покрытое испариной лицо солдата.

– Где старший сержант Ансельмо?

Вопрос прозвучал буднично и даже мягко, но аркебузир нервно сглотнул:

– Виноват, не могу знать, мой полковник. Отбыл по служебной надобе.

– Превосходно. А вам, вероятно, поручил тщательно обыскать деревушку. – Орсо не повышал голоса, но воздух в погребе сгустился от осязаемой угрозы. – Что ж, не с рядового спрос. Я любопытствую у сержанта, на основании каких новых сведений в Кариче потребовался обыск винных погребов. Не сомневаюсь, он подтвердит, что сие его распоряжение.

Натянутая струной фигура солдата вдруг дернулась, словно на нитках:

– Виноват, мой полковник! Пьянствовал в нарушение устава! Покорнейше прошу ваше превосходительство наказать немедленно и по всей строгости! – В голосе аркебузир позванивала отчаянная нотка.

Орсо приподнял бровь, затем неспешно обошел подчиненного и трижды наотмашь хлестнул того поперек спины, рассекая дублет. Аркебузир сжал челюсти, отрывисто дыша. Бисеринки пота обратились крупными каплями и стекали за воротник. Полковник же вернулся на середину погреба и смотал хлыст. Он собирался что-то добавить, когда снаружи донесся топот копыт и громкий взволнованный зов капрала Маттео:

– Мой полковник!

Орсо отвернулся от дрожащего солдата – похоже, с приехавшим капралом ожидался разговор поинтереснее.

Маттео ждал у самого погреба, его простоватое, посеченное оспой лицо выражало мрачную решимость: видимо, за привезенные вести похвал он не ожидал. Вытянувшись перед Орсо, капрал отчеканил:

– Мой полковник, смею доложить, что старший сержант Ансельмо третьего дня до полудня вернулся в замок Кампано.

Орсо ухмыльнулся, и два шрама, уродующих его губы, резко и жутковато выделились на смуглой коже.

– Вот, оказывается, куда увело сержанта служебное рвение... Какое же мое упущение он отправился исправлять?

Капрал почувствовал, как вспыхивает лицо, и промолчал, чувствуя себя лакеишкой, которого хозяин застал у открытой кладовой. Однако Орсо оглядел рдеющего подчиненного и холодно добавил:

– Или же Ансельмо решил пожить в оставленном в замке оружьем? Ведь он рассчитывал увидеть меня не раньше завтрашнего дня.

Капрал продолжал молчать, только роспись оспы на лице потонула в багровом румянце. А полковник дернул уголком рта:

– Я давно подозревал, что твой зять мародер, Маттео. И если сегодня это подтвердится – из уважения к тебе я вышвырну его из полка. Или казню, если решу, что могу пренебречь твоими чувствами.

Капрал откашлялся:

– Мой полковник. Смею доложить, старший сержант Ансельмо мертв. Убит выстрелом в спину. Я привез тело.

– Вот как? – Орсо слегка нахмурился, но Маттео видел скучающее выражение на дне глаз командира. – Покажи.

Несколько минут спустя они приблизились к запыленной лошади, наскоро привязанной к обгоревшей изгороди. Тело сержанта, перекинутое через седло, имело весьма неприглядный вид, но Орсо хладнокровно сдернул его наземь и склонился над раной:

– Знатно разворотили. В упор, шагов с пяти. Стало быть, мы оставили в замке живых. Кто-то очнулся и угостил стервятника. Что ж, поделом. Заройте его где-нибудь, нечего гнить разводить.

Орсо равнодушно шагнул назад, когда капрал слегка нервозно откашлялся.

– Мой полковник... Убийцы сержанта Ансельмо живы и по сей час, и их не меньше чем двое.

Офицер резко обернулся, и капрал не к месту подумал, что глаза Орсо похожи на жерла мортир.

– Продолжай.

Капрал снова откашлялся.

– Я нашел скьявону Ансельмо, она лежала прямо рядом с телом. На лезвии недавно запекшаяся кровь, а перед отъездом сержант протирал оружие. Не иначе, была схватка. Пока Ансельмо сражался с одним, другой выстрелил в него сзади. У стен замка две свежие могилы. В одной похоронен пастор – его тела нет на крыльце. Кто во второй – не ведаю, неграмотен. Там же я нашел обрывки окровавленной рубашки. От Кампано ведут следы двух лошадей, одна из которых принадлежит сержанту: у нее обломана одна из подков, след приметный.

Маттео замолчал, мучительно соображая, не напутал ли чего. Орсо не терпел домыслов и в неудовольствии бывал очень лют.

– Итак, двое, один из них ранен... Видимо, я с ними разминусь, покидая церковь. И сейчас они уже должны были пересечь границу графских земель. Скверно. – Орсо задумчиво рассматривал привезенную скьявону и вдруг брезгливо поморщился. – Сражался, говоришь? Взгляни, капрал. Кровь на клинке не просто запеклась. Клинок накалили, и она свернулась от жара. Ансельмо не сражался, он пытал. А жертва кричала, потому он и подпустил к себе стрелка вплотную. Бог шельму метит, Маттео.

Капрал молчал, поскольку Орсо обращался скорее к себе самому. Полковник же повертел рукоять скьявоны в руке:

– Худо, однако, не это. Хуже то, что Ансельмо не собирался умирать, оставляя в живых свидетелей своих мерзостей. А потому мог наговорить много лишнего. Он всегда любил порисоваться перед побежденными. Наши таинственные визитеры близки к дому Кампано, а главное, к пастору, раз не пожалели времени, чтобы ковырять могилы в сухой земле. Стало быть,

они уже могут мчаться в столицу, неся дожу отнюдь не те сведения, которые ему следует получить. Да и кто знает: не за тем ли самым они пожаловали, что и мы?

Оторвавшись от созерцания позлащенных солнцем холмов, Орсо коротко и сухо распорядился:

– Настичь, убить, обыскать! Подмогу возьми по своему разумению. По исполнении прибыть с докладом на постоянный двор Густаво. Выполняй. – Развернувшись на каблуках, он двинулся прочь, но вдруг снова оглянулся: – Маттео, у сержанта осталась семья?

Капрал сглотнул желчную горечь:

– Так точно. Моя сестра и племянник.

Орсо помолчал. Потом протянул Маттео скаявону:

– Что ж, мертвый он принесет им больше пользы. Вот, отдай клинок его сопляку и скажи всю положенную в таких случаях героическую чушь.

Капрал переступил с ноги на ногу:

– Мой полковник, виноват...

– Что еще? – поморщился командир, а Маттео торопливо отчеканил:

– Дерзну просить вашего позволения оставить клинок себе. У меня оружие самое простое. А мальцу всего-то шесть лет, ему без надобы.

Орсо в ответ безглаголиво дернул уголком губ:

– Ты и своим неплохо орудуешь, Маттео. А дети – те еще злобные маленькие твари. Безотцовщину мигом затравят. Зато если покойный папаша герой и меч висит над лавкой – другой разговор. Пошел с глаз!

...Издали слышался топот уезжающих всадников. Орсо отвел душу, обрушив на головы подвыпившей солдатни шквал брани и ударов хлыста, и занялся насущными заботами: пора было покидать уничтоженный край. Уже собираясь командовать построение, он подозвал полкового писаря:

– Старший сержант Ансельмо погиб при атаке на замок Кампано. Впиши в реестр потерь. Вдове назначить пенсию.

Писарь набрал было воздуха, но, ожегшись о предостерегающий взгляд, поспешно поклонился:

– Есть, мой полковник, виноват, запамятовал.

Двое солдат рыли у ограды могилу, обливаясь потом и негромко сквернословя. Орсо прошел мимо, подавляя желание пнуть распростертое в пыли тело.

* * *

Солнце уже поднялось в зенит, и под сенью леса стусился тот особый неподвижный зной, что наливает руки свинцом и заставляет голову неудержимо клониться к плечу. Годелот рассеянно поглаживал холку коня, идущего неспешной рысью. Ему о многом нужно было подумать. Что предпринять? Куда идти в незнакомом огромном городе в поисках правосудия? И будет ли кому-то дело до его жажды справедливости? Но ничего путного не шло на ум, голова была полна воспоминаний, что цеплялись одно за другое звеньями бесконечной цепи, и Годелоту намного уютней было в этих грезах, нежели в неприветливой реальности. Пеппо, что-то приглушенно бормоча, поглаживал шею жеребца.

Неожиданно тетивщик настороженно вскинул голову:

– Лотте, за нами кто-то следует.

Годелот встряхнулся, выныривая из омута размышлений:

– Я ничего не слышу.

Он проговорил это скорее машинально: слуху Пеппо он уже научился доверять. А итальянец выпрямился в седле, и крылья носа вздрогнули, как у охотничьего пса.

– Это наверняка крестьяне. Все, кому посчастливилось уйти из деревень, могли бежать только в лес. – Еще говоря это, Гodelот ослабил ремни аркебузы, вынимая пороховницу. Он не слишком верил, что напуганные бойней жители Кампано станут открыто бродить по лесу.

Но Пеппо обернулся к спутнику:

– Это конные, Лотте, и их немного. Быть может, трое или четверо. Я слышу перестук копыт, а от отряда гул бы шел.

Гodelот нахмурился. Они не встретили ни души в разоренном графстве, откуда взялись эти преследователи сейчас? Всадники могут быть лишь военными. Мародерам же нет резона гоняться за ними, пренебрегая зажиточными деревнями Кампано. Куда вернее, что это соратники ландскнехта, собравшиеся взыскать с убийц должок...

Но рассуждать времени не было. Обостренный слух Пеппо дал им фору, заранее предупредив о погоне, и нужно было воспользоваться преимуществом. Гodelот лихорадочно размышлял.

Итак, сам он в этом лесу, как дома. Но с ним слепой спутник на чужом коне, не способный ни выбрать дорогу, ни положиться на скакуна. Кирасир оглянулся – широкая просека прошивала лес гладкой прямой лентой. На этой торной тропе их расстреляют из арбалетов, даже не целясь. Оставалось надеяться на быстроту коней и постараться достичь Волчьего лога. Там, в сети глубоких оврагов, можно укрыться вместе с лошадьми и переждать погоню.

– Пеппо, – шотландец нагнулся и схватил каурого за поводья, – не будем проверять, кто позади нас. У нас здесь не осталось доброжелателей. Тропа все время идет напрямик, скачи не рассуждая, скачи что есть сил. Я предупрежу, если что, а пока просто вперед.

Тетивщик придержал коня:

– А ты?

– Я поскачу за тобой. Каурый бойчее моего служаки, ему сподручней будет впереди.

Но Пеппо стиснул зубы, и в голосе его прорезались знакомые ноты клопочущего бешенства:

– Бойчее... Ты поскачешь позади и прикроешь мою бесполезную шею от пули. Не ври, Мак-Рорк, я как облупленного тебя чую! Езжай вперед, осел, тебя ждет Венеция! А с меня что им взять?

– Нас ждет смерть! – рявкнул Гodelот. – И она с каждой секундой ближе, а ты этикетки развел! Ты уже знаешь, каковы у мародеров забавы, поверь, слепота – это не худшее, что они могут причинить побежденному! Скачи, дуралей, не рассуждай!

Злость не мешала Пеппо сознавать, что за пустыми препирательствами утекают драгоценные минуты. Выругавшись, он дал каурому шенкеля и понесся по просеке, слыша позади топот коня Гodelота. Звон сбруи и фыркание скакуна отчего-то обрели странную громкость, издали неслаб приглушенная дробь копыт, и тетивщику каждую минуту чудилось, что вот-вот сзади раздастся выстрел.

– Пеппо! – налетел со спины голос шотландца. – Сворачивай направо! Попробуем их запутать!

Тетивщик подчинился, не переспрашивая. Шелестящий душный коридор стал жарче, гладкая тропка сужалась.

– Ах, едрить же тебя в душу! – вдруг громыхнуло сквозь топот и дребезжание. – Подкова! Подкова обломана, черт бы ее подрал!

Пеппо резко натянул поводья, и шотландец едва успел тоже осадить коня, чтоб не столкнуться на узкой тропке:

– Ты чего творишь?! – прикрикнул он. – Скачи давай! У каурого не следы, а бисерная вышивка! На тракте я не заметил, а тут земля сырая, нам им голову не заморочить!

Но Пеппо вскинул разгоряченное лицо:

– Лотте, сколько коней пройдет по этой тропке рядом?

Шотландец раздраженно закатил глаза:

– Двое, если голова в голову. Про дятла вот на том буке рассказывать, или дальше поедем не торопясь?

Но Пеппо сарказм не смутил.

– Как раз по четыре... – пробормотал он взволнованно, понукая коня подойти к Гodelоту вплотную. – Ты в понедельник у меня тюк тетивы покупал. При тебе она?

– При мне, ясно. – Гodelот нахмурился, не разумея, куда клонит шельмец, а тот вдруг соскочил наземь:

– Давай тетиву, живо! И найди два дерева, не слишком толстых, одно против другого.

Кирасир вскинул брови, но тут же его лицо просветлело: он понял. Бросив Пеппо в руки холщовый тюк, он тоже спешил. Итальянец уже сноровисто разматывал плотные связки арбалетных тетив. Прочные воощенные шнуры любовно обвивались вокруг умелых пальцев, не путаясь и не скользя.

Гodelот не мешкал – два молодых тополя, растущих по обе стороны тропы всего в трех ярдах впереди, сами влекли взгляд военной стройностью стволов.

– Лотте, скорее! Они уже близко! – Пеппо вскочил с земли, аккуратно держа на вытянутых руках две связки тетив по четыре в длину.

Да, преследователи были близко. Уже и Гodelот, казалось, чувствовал, как еле заметно дрожит земля, отзываясь на дробь лошадиных копыт. Но дело было сделано. Гладкие пеньковые шнуры туго охватили стволы тополей, и две крепкие струны натянулись над тропинкой – одна на уровне конской груди, другая всего в футах от земли. Пеппо резко зацепил тетиву пальцем, словно ожидая услышать звон:

– Надеюсь, они резво скачут. Это должно их задержать. Все, помчались, время дорого.

Но Гodelот молчал, сдвинув брови. И вдруг, будто очнувшись,скомандовал:

– Нет, ездай за мной!

Бесцеремонно подтолкнув Пеппо к коню, он развернул вороного и понесся назад по тропе. Но уже через минуту снова остановился, вцепляясь в плечо тетивщика рукой, и стремительно заговорил:

– Теперь слушай. Мы не сможем долго от них бегать. Наши следы ясны, как зола на снегу. Их нужно остановить. Совсем. С четверыми нам не сладить, но после твоей затеи их должно стать меньше. Ты сделал свое, остальное – моя забота.

Что-то мелькнуло в неподвижных глазах, но Гodelот схватил тетивщика за второе плечо и сжал до боли:

– Молчи, я сказал! И гордость засунь в... В общем, не важно. Если ты попадешься на глаза этим волкам, они тебя не пощадят. Прямо позади тебя огромный орех, а у того ореха толстая ветка всего футах в двенадцати над землей. Тебе нужно как угодно влезть на эту ветку, а уж с нее в два счета взберешься выше. Прижмись к стволу и молчи мышью. Там крона что юбка испанской дамы, тебя вовек не углядят. Я тоже схоронюсь и попробую это шакалье вперед малость пропустить и первым им в спину ударить, чтоб вернее. Заодно, глядишь, узнаю, кто Кампано пеплом положил. И еще. Если я погибну, возьми моего вороного – он казенный, любого всадника слушается – да вели ему идти в Пикколу, это первая деревенька у опушки, конь ее знает. Там тебе на постоялом дворе в Венецию путь всякий укажет, да и хозяйка там, говорят, добрая старушка, подсобит, чем сможет.

... Так было нельзя. Это было несправедливо, отвратительно, невыносимо. Но Пеппо молчал, чувствуя, как впиваются в плечо жесткие пальцы, слушая торопливые указания и понимая с беспощадной ясностью, что иначе тоже нельзя. Что ему придется просто прятаться в укрытии, пока Гodelот будет драться за его шкуру, и беречь свою жизнь уже хотя бы из благодарности к этому случайному в его глупой судьбе человеку, рискующему из-за него головой.

Он хотел что-то сказать, но лишь кивнул, сглатывая подступившие к горлу злые слезы. Уже отчетливо слышен был топот копыт, время уходило, утекало, несло все быстрее. И Пеппо позволил Гodelоту подвести каурого к ореху, вскочил обеими ногами на седло, оттолкнулся от упругой конской спины и подпрыгнул вверх, в пустоту, выбрасывая руки вперед. На несколько бесконечно долгих мгновений тьма стала бездной, не имеющей ни верха, ни низа, когда ладонь левой руки больно встретилась с шершавой корой, оскальзываясь, а правая охватила толстую ветку. Пеппо подтянулся, взбираясь на воздушный помост, а потом снова вскинул руки, нащупывая путь вверх, под прикрытие густой листвы...

Гodelот схватил обеих лошадей под уздцы и метнулся с тропы вниз, в овраг с причудливо изломанными краями, где выполосканные дождями корни деревьев неопытными космами нависали над склонами. Кое-как укрыв животных от постороннего глаза, он велел вороному стоять смирно, кауруму же попросту накинул на голову колет, чтоб конь не испугался. Сам же перехватил мушкет и открыл пороховницу. У него было не больше нескольких минут. Еще полчаса назад Гodelот клял себя за то, что из опасений неопытного вояки вез мушкет незаряженным: он не раз видел, как разрывает ствол оружия досланная по забывчивости вторая пуля, и опасался оказаться разгильдяем. Но сейчас он был рад этой предосторожности. Засыпав порох на полку и в дуло, Гodelот оторвал узкую полосу от камизы, крепко завернул в нее горсть мелких камешков и протолкнул шомполом этот импровизированный заряд в ствол аркебузы. Ну же, времени почти не осталось. А если он не успеет поджечь фитиль, то все приготовления окажутся напрасными.

О сухом мхе в сыром подлеске нечего было и мечтать. Гodelот подскочил к стволу торчащей неподалеку чахлой ели и начал стремительно срывать лепестки смолистой коры, обламывая ногти, в кровь раздирая пальцы и слыша, как совсем неподалеку трещат сучья под быстрыми ногами лошадей. Еще немного... Ему нужен всего один язычок огня.

Стук кресала показался шотландцу громким, как выстрел, но комочек коры, топорщащийся на пне, не занялся. Еще раз. Руки дрожали от спешки и волнения. Еще. Гodelот готов был взвыть от злости. Яростно ударив по кремню, он высек целый сноп искр и склонился над трутом, раздувая жалкий огонек и одновременно поднося фитиль к дымящемуся комку. Насмешливо затрещав, фитиль неохотно затлеет.

– Да черт бы вас подрал... – пробормотал Гodelот, торопливо затоптал огонек и бросился назад к тропе. Лег на откос оврага между корней ореха, торчащих из влажной земли, словно корявые пальцы. Опирая на них тяжелый мушкет, он беззвучно молился: план был шаток, и шотландцу отчаянно хотелось, чтобы все скорее началось и этому мучительному ожиданию пришел бы конец.

И вот рокот превратился в отчетливый перестук копыт, и из-за поворота тропы показались четверо всадников. Двое держали у седел аркебузы, еще двое были вооружены арбалетами. Простые кирасы без гербов, невзрачные серые плащи. Один, смуглый, с обезображенным оспой лицом, вглядывался в засыпанную прелой листвой тропу, придерживая коня:

– Хитры, бестии. Свернули с главной дороги, да еще эвон натоптали как. Только подкову Ансельмо не спрячешь. Погнали! Недалече они!

«Вот, значит, как. Его звали Ансельмо», – отвлеченно подумал Гodelот, машинально дернув рассеченной щекой. Больше сомневаться не было нужды. Шотландец чуть выше вскинул оружие и нажал на спусковой крючок. Пороховые газы с силой выбросили из дула камешки, и те жалящим роем осыпали лошадей.

Перепуганные грохотом и неожиданной острой болью, лошади взбесились под седоками и в слепом страхе рванулись вперед. Крики, брань, глухое ржание и беспорядочный топот единым сгустком хаоса понеслись по тропе, и вдруг раздались отчаянный вопль, треск, упругий щелчок и перекрывающий общий шум мучительный вой. Передняя лошадь налетела на растянутую поперек тропы тетиву...

Годелот вжал голову в плечи, все плотнее прижимаясь к земле и слыша надрывные крики боли, визг раненых лошадей и громоподобную ругань. План удался, они с Пеппо остановили преследователей, и теперь вместо гордости Годелот испытывал оглушающее потрясение. Вслушиваясь в адский шум, кирасир машинально перезаряжал мушкет. Что следует делать теперь? Как узнать, могут ли всадники продолжать погоню? А где-то в подполе разума мышью скреблась страшноватая мысль: а если нет? Если все они, кричащие, бранящиеся, воюющие, лежат сейчас с переломанными хребтами и ногами? Что делать и как потом жить с этим дальше?

Но терзания Годелота прервались быстро и неожиданно. Припадая на левую ногу, из-за деревьев показался один из солдат. Ободранная щека сочилась кровью, но черный зрачок аркебузы зорко рыскал по обочинам тропы. Солдат мало пострадал, раз твердо сжимал в руках тяжелое оружие. Видимо, ему повезло больше прочих, испуганная лошадь сбросила его и умчалась. Годелот затаился, инстинктивно стараясь не дышать, хотя царящий в лесу шум избавлял его от нужды блюсти тишину. Аркебузир настороженно озирался – он помнил, что злосчастный выстрел раздался здесь, и пришел искать невидимого обидчика.

Шотландец следил за ним, до боли сжимая ствол мушкета ладонью. Уберется ли солдат восвоится или будет методично прочесывать кусты, ища беглецов? Найти их нетрудно, Годелот второпях оставил много следов. И тогда придется принять бой и постараться убить этого чужака.

«Так не проще ли покончить с ним прямо сейчас?» – мелькнула вкрадчивая мыслишка, и подросток невольно поежился. Хладнокровно подстрелить из засады человека вовсе не считалось зазорным среди солдатской братии, но шотландец вдруг понял, что это совсем не просто... Его юношески-прямолинейной натуре претили удары исподтишка, даже в драку он ввязывался только после обмена подобающими оскорблениями и угрозами. Хьюго улыбался подчас этой наивной принципиальности, но молчал, зная, что первая же настоящая военная стычка обещает сына лучше любых нравов.

Отвратительное чувство неуверенности раздосадовало Годелота. Чушь, бабьи сантименты! Он не для того затаился здесь, чтоб отпустить ублюдка живым. Ну же, это нетрудно. Как по мишени.

Шотландец тверже уперся локтями в землю, ощущая, как с висков на шею льет холодный пот. Положил палец на спусковой крючок, затаил дыхание. Но тут событиям наскучило ждать, они сорвались с места и помчались своим путем. Откуда-то сверху раздался короткий сухой треск, и аркебузир резко обернулся, вскидывая оружие к кроне ореха.

Годелот так и не успел ни о чем подумать. Он едва заметил, как вскакивает, словно подброшенный пружиной, тоже взметая неподъемно-тяжелый мушкет. Два выстрела грянули одновременно, раздался глухой звук пробитой кирасы, и кряжистое тело аркебузиратора с силой грянулось оземь. А юноша ошеломленно сжимал горячий ствол, чувствуя, как с дерева прямо на него сыплются обломки расщепленной пулей ветки, и забыв, что он стоит на виду у самого края тропы.

Еще сердце не уняло своего бешеного бега и шум крови в висках заглушал прочие звуки, когда сверху раздался отчаянный крик: «Лотте, берегись!» В такие минуты тело разумнее головы, и Годелот рефлекторно упал наземь, мельком различив яркую вспышку. И тут же раздался грохот выстрела, а что-то раскаленное слегка чиркнуло по темени. Вскидывая голову, шотландец увидел, как в мареве порохового дыма к нему широко шагает коренастая фигура, заносащая длинный предмет для удара. Все так же инстинктивно Годелот откатился в сторону, а в том месте, где он лежал секунду назад, во влажную землю врезался приклад. Морок слетел, и шотландец вскочил на ноги, выхватывая сьявону. Противник же отбросил бесполезное оружие и тоже лязгнул клинком, оборачивая к Годелоту попорченное оспинами лицо. Звонко встретились закаленные лезвия, и сквернолицый усмехнулся:

– Да ты зеленой сосенки!

И яростно скрежетнул палашом о клинок кирасира, рассчитывая быстро обезоружить юнца.

Но Хьюго не пренебрегал муштрой единственного сына. И сейчас Гodelот понял, чего ради мучился болью в растянутых запястьях и ломотой в плечах, когда отец повторял: «Враг не спросит, сколько тебе лет».

Они схлестнулись в поединке с горячей, дымной злобой. Еще час назад капралу Маттео не за что было ненавидеть этого безымянного мальчишку. Но сейчас, когда трое из его отряда милостью поганца были мертвы, капрал знал, что не покинет леса, не пнув напоследок труп ублюдка.

Для Гodelота же за кирасой сквернолицего скрывались бесчисленные солдаты, уничтожившие его дом. И он мстил сейчас им всем, нападая на противника с безоглядным бешенством.

После нескольких атак Маттео стал осмотрительнее. Юнец был неопытен, но быстр и бесстрашен. Капралу же мешал вес кирасы, да и падение с лошади не прошло даром. Однако мальчишку должна была сгубить горячность. Маттео ушел в оборону, ожидая, пока недоросль устанет и его можно будет взять голыми руками...

...Пеппо изнемогал, задыхался от бессилия. Сердце все свирепее колотило в грудь, словно пытаясь вырваться наружу. Тьма обступала его, топя в водовороте звуков и запахов, разрывая время в клочья, то подгоняя бег минут, то издевательски растягивая секунды.

Грохот копыт, выстрел, упругий звон разорвавшейся тетивы. Мрак, взорвавшийся почти осязаемой болью, криком, ржанием лошадей и тошным ароматом свежей крови. Он едва слышал в этом аду приближение шагов, только в запах крови влилась струя застойного зловония немытого тела. Пеппо рефлекторно подался вперед, нащупывая ускользящий след чужого присутствия, но тут же опомнился и резко отшатнулся назад. Нога оскользнулась на гладкой ореховой коре, тетивщик взмахнул руками, ища опоры, вцепился в тонкую ветку, а та насмешливо и громко хрустнула, оставив в его пальцах сухую россыпь трухи...

Пеппо почти не успел осознать, как отчаянно скользил ладонями по стволу, пытаясь удержаться, как скреб подметками по основанию толстого сука. Лишь вдруг снова загрохотали выстрелы, волна свистящего жара хлестнула по лицу, и совсем рядом отщелкнула ветка, звонко рассыпав рикошет колких щепок.

И вот гвалт будто отступил вдаль, и Пеппо слышно лишь хриплое дыхание Гodelота внизу, и горячий воздух полон пороховой горечью. А вот шаги, тяжелые шаги кавалерийских сапог мнут листву на тропинке, но Гodelот все так же стоит на месте. Он не слышит... Не слышит этой громкой поступи. И вдруг пуговицы рукавов скрежетнули по металлу, и приклад глухо ткнулся в кирасу – идущий вскинул аркебузу.

– Лотте, берегись! – Пеппо сжал кулаки, вжимаясь спиной в ствол, а затем грянул выстрел.

...Внизу звенели клинки, слышалось тяжелое дыхание, и воздух вибрировал раскаленной ненавистью. А Пеппо все так же стоял, охватывая ствол ореха рукой, и ждал, ненавидя этого неведомого воина, эту скользкую, пахнущую летним зноем листву и свое бесконечное бессилие.

Шаги внизу, прежде походившие на шорох танца, отяжелели: противники начали уставать. Несколько звонких выпадов, раз, два, три! – и разошлись. Несколько секунд – и снова, раз, два!.. Пеппо уже казалось, что он сам ощущает в ладони горячую рукоять, когда вдруг очередное лязгающее стаккато перешло в короткий взвизг и звук падения – это вылетел из чьей-то руки клинок. А прямо под ногами послышался прерывистый низкий голос:

– Ну что, пашенок... Из засады стрелять ты орел, а лицом к лицу кишка еще не та? Дружок твой где?

– Не знаю, – раздался в ответ глухой голос Гodelота.

– Уж и не знаешь. – Солдат презрительно сплюнул. – А кто ж тебе «берегись!» орал, а?
– Ангел-хранитель, – огрызнулся шотландец, – он у меня парень простой, не важничает. Послышались глухой удар и сдавленный хрип.

– За словцом-то не в карман... – пророкотал солдат. – Только и я парень простой, неученый, шутки худо понимаю. Давай, выблудок, рассказывай, где этот твой ангел засел и коней где схоронили. Скажешь – шесть дюймов в грудь, и покойся себе с честью. А снова будешь дурачка давить – руки отрубать начну помаленьку.

В ответ донеслась сдавленная усмешка:

– А чего ж не сказать? Скажу. В лесу он. Ищи. Много ль того леса.

Дальше Пеппо не слушал...

...Это было глупое дежавю. Снова острое клинка холодно льнуло к шее, и снова стоящий над ним человек предлагал ему безропотно умереть, недосчитавшись частей тела. Право, в этом была своя забавная сторона. Разряженный мушкет лежал всего в нескольких шагах, совсем близкий, однако недоступный. Что ж, на сей раз смертью грозил победивший в поединке противник, а не жалкий обиратель трупов.

Мельком взглянув на крону ореха, Гodelot сжал зубы. Господи, пусть мошенник Пеппо уцелеет. Пусть хоть что-то будет не зря.

– Найду, не переживай. – Маттео перехватил палаш. – Клинок у меня не фасонный. Не обессудь, если с одного удара начисто кисть снести не выйдет.

Говоря это, капрал удовлетворенно отметил, как у мальчугана кривовато дернулись губы. Истолковав это как страх, он наклонился к пленнику.

Но Маттео не успел поднять оружие. Прямо из ветвей раскидистого ореха, растущего у тропы, на него грянулось чье-то тело. Не ожидавший нападения капрал рухнул наземь, сильная рука охватила горло, и у самого уха мелькнуло длинное лезвие кинжала. Острие скользнуло по краю кирасы, оцарапав шею.

Нападающий выругался, снова замахнулся кинжалом и на сей раз глубоко рассек капралу бедро. Задышающийся в кольце душащей руки, Маттео забился, стараясь сбросить цепкого противника, перекатился на спину в надежде ударить врага оземь. Тот извернулся, ужом выскользнув из-под капральной спины, а Маттео, проклиная тяжелую кирасу, рванулся рукой к упавшему палашу. И в этот миг на голову ему обрушился удар. Последнее, что успел вспомнить капрал, была скьявона Ансельмо, так и не отданная его сыну...

...Godelot уронил мушкет и встряхнул головой, будто в тумане видя, как Пеппо сталкивает с себя бездвижное тело сквернолицего и вскакивает на ноги. Шельмец, конечно, не послушал его и вмешался. Очень кстати, чего греха таить.

А Пеппо повел в воздухе рукой и сжал влажное от пота плечо шотландца:

– Ты ранен?

– Я? Нет, не думаю. – Мысли путались, пережитое напряжение схлынуло, оставив в мышцах густую и липкую усталость.

– Уж нашел кому врать. Говори, где проткнули, слышишь?!

Гodelot поморщился, но от этого сварливого тона в голове вдруг все стало на место, словно от щелчка по переносице.

– Будет тебе квохтать, вот же наседка... – проворчал он, чувствуя, что готов истерически рассмеяться. – Не помру, не надейся.

Пеппо оскалится, но огрызаться почему-то не стал. Нахмурившись, он склонился над сквернолицым:

– Он мертв?

Гodelot прикусил губу. Нанося противнику удар прикладом, он помнил лишь о том, что должен убить прежде, чем убьют его или Пеппо. Сейчас же глухой стук удара вспомнился ему с неожиданно тошнотворной ясностью.

– Я в шею метил, да аккурат по кромке шлема попал. У него волосы все в крови, не иначе череп проломлен.

Тетивщик принялся:

– Не чую я смерти. Да кровь еще теплая, живая.

Голос итальянца звучал неуверенно, и Годелот понял его. Отец ему не раз говорил: спиной поворачивайся лишь к трупам. Мысль, что придется добивать умирающих, вмиг обметала лоб холодным потом. Годелот снова встряхнул головой – собственная впечатлительность вызвала у него отвращение и глухой стыд, будто некий изъян, вроде мужской слабости.

– Я не возьму в толк: неужели они гнались за нами из-за ландскнехта?

Но тетивщик покачал головой:

– Многовато чести вчетвером за нами бегать. Да и этот о ландскнехте ни слова не проронил. Зато о лошадях расспрашивал.

Шотландец устало разворошил спутанные белокурые волосы.

– Послушай... – хмуро проговорил он. – Ты вчера говорил, мол, нехорошая это история. А что, если ты прав? Если у всей этой бойни, этих поджогов, чуши про демонов есть какой-то смысл? А мы оказались единственными свидетелями и можем испортить всю затею?

Пеппо промолчал, только слегка побледневшее лицо передернулось непонятной Годелоту гримасой. Шотландец не стал развивать свою мысль. Он шагнул вперед и подобрал скьявону и мушкет убитого.

– Пойдем, здесь опасно оставаться! – отрезал он. – Лошади в овраге, нужно посмотреть, что с остальными. И прочь отсюда. Скорее в Венецию!

К счастью, лошади и правда стояли на том же месте, где оставил их кирасир. Спустя несколько минут они уже неслись к роковым тополям. В лесу было тихо, лишь отдаленный мерный звук нарушал послеполуденный покой леса, сжимая душу шотландца тягостным ожиданием. И он не знал, чего больше страшился: увидеть ли врагов живыми, мертвыми ли?

Тропа вильнула за корявый старый дуб, и Годелот придержал коня, поднимая мушкет: тишина могла укрывать засаду.

...Но засады не было. Посреди тропы лежал арбалетчик. Разбитая голова была наполовину вмята в прелую листву, лоснящуюся темной влагой, лишь один глаз с тусклым удивлением смотрел куда-то в подлесок. Очевидно, он упал прямо под копыта скачущего позади всадника. У самой обочины, прядая ушами, паслась воронья кобыла. Видимо, пометавшись по лесу, она вернулась к месту, где потеряла седока. Чуть дальше на земле, мерно хрипя, билась еще одна лошадь, та самая, что первой налетела на предательскую тетиву. Морда была обагрена кровью, глаза мучительно выкачены. Спешившись, Годелот подошел ближе. Прямо под умирающей лошадью виднелось тело четвертого преследователя. Неловкая поза, выражение страдания на синевато-багровом лице – он вылетел из седла, и лошадь упала прямо на него... Это была нелегкая смерть. Подросток сжал зубы, поднял мушкет. Грянул выстрел, и лошадь вытянулась на земле.

Годелот обессиленно уронил руки, сжимавшие дымящийся ствол. Он убил четверых людей вот так, запросто, одного за другим. И эту несчастную, ни в чем не виноватую лошадь. Господи. До боли сомкнув пальцы на горячем металле, он хрипло отчеканил, словно заклинание:

– Я не хотел. Я должен был. Я защищал наши жизни!

В этот тяжкий, томительный миг, пытаясь оправдаться перед самим собой, он не замечал, что всего лишь переходит тот неизбежный для любого солдата барьер, когда у ног лежит первый убитый. Кто-то увенчивает себя этой первой смертью как наградой. А кто-то навсегда запоминает испытанное чувство совершенного преступления.

Сзади прошелестели шаги, остановившись неподалеку.

– Не убивайся, дуралей. – Голос Пеппо был тверд и холоден. – У нас не было выбора.

Эта будничная фраза рассеяла гнет момента, и Годелот вздохнул:

– Верно. Только все равно тошно. Ты-то сам, когда ландскнехта давешнего пристрелил, что чувствовал?

– Ничего. Как клопа раздавил, – отсек Пеппо, и шотландец вновь ощутил, как тетивщик оцетинился иглами отчуждения, словно укрывая от посторонних глаз уязвимое место.

– Ну, будет. – Поставив этой фразой точку в неловком разговоре, Годелот обернулся к спутнику.

– Нужно забрать оружие. По всем военным законам это наши трофеи. Кобылу тоже нужно увести. Здесь ей ни к чему пропадать, а нам деньги пригодятся. Надо бы похоронить убитых... – Кирасир замаялся и сдвинул брови. – Но, пока мы палашами четыре могилы выроем, сюда могут пожаловать другие. Да и много чести им, стервятникам.

Пеппо коротко кивнул и приблизился к придавленному конским телом солдату. Снимая с него палаш, он нахмурился, задумчиво покусывая губы.

– Что-то неладно? – Годелот уже держал под уздцы вороную кобылу.

– Пустое, – отозвался Пеппо. – Вот что за вздор, а? Живому деньги нужны, мертвому – без надобности. Но с живого человека кошелек срезать я ни на минуту не погнушаюсь, а вот труп в карман руку сунуть совестно.

– Шут его знает, – пожал плечами Годелот, привязывая арбалет к своему седлу. – И правда, живому нужнее, но мародеров и воры испокон веков презирают.

Сказав это, он взглянул на Пеппо: не оскорбился ли тот? Но тетивщик уже мирно подтягивал на кауром подпругу.

В последний раз окинув взглядом тропу, Годелот вполголоса прочел короткую молитву, взялся за поводья кобылы и вскочил на своего коня. Ему не терпелось покинуть место схватки.

* * *

Уже зашло солнце, зной спал, и прохладный ветерок вкрадчиво зашелестел кронами. Распростертая под старым орешником фигура зашевелилась, глухо застонав. Уже третий раз он приходил в сознание, но адская боль, раскальвавшая голову, свинцовой тяжестью пригвождала его к земле. Однако умирать Маттео не собирался. Только не сейчас.

Превозмогая боль, оторвал от сырой лесной прели затылок, затем плечи. Сел, чувствуя, как запекшаяся кровь гадко стягивает кожу. Металлический вкус во рту... Что ж, тем лучше, пересохшими губами не свистнешь.

Несколько раз пронзительный свист оглашал лес. Маттео готов был отчаяться, слыша в ответ лишь шелест истомленной зноем листвы. Но вот до него донесся отдаленный топот.

– Да... – хрипло пробормотал капрал и снова свистнул. Конь, напуганный тем одиноким подлым выстрелом, все же не убежал далеко и услышал хозяина. Теперь лишь как угодно, но вскарабкаться в седло. Скакун сам отнесет его на постоянный двор, где ждет полковник Орсо.

Вот и конь, гнедой рысак, глянцевым сгустком тьмы вырвавшийся из чащи на тропу. Маттео вцепился в поводья, зарычал от боли и встал на ноги. Сейчас, еще немного.

Конь понял и опустил на колени, принимая вес раненого человека. Маттео, взгромоздившись в седло и отдышавшись, невольно улыбнулся. Он еще сможет подарить маленькому племяннику отцовское наследство.

Глава 7

Ухмылки исполненных желаний

Гнетущий июньский зной, выжав досуха землю, траву и людские глотки, наконец переполнился краденой влагой и разразился неистовой грозой.

Небо бесновалось, раскалываемое на куски синеватыми молниями, ревело густым утренним грохотом, изрыгая теплые потоки дождя.

В тесной комнатенке постоянного двора полковник Орсо задумчиво сидел у окна, глядя в мутную закипь непогоды. В окно вливались упоительная прохлада и запах мокрой земли. Полковник всегда любил грозы и сейчас пинками загнал все заботы в темные чуланы памяти, чтобы молча внимать шуму ливня, равнодушного к мелким человеческим тревогам.

Однако дробный топот на лестнице вырвал полковника из умиротворенной тишины. «Может быть, слуга спешит мимо? – мелькнула почти умоляющая мысль. – Мало ли постояльцев у Густаво в эту ночь...» Но в дощатую дверь уже колотила усердная рука. Орсо, сглатывая брань, поднялся с табурета и рванул медную ручку. На пороге стоял мальчишка, на чьем некогда белом фартуке отчетливо виднелись свежие пятна крови.

– Господин полковник! – Мальчуган вытаращил глаза, словно стараясь придать своим словам больше веса. – Там всадник приехал. Капрал вашего полка. Преочень плох, кровящи – аж по бокам лошади ручьями! Совсем помирает! Вас зовет, аж из рук рвется! Скорее, господин!

Под заполошное квохтанье слуги Орсо стремительно натянул дублет и понесся вниз по лестнице. Он посылал за беглецами четверых вооруженных солдат. Что за черт?!

Из кухни навстречу полковнику уже спешил Густаво, его рыхлый живот трясся от волнения, и в такт ему тряслись пышные усы.

– Пожалуйте сюда, ваше превосходительство! За лекарем уж послано!

Через минуту Орсо стоял у низкого топчана, на котором полусидел поддерживаемый слугой Маттео. Жена Густаво прикладывала мокрую тряпицу к глубокой ране на затылке капрала. Кираса уже лежала на полу, там же валялся дублет, с которого быстро натекала розовая лужица. Землистое лицо капрала казалось рябым из-за резко выделяющихся на бледной коже оспин.

– Маттео! Что, дьявол раздери...

– Погодите, мой полковник. – Капрал гулко закашлялся, а отрывистые слова эти лучше любых других доказали Орсо, что Маттео и правда плох. Солдат перебивает командира лишь в том случае, когда спешит из последних сил передать некие сведения, ради которых и доехал живым.

Полковник знал разницу между истовой службой и показным рвением. Он опустился на колени и ловил слова, что Маттео цедил сквозь кашель, хрипло набирая в легкие жаркий воздух кухни. Приехавший лекарь разрезал на капрале окровавленную рубашку, обнажая багровый кровоподтек в половину груди. А Маттео все говорил, путаясь, повторяясь, словно не уверенный в собственной памяти. У него начинался жар, скачка под проливным дождем лишила капрала остатков сил.

Наконец Маттео замолчал, рвано и хрипло дыша. Орсо встал, а капрал вдруг открыл лихорадочно блестящие глаза:

– Я виноват, мой полковник. Я потерял троих человек, но так и не выполнил приказа.

Орсо же покачал головой:

– Молчи, Маттео, разбор твоих грехов до поры оставим. Да, и не вздумай помереть, мне довольно и этих потерь. Мессер Густаво, позаботьтесь о капрале.

С этими словами он вышел из кухни. Через четверть часа, отдав все необходимые распоряжения, полковник в широком суконном плаще шагал к конюшне, на ходу нахлобучивая шляпу.

Необходимость покинуть гостеприимный постоянный двор и нестись верхом в дождливую темень вызывала глухую злость, но выбора не было.

Уже сидя в седле, Орсо задумался. Из леса ведут лишь две известные ему дороги. Одна направляется к Густаво, вторая – в захудалую деревеньку Пиккола, где тоже на его памяти был какой-то трактиришко. В другую погоду осторожный беглец скорее заночует в лесу – и вот тогда ищи-свищи. Но, по словам Маттео, по крайней мере один из юнцов ранен. Едва ли он рискнет ночевать под проливным дождем...

Сорок минут спустя, после недолгих препирательств с вымокшим и злым как черт ночным сторожем, полковник уже колотил в запертую дверь крохотного трактира. До Пикколы, конечно, давно долетели новости о разгромленном Кампано, и сейчас на много миль окрест двери запирались с особым радением. На стук отозвались шаркающие шаги, и в массивной двери приоткрылось окошко, явив взгляду Орсо скупое освещенное свечой старческое лицо.

– Что вам угодно, господин?

– Любезная хозяйюшка, прости великодушно, что тревожу в этот поздний час! – Орсо умел быть необычайно обходителен, когда стремился вызвать доверие. – Не было ли сегодня у тебя новых постояльцев? Отроков лет по шестнадцати, один подмастерье, второй служивый, раненый.

Старушка молча поправила чепец, пламя свечи заколыхалось. Орсо чуть сдвинул брови, и голос его зазвучал с отеческой озабоченностью:

– Моего это полка мальчуганы, пикинер и кузнеца подручный. В первый поход взяли, да еще и до расположений не дошли. Как матерям-то в глаза погляжу?

Блеклое лицо трактирщицы стало приветливей, она мягко покачала головой:

– Не припомню, господин. У меня уж несколько дней дым коромыслом стоит. В округе господь знает что творится. Ад крошечный... – Старушка истово перекрестилась. – Однако служивых не было, да и раненых тоже. Только пьяных вдоволь.

Старушка снова покачала головой, теперь осуждающе, и полковник, поклонившись, ретировался ни с чем.

Итак, либо раны мальчишки столь серьезны, что он не достиг Пикколы, либо, напротив, поганцы достаточно здоровы, чтоб предпочесть неудобную ночь в лесу.

Орсо встряхнул головой, разметая намокшими полями шляпы каскад брызг. Что ж, теперь совесть чиста. А капрал, пожалуй, заслуживает награды...

* * *

Годелот старательно развесил мокрую камизу в углу, где тускло горела лучина, и обернулся к Пеппо:

– Ну, шут гороховый! Ты б на хозяйку поглядел: губы поджала, напыжилась, чисто столп святой католической церкви! Умора! – Шотландец говорил почти шепотом, но и шепот этот подрагивал от сдерживаемого смеха. – А уж распевал! Ты где этих песен набрался? Научи, что ли! – И он зашелся беззвучным хохотом.

Пеппо тоже ухмыльнулся, и глаза его замерцали ведьмачьим озорством.

Сцена и впрямь была сущее загляденье. Уже темнело, когда Годелот в одной рубашке и грязных башмаках ввалился в переполненный трактир, поддерживая на плече руку Пеппо. Тетивщик в расхристанной весте едва переставлял ноги, тяжело обвисая на плече шотландца, то и дело принимался громко и сбивчиво горланить песни самого похабного содержания – словом, по виду был бессовестно пьян. Будь хозяином трактира мужчина, дело могло обер-

нуться иначе, но почтенная старушка с молчаливым неодобрением сгребла медяки с мозолистой ладони шотландца и велела ему немедля уложить подгулявшего приятеля почивать, покуда тот не учинил еще какого-нибудь непотребства.

Расчет был прост: после событий в Кампано любой военный вызов у обывателей недоверие. Двое же подвыпивших оборванных мальчишек просто затеряются в потоке посетителей трактира, и уже через час хозяйка даже не вспомнит их лиц.

Все еще улыбаясь, Гodelот шагнул к раскрытому окну и глубоко вдохнул. Все было позади...

Боль нагрянула внезапно, словно вдруг настигшая волна, что обрушивается сзади на бегущего из бурного моря человека. Сдавила горло, перехлестывая дыхание, впилась когтями в затылок.

Пока смерть неслась по пятам, то прячась в выжженных руинах, то грохоча копытами за спиной, ему было не до этой боли. Но сейчас азарт борьбы выкипел, мушкет покойно стоял в углу, и можно было наконец перевести дух. Бойтесь этого вожаемого отдыха, изгой, отщепенцы, случайно уцелевшие меж жерновов, перемоловших вашу жизнь. Все мысли, что вы не успели додумать, все чувства, что молча ждали своего времени, выплеснутся в одночасье, будто из забытого на огне горшка.

Гodelот еще и еще раз вобрал в легкие вечернюю дождливую прохладу, сжал шершавую кромку оконной рамы руками, прижимаясь лбом к наличнику. Да, все было позади. Страшный запах пепелищ и ландскнехт с безжалостным клинком. Дальний рокот погони и горечь порохового дыма. Остекленевшие глаза мертвецов и бьющаяся на земле лошадь. Зеленые дубы у старинных стен замка и наставления отца, там и сям пересыпанные не всегда понятными английскими словами. Сварливо-добродушная брань Луиджи и долгие разговоры с пастором Альбини. Все было позади. Абсолютно все.

...Почти невесомое прикосновение к плечу выдернуло шотландца из мутного водоворота, и он резко отпрянул от наличника, оцарапав лоб. Рядом стоял неслышно подошедший Пеппо. Он молчал, устремив незрячие глаза в темное окно, на котором молнии то и дело вычерчивали зыбкий водяной узор. Казалось, он подошел случайно, и Гodelот отвел взгляд, не нарушая тишины.

– Держись, Лотте. Отболит, – вдруг ровно произнес тетивщик, не поворачивая головы. – Со временем осядет, как ил на дно озера. И там уж только не баламуть заново.

Отчего-то Гodelот не удивился этим словам. Ему самому казалось в эти минуты, что он думает и чувствует слишком громко. Машинально проведя пальцами по грубо вытесанной раме окна, он медленно проговорил:

– Не могу поверить. Все эти дни верил – а сейчас не могу. Как все вот так рассыпалось, рухнуло в один миг? Если б, вернувшись, я застал отца умершим от хвори – поверил бы, ведь я помню, как умирала матушка. Вокруг были бы люди, уважавшие его, и места, напоминающие о нем. Все было бы по-настоящему. Но ничего нет, ни людей, ни мест, словно кто-то песчаную крепость, что детишки строят, невзначай ногой задел. И только я, болван, стою среди обломков и глазами хлопаю. Господи... – Шотландец стиснул зубы и вдруг ударил кулаком в стену. – Чего я не отдал бы, чего бы не пожалел, чтобы встретиться с тем мерзавцем, что спустил на мой дом свою шакалью свору!

Зарывав, Гodelот снова впечатал кулак в щелястую бревенчатую кладку и замахнулся опять, но пальцы Пеппо охватили его запястье, сдерживая удар.

– Будет тебе, не увечь руку.

Кирасир рванулся из сильных пальцев, но тетивщик повысил голос, крепче сжимая хватку:

– Довольно, говорю! Или в зубах клинок держать приспособишься?

Шотландец устало выбранился, опуская ладонь, а Пеппо добавил:

– Мерзавца ему подавай. Ты, брат, желаниями бы не швырялся. Судьба – девица с выдумкой, ее только попроси, а она и рада стараться. Все исполнит, вот тебе крест, да так все вывернет, что еще сто раз пожалеешь.

– О чем ты, умник? – Годелот потирал ушибленную кисть. Настырность Пеппо раздражала, но кирасир продолжал слушать уже хотя бы для того, чтоб не согласиться.

А итальянец снова отвернулся к окну, скреживая руки на груди:

– Да так. Я, знаешь, ребенком очень беспомощен был. Мать надо мной только и хлопотала – то лоб разобью, то супом оболуюсь, просто беда. Другие ребята уже матерям помогали, а от меня никакого толку, одна морока. И вбил я себе тогда в голову мечту, что у матушки малыш народится. Будет у меня младшенький, беспомощный и слабый, и вот тут уж я смогу о ком-то заботиться... Стану сразу сильным и нужным. – Пеппо запнулся, рвано вздохнул: – И что ж ты думаешь? Услышали меня там, куда молитвы слать принято. Прошло несколько лет, и матушку хворь свалила. Все по-моему вышло, Лотте. В одночасье стал взрослым, и заботе выучился, и еще много чему. Да вот мечтать мечтал, а выходить мать не сумел.

Годелот уже готов был сказать что-то, но осекся. Пеппо, похоже, не ждал ответных слов. Он все так же стоял лицом к окну, только тень легла на высокий смуглый лоб. А может, просто бабочка скользнула в углу перед лучиной.

– Вот, оказывается, что у тебя за камень на душе, – вдруг проговорил шотландец.

Плечи Пеппо вздрогнули, словно от сквозняка.

– Отстань... – пробормотал он, отворачиваясь. – Нашелся исповедник.

Но шотландец покачал головой, озадаченно хмурясь:

– Ты винишь себя. Винишь в смерти матери. И все только из-за этой детской безобидной мечты. – Годелот знал, что пора прикусить язык, но это нелепое, несуразное открытие отчего-то потрясло его. – Ты сам назначил себе испытание, а теперь грызешь себя за то, что не справился. Но, Пеппо...

– Хватит! – рывкнул тетивщик, и кирасир заметил, что губы его мелко дрожат. – Отстань, не твоя печаль! И вообще... не обо мне речь! Так, к слову сболтнул, чего вцепляешься, будто репей?!

– А ты чуть что, так в иглы! – огрызнулся в ответ Годелот. Он не собирался затевать свару, но ощерившийся Пеппо почему-то всколыхнул в нем беспричинную злость. – С тобой ровно на допросе, не то слово ляпнуть грех.

– Да говори, что на ум взбредет! Я всего-то прошу в душу не лезть! За что я себя виню – за то сам и отвечу! А ты мне кто такой, чтоб вот так, запросто руку в самое нутро совать и струпя выискивать? Никто, слышишь? Никто, черт бы тебя подрал! Чего ты вообще ко мне пристал?!

В своем внезапном бешенстве Пеппо уже забыл, что сам ткнул себе в больное место. А Годелот вдруг попятился, будто тетивщик плюнул в него горячей смолой.

«Ты мне никто...»

Эта фраза занозой впилась в мозг, захлестывая шотландца неожиданной жгучей обидой.

– В душу?! – прошипел он. – В ту бочку уксуса, что у тебя вместо души, себе дороже соваться. Только вот что я тебе скажу: зря мать на тебя столько лет убила! То ли не тому учила, то ли не так, то ли овчинка для выделки не сгодилась!

Пеппо хрипло вдохнул, бледнея:

– Заткнись! Моя мать была святой, и не тебе ее судить!

Но Годелот не мог остановиться. Усталость и отчаяние сплелись в душную ярость, мутным потоком несшую его вперед мимо скользких берегов самообладания.

– Значит, ни черта ты из ее уроков не понял, слышишь?! Она напрасно посвятила тебе жизнь, неблагодарная ты ядовитая сволочь!!! Что ты сделал, стоило ей уйти? Ты оцетинился, словно дикобраз, отгородился от всех шипами в палец длиной, а только подступишься к тебе

на шаг да разглядишь в тебе человеческое зерно – тут же жалишь, не дав себе труда на миг задуматься, заслуживаю ли я твоих укусов!

Годелот сорвался на крик, кровь жарко хлынула в лицо. Он швырял в Пеппо резкие слова, будто камни. Он сам не знал уже, чего пытается добиться: побольнее уязвить или разбить броню отчужденности. Он успел узнать за эти дни другого Пеппо, в котором сквозь панцирь колючего нрава порой прорывался искренний и добросердечный парень. И шотландцу невыносимо было снова видеть оскаленного волка на месте того, кого он почти готов был назвать другом. Только не сейчас, когда в разрушенном мире Годелота не осталось ни одной близкой души, кроме этого полного противоречий слепого мошенника. А тетивщик молчал, только глаза угольями пылали на искаженном лице да губы вздрагивали, словно сдерживая ответную брань.

– Ну, давай! Что ж ты не пошлешь меня к черту? Ты же гордый, независимый и плевать на всех хотел! – заорал наконец Годелот. Никогда еще он так не ненавидел Пеппо, как в эти секунды. Ненавидел, будто тот обманул его в лучших чувствах, подвел в самый отчаянный момент.

Удар по скуле оборвал поток бессвязной ругани, и шотландец отшатнулся. Зарычал, вскидывая руку для ответной пощечины. А Пеппо подался вперед, с вызовом расправляя плечи.

– Давай, – холодно предложил он, – врежь мне, может, полегчает! Или честный солдат все еще не обижает калек?

Каким-то самым дном рассудка Годелот знал: нужно немедленно остановиться. Но он лишь сгрел Пеппо за ворот все еще мокрой камизы.

– Черта с два ты калека! – отрубил он и отшвырнул тетивщика к стене, чувствуя, что еще секунда – и он ударит в это тонкое смуглое лицо так, что брызнет кровь, а под сжатым кулаком тошнотно хрустнет кость.

Пеппо с размаху впечатался спиной в поеденные жучком доски, вскинул голову, отбрасывая за спину мокрые волосы, и Годелот снова изготовился к драке, едва слыша, как все тот же голос на дне разума вопит, умоляя остановиться. Но тетивщик не двинулся вперед. Несколько секунд он так же стоял у стены, мелко дрожа от бешенства и судорожно сжимая кулаки. А потом разжал пальцы, молча бросился на койку и отвернулся к стене.

Годелот тоже молчал, глядя в напряженную спину. Опустил глаза, посмотрел на собственные руки. Снова взглянул на Пеппо, съежившегося на тощей дерюге.

Почему они вдруг завелись? С чего вообще началась вся эта идиотская уродливая ссора?

Шотландец облизнул губы, набрал воздуха. Но сказать было нечего. В той же раскаленной натянутой тишине он погасил лучину и тоже опустился на свою койку. Сердце глухо колотило в грудь, сведенные мышцы никак не расслаблялись, словно он все еще ожидал удара. Сверкнула молния, ляпая на потолок кривой контур полуоткрытого ставня, и Годелот вздрогнул от раската грома.

Трудно сказать, сколько времени прошло. Шотландец молча лежал, глядя в потолок и слушая шум дождя за окном. Он точно знал: Пеппо не спит. И непонятно, о чем он думает, но ему так же гадостно и нестерпимо одиноко, как самому Годелоту. Почему-то это он тоже знал наверняка. Но оно и к лучшему... Все должно быть на своих местах. Судьба случайно столкнула их, а в случайных людях не ищут друзей. Это просто дурацкий страх одиночества. Это с непривычки кажется, что тебе непременно кто-то нужен. И вообще нужно попытаться заснуть. После таких суток кто угодно сбрендит, да еще с этим хорьком бок о бок. Все, спать.

Годелот раздраженно повернулся к стене и устался во мрак.

– Пеппо.

– Что? – после недолгой паузы глухо отозвалась темнота.

– Прости меня. Я тут тебе нагородил всякого. Будто нутро навыворот, вся гнусь со дна души всплыла.

Пеппо долго молчал. Потом скрипнула койка.

– Не за что мне тебя прощать, я и не то слышал, – донесся неожиданно спокойный ответ.

Темнота снова умолкла, а затем сухо и устало добавила:

– А всего гаже то, что ты прав. Каждым словом прав, по нраву оно мне или нет. А на правду только дураки обижаются.

Годелот тоже долго не отвечал, ища какие-то нужные слова. Но не нашел и приподнялся с койки, садясь.

– Слушай... Не спится что-то. Гроза эта чертова громыхает. Давай перекусим.

И через секунду темнота ответила негромким смешком:

– Умираю с голоду. Давай.

Глава 8

Леденцы

Слуга осторожно уместил на столе тяжелое блюдо с жарким, зажег еще одну свечу и замер у стола в выжидательном полупоклоне. Но полковник Орсо рассеянно взмахнул ладонью, отпуская слугу, и устремил созерцательный взгляд на тушеное мясо, испускавшее зыбкие столбики пара.

Место для раздумий благодатное. Этот маленький венецианский трактир не похож на шумные и грязные придорожные вертепы. Ужин здесь по карману далеко не всякому, пьяных дебоширов не водится, очаг всегда протоплен, и даже посуду не забывают мыть. Полковник нередко навещался сюда в конце длинного хлопотного дня, и хозяин неизменно старался придержать для постоянного посетителя его любимый стол в полутемном углу. А видит бог, такой недели у Орсо не выдавалось уже давно...

Однако мясо могло остыть. Военный, отряхнув размышления, подтянул поближе глиняное блюдо и неторопливо принялся за еду. Но он едва успел толком распробовать утку, как кто-то приблизился к столу, ныряя в уютный полумрак. Свечи выхватили из тени белое пятно рясы ордена Святого Доминика.

– Добрый вечер, полковник, – негромко проговорил визитер, и Орсо поднял глаза, надевая на лицо старательно открахмаленное приветливое выражение.

– Отец Руджеро, – так же сдержанно кивнул он. – Какая неожиданность. Садитесь. Не поужинаете ли со мной? Здесь, знаете ли, понимают толк в хорошей стряпне.

– Нет, благодарю, – сухо отозвался монах, садясь и брезгливо отряхивая с подола плаща солому. – Любезный, подайте мне холодной воды, – обернулся он к подоспевшему слуге.

– Разве сегодня постный день? – В голосе Орсо послышалась тень насмешки, но доминиканец лишь отмахнулся:

– Я здесь не ради обмена остротами, полковник.

– А я и в мыслях не имел острить. – Орсо невозмутимо отрезал от жаркого толстый ломоть. – Всего лишь хотел добавить непринужденности. Как прошел ваш вояж, святой отец?

Отец Руджеро жадно выпил поданную воду и отставил стакан.

– Едва ли вас заинтересует рассказ о моем посещении провинциального монастыря.

– Вот как... Стало быть, вы здесь для того, чтобы послушать мои истории, а не развлекать меня своими? – Орсо налил себе вина и с наслаждением отпил несколько глотков: новомодное увлечение восточными приправами все еще казалось ему чрезмерным. А доминиканец подался вперед и оперся острыми локтями о столешницу:

– Не стану скрывать, полковник, так и есть. Я порядком пометался по городу, разыскивая вас, поскольку жаждал услышать хоть несколько слов о вашей кампании. И нашел вас здесь, в трактире средней руки, в одиночестве. Более того, глядя на ваше лицо, было бы легко заподозрить, что вы страдаете жестоким разлитием желчи, если бы не ваш обильный ужин.

Орсо пожал плечами.

– Я не обязан вам отчетом, – бросил он с тем отточено-усталым безразличием, которое мгновенно низводило любые нападки до уровня дворняжьего твяканья.

Руджеро молчал, глядя на полковника, неторопливо орудовавшего ножом. Он не казался уязвленным – похоже, эти двое редко говорили в ином тоне. Орсо же как будто вовсе забыл о собеседнике. Но после нескольких минут молчания монах нервическим жестом сплел пальцы, наматывая четки вокруг ладони.

– Да не молчите вы, Орсо! Что вы набиваете себе цену, словно престарелая кокетка? Вы что-нибудь нашли?

Полковник вскинул на Руджеро вспыхнувшие глаза, сжимая, будто кинжал, нож, которым только что резал мясо. А потом со звоном швырнул его на стол и сухо отрезал:

– Нет. Не нашел.

Лицо монаха окаменело:

– Не может быть! Неужели пастора предупредили и он успел...

– Нет, – оборвал его Орсо, – пастор был в замке.

Скулы Руджеро порозовели, он снова подался вперед, вдавливая брошенный нож ладонью в стол:

– Слава Всевышнему! Значит, еще не поздно. Я все узнаю у пастора сам.

– Вам не удастся, – Орсо поморщился и потер лоб, словно у него вдруг заныла голова. – Альбинони мертв.

Доминиканец замер и медленно осел на скамью.

– Пастор мертв?.. Орсо, черт бы вас подрал. Вы убили последнего человека, который знал, где искать Наследие?

– Так получилось, – отрезал полковник, – и я не умаляю своей вины. Но судить меня будете не вы.

Руджеро помолчал и вдруг оглушительно ударил кулаком по столу:

– Вы лжете, Орсо! Вы не могли допустить такой дурацкой оплошности! И уж тем более не ушли бы из графства несолоно хлебавши. Я знаю вас, вы найдете и выбитый зуб в братской могиле!

Губы полковника слегка передернулись:

– Ну и метафоры у вас, святой отец... – пробормотал он. Но на челюстях монаха зло заходили желваки:

– Метафоры?! Признайтесь, Орсо. Вы просто прикарманили Наследие, убили свидетеля и теперь прикидываетесь грешником на покаянии!

Руджеро почти шипел, бледный от бешенства, но Орсо лишь долил себе вина.

– Так отправились бы с нами. Не сомневаюсь, вы бы все сделали безупречно, как и в прошлый раз.

Эти слова произвели странное впечатление, будто проткнули в неистовстве Руджеро дыру. Доминиканец медленно выдохнул и осел на скамью. Минуту спустя он проговорил уже тише:

– Орсо, вы сегодня были у...

– Был, но меня не приняли.

– А что говорит врач?

– Молчит, – хмуро ответил Орсо, – или цедит мудреные слова, которые, полагаю, переводятся с медицинского языка как «идите к черту». Но дело плохо, Руджеро. Доктор не отлучается ни на минуту. Даже не спускается к столу. Поэтому я и ужинаю здесь. У меня разом отшибает аппетит от перспективы сидеть в трапезной одному как перст.

Худое смуглое лицо монаха передернулось, губы сжались бесцветной щелью, бусины четок впились в ребро ладони. Несколько секунд он отсутствующе смотрел поверх полковничьего плеча, а потом вздохнул, роняя четки на стол.

– Вы правы, – проворчал он, – день не постный. Любезный! Подайте вина! – Охватив ладонями кружку, доминиканец заговорил, сухо чеканя слова и делая длинные паузы: – Вот что, Орсо. Мне не хотелось прежде времени откровенничать с вами. Не хочется и сейчас. Но, думаю, вы должны знать. – Доминиканец запнулся. Залпом ополовинил кружку. – Моя поездка в провинцию принесла некоторые открытия. – Он снова осекся, похоже, все еще сомневаясь, стоит ли продолжать. Орсо же молча ждал, не столь терпеливо, сколь равнодушно. А монах стукнул кружкой, будто отметая колебания. – Орсо, ваш провал ужасен! Но, быть может, еще не

все потеряно. Думаю, я знаю, почему вы ничего не нашли в Кампано. Пастор что-то заподозрил и успел избавиться от Наследия.

Полковник покачал головой:

– Не глупите. Ни один из хранителей Наследия никогда не спрятал бы свою Третью так, чтоб ее нельзя было найти. И уж тем более не отдал бы ее в чужие руки.

– В чужие – нет, – согласился монах, – но что, если пастор нашел руки как раз подходящие? У меня нет доказательств, Орсо. Но есть серьезные основания думать, что тогда, одиннадцать лет назад, дело не было доведено до конца. Младший из семьи Гамальяно, похоже, жив.

Он проговорил это на одном дыхании, на лбу выступили бисеринки пота. Умолк, глядя на Орсо. А тот спокойно пожал плечами:

– Тот самый ребенок? Вот как... Ну так что же? Пусть себе живет. Одним грехом меньше, Руджеро, неужели вам не отрадна эта весть?

Монах посмотрел на полковника, будто на умалишенного:

– Не притворяйтесь идиотом, Орсо! – прошипел он. – Вы же прекрасно понимаете! Это все меняет!

– Что это меняет, святой отец? – поморщился военный. – Если мальчик даже уцелел в тот день и теперь прозябает где-то в провинции, то у него нет ничего, кроме грустной истории в прошлом. Или вы думаете, что все эти годы он следил за вами, мечтая отомстить? Снимите эти романтические тряпки, Руджеро, они вам не к лицу.

Монах побледнел, словно полковник только что обругал его отборным площадным лаем. Придвинулся к столу вплотную, и в свете свечей стало видно, что один его глаз темнее другого.

– Орсо... – прошептал он. – Орсо, Орсо... Вы издеваетесь, да и бог с вами, но сейчас не время! Наши поиски годами заходили в один и тот же тупик. Операция, которую вы готовили столько времени, потерпела неудачу. И вдруг именно сейчас выясняется, что в мире есть еще один живой Гамальяно. А вы пожимаете плечами?

Полковник на миг прикрыл глаза. А потом так же устало спросил:

– Святой отец, прошло много лет. Дети несказанно меняются с годами. Да и сомневаюсь, что вы особо рассматривали того малыша. Или парень сам представился вам под своей... хм... прославленной фамилией?

Руджеро откинулся назад и резко потер лоб:

– Я уже сказал, у меня нет доказательств! Да, я могу ошибаться! Но Орсо, мы опять в тупике! И не вправе пренебречь даже самым паршивым шансом! Третий должен был хранить пастор, но ее у него не оказалось! Зато меньше чем в сутках пути от Кампано вдруг появился юнец, будто срисованный с фамильного портрета! Не слишком ли занятное совпадение, полковник?

Брови Орсо раздраженно дрогнули:

– Хорошо. Для очистки совести я пороюсь в этом совпадении. Как этот ваш недоносок выглядит?

Монах скривился от скучающего полковничьего тона и сухо отчеканил:

– Он подмастерье. Называет себя падуанцем. И у него есть особая примета: он слеп.

– Что? Слеп? – Орсо вскинул голову, впервые проявив интерес к разговору.

– Ему это не слишком мешает, – отрубил Руджеро. – В остальном он ничем не примечателен. Ему около семнадцати лет, долговяз, худощав, черноволос, имеет рубец от плети на щеке, оборван и... хм... недурной танцор.

Доминиканец отрывисто сыпал словами, не замечая, как полковник стремительно меняется в лице.

– Погодите, Руджеро! – вдруг перебил он. – Вы уверены в этом описании?

– Я описываю вам живого человека, а не полустертую фреску! – огрызнулся доминиканец. – Но, вижу, вы по-прежнему полны скепсиса. Не смею больше вам докучать.

Он бросил на стол монету, со скрежетом отодвигая скамью, но полковник тоже привстал с места:

– Да погодите вы, Руджеро! Не такая уж я неблагодарная скотина. Вы отсыпали мне леденцов из вашего кармана – и я тоже готов с вами поделиться. Но учтите, это все может быть одним сплошным совпадением. Сядьте!

Орсо снова опустился на скамью, потянулся за кувшином и налил вина обоим.

– Руджеро, я повторяю, мы можем гоняться за призраками. Дело в том, что в Кампано... да, черт подери, я сделал все, что мог, обшарил это паршивое графство, как голодная дворняга пустую кухню, но ничего не нашел. Представьте себе мое разочарование.

Однако, уже покидая Кампано, я вдруг узнал, что в господском замке уже после нашего ухода побывали двое человек. Они же похоронили пастора. Заметьте – пастора, а не графа. Впрочем, после пожара наши незваные гости едва ли нашли бы кого хоронить. Но черт их знает, что они могли увидеть. Я немедленно послал за ними погоню, и что же? Эти двое дали моим парням свирепый отпор, убили троих солдат, искалечили капрала, увели лошадей и будто сквозь землю канули. Но капрал вовремя очнулся, когда они стояли прямо около него и судачили о том о сем. Он не слишком многое сумел рассмотреть, но представьте, это оказались двое юнцов, вчерашние дети. И одного из них капрал описал мне почти слово в слово, по-вашему.

Руджеро рывком отодвинул стакан:

– Погодите. Стало быть...

– Стало быть, пока я рыскал по графству, обнюхивая каждый камень, предполагаемый младший Гамальяно направлялся напрямик мне навстречу и ухитрился разминуться со мной не более чем на полдня. Его сопровождал паренек из графского гарнизона. По виду северянин – британец или скандинав. Гамальяно обращается к нему «Лотте». Вероятно, какой-нибудь Ланселот. И теперь, отбросив скепсис, я спрашиваю: как вышло, что после стольких лет уцелевший Гамальяно именно теперь вынырнул из тени? Почему так своевременно? Может ли быть так, что пастор все эти годы знал о наследнике и умышленно послал за ним парня из гарнизона, чтоб успеть передать ему Третью? И как тогда он узнал о готовящейся на графство атаке?

– Ответы на все эти вопросы можно получить лишь у него самого, полковник. – Отец Руджеро снова смиренно сложил руки, ритмично отщелкивая бусины четок. Его глаза полыхали почти большим лихорадочным блеском. – И Господь порядком зло подшутил над нами. Однако, полагаю, Италия не столь велика, чтоб в ней можно было затеряться бесследно.

– Я готов утешить вас, святой отец. Нам не понадобится обыскивать всю Италию. Мой незадачливый капрал разобрал, куда парни собрались держать путь. Они направляются сюда, Руджеро. В Венецию.

* * *

Спустя несколько дней после трагических событий в лесу Кампано Гodelот и Пеппо приближались к Венецианской лагуне. Путь был недалек, но беглецы, наученные опытом той кровавой схватки, избегали главного тракта, петляя меж деревень и полей.

Они очень сблизились за эти дни – памятная ссора в трактире разом переломила что-то в их отношениях. Выплеснутые в запальчивости обвинения разрешились с неожиданной легкостью, словно разом осыпалась невидимая стена взаимных недомолвок и предубеждений. Преодолев этот барьер, кирасир и тетивщик мгновенно сдружились.

«Ты прав». Этой фразой Пеппо что-то решил для себя, и Godelot сразу почувствовал, как итальянец подпустил его ближе, будто втянул постоянно готовые к бою когти. Теперь их разговоры уже не напоминали шпажный поединок, где каждый кружит вокруг противника, бдительно готовясь отразить удар.

Они без умолку говорили обо всем на свете, и обоим хватало чем удивить собеседника. Гodelot вскоре обнаружил, что Пеппо неглуп, имеет своеобразный кодекс чести и превосходно разбирается в людях. А больше всего удивило шотландца то, что ершистый и неуживчивый тетивщик всегда был готов пошутить и любил посмеяться.

Слепота спутника поначалу порядком смущала Godelota. Его отчаянно интриговали удивительные умения Пеппо ощущать окружающий мир, но расспрашивать было неловко. Но вскоре шотландец выстроил простую формулу: Пеппо не терпел сочувствия или пренебрежения, однако совершенно не стыдился своего увечья. Он охотно отвечал на вопросы Godelota, сперва осторожные, а затем все более прямые. Без всякого неудобства делился своими приемами, словно под локоть ведя спутника по своему странному слепому миру и открывая удивительные законы, по которым, оказывается, жила все кругом, а Godelot и не догадывался об этом.

Кирасиру никогда не приходило в голову задуматься, что тело человека куда правдивее его слов. Что звук прерывистого дыхания легко выдает волнение, что лгун чаще облизывает губы, что страх имеет едкий душок пота, а голос всегда меняется, если сочится сквозь улыбку. Что предметы, падая с разной высоты, издают совсем разные звуки, а ветер, спотыкаясь о ствол дерева, делится на два потока.

Нашлись у Пеппо и другие занятные черты. Он был поразительно умелым притворщиком, мастерски изображал кое-какие болезни, глуповатую наивность и сильный испуг, и Godelotu подчас казалось, что приятель умеет даже бледнеть по собственному желанию. Пеппо знал уйму изящных фраз и выражений самого книжного звучания (хотя сознавался, что некоторые из них почти не понимает) и в то же время владел целым арсеналом виртуозной трущобной брани. И Godelot покатывался со смеху, от души забавляясь фортелями спутника, пока однажды не сообразил, что за неласковая жизнь способна выковать из человека настолько прожженного прохвоста.

Пеппо обожал воду, лез в каждый встречный ручей и часто полоскал одежду. На беглую насмешку Godelota он только скривился:

– Говорят, что к своему запаху привыкаешь. Может, оно и так. Только какое тут чутье, если полмира состоит из собственной рубашки?

Godelot только расхохотался, припоминая свои пререкания с отцом:

– Пеппо, а как, по-твоему, разве вымытая кожа не становится уязвимей для хвори? Она же будто обнаженная.

Тетивщик в ответ фыркнул:

– Чего ж тогда раны, чтоб не гноились, водой обмывают, а не грязью замазывают? Уж куда дешевле снадобье.

Шотландец ухмыльнулся:

– Верно. А вот пастор наш сказывал: на Востоке сарацины пять раз в день лицо и руки омывают, как молитвы читать время.

– Пять? И мы их «грязными безбожниками» кличем? – Пеппо изумленно покачал головой, отжимая мокрую камизу.

...Грамоту Пеппо освоил без усилий – контуры букв, вычерченные на влажной земле, запоминались его чуткими сосредоточенными пальцами лучше, чем глазами зрячего, что так легко отвлекаются. Сначала Godelotu эта легкость казалась странной, но затем он заподозрил, что наука чтения Пеппо не нова. Вероятно, в детстве его уже учили читать. Однако о той части своей жизни, что простиралась до рокового рубежа, Пеппо никогда не говорил, и шотландец не докучал приятелю расспросами.

Между спутниками по-прежнему часто вспыхивали перепалки, но теперь они быстро перегорали, не перерастая в ссору.

И наконец наступил вечер, отчетливо дохнувший в лицо солоноватым морским ветром. Денег было негусто, и подростки, не разыскивая постоянного двора, устроились на ночлег меж двух покатых холмов.

– Завтра будем у лагуны еще до полудня. – Гodelот стреножил вороную кобылу и задумчиво погладил шелковистую холку. – В город можно добраться на пароме. Только вот незадача, заставу проходить надо.

Пеппо поднял голову от хвороста, который складывал для костра:

– Верно. Явимся оборванцами при трех лошадях. Как бы за конокрадов не приняли.

Шотландец вздохнул, все так же поглаживая упругую конскую шею:

– Венеция на воде стоит, брат. Коней там держать не всякому аристократу по карману.

А нам в Венеции не лошади, а деньги нужны будут. Эх.

Тетивщик правильно истолковал вздох приятеля:

– Жаль, я каурого полюбить успел. Кресало дай.

Гodelот опустил наземь, развязывая седельную суму и шаря внутри.

– Как ни крути, а лошадей все равно продавать. Кругом без счета деревень, наверняка подскажут, где найти барышника... Э, откуда она тут? – В поисках кресала шотландец добрался до самого дна сумы, и сейчас с недоумением вытянул из ее недр черный шелковый шнур. – Ладанка отца Альбинони. Я совсем забыл про нее. И как она в суме оказалась?

– А, так я положил, – объяснил Пеппо. – Когда в Кампано тебе кровь останавливал, у меня все шнур под руками путался. Ну, я ее снял и в суму к тебе спрятал. Думал, твоя.

– Надо же, – рассеянно пробормотал Godelot, вертя ладанку в руках, – я много раз эту ладанку у пастора видел, он ее с Востока привез, из Святой земли. И чего в сказках так сарацинские драгоценности нахваливают? Серебра извели – хоть коня покупай, а сделана черт-те как. Одно слово, варвары. – Он поднес ладанку ближе к глазам и усмехнулся: – Еще и гравировка есть. «Да не падут на вас грехи отцов».

– Чего? Какие еще грехи? – поднял голову Пеппо.

– Надпись такая. Видно, стих какой-то из Библии.

Пеппо пожал плечами:

– Наверное, ваш пастор ее талисманом считал. А такие вещицы не за красоту ценят.

– Не слишком ему талисман этот подсобил, – угрюмо поморщился Godelot.

– Зато тебя не подвел.

Шотландец только вздохнул. Завернул ладанку в лоскут пасторской рясы и снова спрятал в недра седельной сумы.

...Godelot не зря полагался на милость судьбы. На полпути к лагуне им встретила оживленная деревня. Близость Венеции была здесь очевидна – в деревне жили бесчисленные паромщики, бойко торговали несколькими лавками, и, конечно, сыскался и торговец лошадьми. Множество венецианцев, покидая город по делам, были вынуждены брать взаймы хоть самого немудрящего одра. Топать пешком в Ровиго или Виченцу решил бы не всякий.

Припомнив сквалыжистую ухватку Луиджи, что покупал иногда коней у заезжих барышников на ярмарке в Пьегаре, Godelot не пожалел времени на торг и ухитрился продать трех лошадей за сносную цену. Попрошавшись скрепя сердце с верным вороным, шотландец показал Пеппо увесистый кошель:

– Нужно что-то из одежды купить. Кровавые пятна – плохие рекомендательные грамоты...

...В сумерках в Венецию вошел шумный купеческий караван. Негоцианты суетливо предъявляли алебардщикам у пристани груз, расплачивались с паромщиками и покрикивали на нерасторопных подручных.

Двое военных в неприметных дублетах досадливо рыскали глазами в толпе – полковник Орсо дал ясные указания, разместив посты у всех пристаней и застав города. Но двое юнцов не высаживались ни на одном из причалов.

Часы отбили полночь, и один из часовых уныло зевнул – хотелось есть, с лагуны тянуло зябким ночным бризом, но ни одна лодка не морщила веслами рябоватую поверхность воды. Сегодня мальчишки тоже не явились.

Уставших вояк трудно винить: на пристани было не протолкнуться среди носильщиков, приказчиков, солдат и прочего сопровождавшего караван люда. Едва ли кто приметил бы в этом муравейнике молодого служивого в темном колете и паренька в зеленой весте, щурившего глаза от соленого ветра.

Глава 9

Чертова удача

– Суций Вавилон! – Годелот отпрянул и вжался в стену, пропуская телегу. – Ты как тут себя чувствуешь?

– Как слепой, – ухмыльнулся Пеппо. – Да не бери в голову, скоро привыкнешь. Это у речки двух одинаковых камней не найдешь, а люди по-простому строят, в городе надолго не заблудишься. Вот сейчас готов поспорить, что слева ярдах в десяти впереди зеленная лавка.

– Хитер! – расхохотался шотландец. – Я уже твои фокусы знаю. Небось, учуял яблоки, сельдерей там всякий. Еще спорить с тобой – ищи дурака!

Приятели неторопливо шагали по тесной, сумрачной от нависающих кровель улице района Каннареджо. Годелот был порядком разочарован шумом, толчеей и грязью, делавшими Венецию ничуть не привлекательнее Тревизо, и недоумевал, отчего об этом рассаднике чухотки ходит так много волшебных рассказов. Пеппо пытался ерничать, но нервическая нотка выдавала, как не по себе ему в совершенно незнакомом городе.

...Венеция приняла незваных гостей равнодушно, едва ли заметив двух новых насекомых в своем многосотенном муравейнике. Пройдя заставу вместе с купеческим караваном, Пеппо и Годелот без лишних затей справились в ближайшей лавке, где можно найти ночлег за малые деньги. Хозяин совершенно не удивился – видимо, этот вопрос в Венеции задавали особенно часто.

Район Каннареджо отыскать оказалось сложнее. Больше часа проплутав по извилистым улочкам, Годелот успел устать, разозлиться и отчаяться: все они с издевательским упорством обрывались в каналы и каналы разной ширины и замшелости. Казалось, что кто-то торопливый и раздражительный стгоряча искромсал город в клочки гигантскими ножницами, а затем одумался, но поленился как следует сшить получившуюся рвань и, наугад собрав лоскуты вместе, небрежно сметал их стежками мостов. Венеция была огромна, бестолкова, вся пронизана узкими и кривыми улицами, неожиданно выходящими на площадь, а стоило ее пересечь, как под ногами снова разверзлся неизменный канал.

Однако настойчивость вознаграждается: спустя некоторое время друзья разобрались, что попросту блуждают по противоположной части города и им надлежит всего лишь перейти по мосту на другую сторону Большого канала, также пышно именуемого Каналаццо. Мост тоже нашелся не сразу, но, едва они достигли Каннареджо, в Пеппо мгновенно проснулся искушенный обитатель городских лабиринтов.

Руководствуясь неким инстинктом, он в рекордные сроки отыскал неприметную тратторию, чем-то напоминавшую солидно выстроенный курятник. Хозяин, суетливый старичок в причудливом берете и с манерами истеричной девицы, незамедлительно предоставил постояльцам крохотную комнатенку на втором этаже и неожиданно вкусный ужин.

Годелот, еще недавно клявшийся, что покинет этот заплесневелый каменный ад при первой же возможности, после трапезы пришел в отличное настроение и уже более благодушно смотрел в завтрашний день.

Не без труда высунувшись из узкого окошка, кирасир оглядел ночной город. Недавно отзвонили колокола на еще неизвестной ему церкви, и сейчас квартал был погружен в темноту, там и сям рассеянную пятнами факелов и мерцающую рябыми лентами каналов. Неподалеку на крыше раздражительно мяукал кот. Годелот прислушался – снизу, из тянущей гнильцой темноты, тоже доносился плеск воды.

– Не пойму, то ли для людей этот город строили, то ли для уток... – поморщился он, закрывая скрипящую ставню. Сзади раздался смех Пеппо:

– Утки чистую воду любят, Лотте, в помоях только крысы и люди селятся. Не беда, освоимся. Я слышал, Венеция – одно из самых чудесных мест во всей Европе.

– Тогда в другие лучше и вовсе не соваться, – проворчал шотландец. – Ну, вот мы и у цели. Со мной все ясно, а ты что дальше делать собираешься?

Пеппо беспечно пожал плечами и набросил весту на гвоздь, который только что обнаружил, ободрав локоть.

– Не пропаду. В городе с голоду только бездельники мрут. Надо только научиться здесь ориентироваться.

Голос тетивщика был так же беспечен. Однако последняя фраза прозвучала тем смятым тоном, каким ретивый наемник мог обещать командиру, что в любой момент босиком сбегаёт на разведку в лагерь противника, стоящий посреди замерзшего озера. Гodelот задумчиво посмотрел приятелю в лицо: оно было напряженно-непроницаемым.

– Вот и будем учиться, – многозначительно отрезал шотландец. – Вместе.

Пеппо нахмурился, покусывая губы, и Гodelот почти физически ощутил, как тот сдерживает раздражение.

– Лотте... – Голос Пеппо прозвучал с мягким предупреждением. Так под шелковой перчаткой порой прячется сжатый кулак. – Тебе нет нужды меня опекать. Ведь ты приехал в Венецию не ради здешних красот. Не беспокойся, утонуть в канале я еще в Тревизо мог.

Гodelот закатил глаза, подавляя желание швырнуть в тетивщика подсвечником:

– Снова за свое! Удадь он мне доказывает! Ну, давай, поставь кружку на кончик носа и на табурете спляши! А я погляжу!

Пеппо оскалился:

– Ничего я тебе не доказываю. В Тревизо я был один – но справился, как видишь. И здесь без няньки справлюсь.

Шотландец набрал воздуха для очередной саркастичной реплики, но тут же выдохнул и устало махнул рукой: спорить было бессмысленно. Стоило разговору дойти до этого рокового рубежа, и прагматичный проныра Пеппо превращался в готового разреветься ребенка.

...Первые дни Гodelот был уверен, что никогда ничего не поймет в этом безумном городе. Венеция оказалась яркой, шумной, разноголосой и разноязыкой, грязно-красочной и отталкивающе-восхитительной. В нее, как в стоящую под прилавком корзину, ссыпались все чудеса мира, оброненные иноземными судами. Здесь говорили словно на всех языках разом и торговали всем, за что можно выручить хоть один медяк. Здесь кишели нищие, воры, мошенники и проститутки, а в крепком морском бризе, как в густом бульоне, варились запахи всех возможных человеческих радостей и грехов.

Словом, если в Тревизо Гodelот был провинциалом, то в Венеции тут же ощутил себя деревенщиной, и утешало его лишь то, что Пеппо тоже порядком присмирел и порой на улице даже невзначай касался его локтем, будто опасаясь потеряться.

Однако минуло три дня, и первое ошеломление пошло на спад. Каннареджо оказался не так уж велик, и Гodelот действительно заметил, что в путанице улочек и каналов есть закономерность. Лавки и мастерские быстро стали вехами в этом причудливом лабиринте. А архитектурные чудачества домов, вроде несуразно расположенных окон и неведомым бесом прилепленных в странных местах балконов, делали их приметными уже с нескольких десятков шагов.

На четвертый день приятели выяснили, откуда до их траттории доносится колокольный звон. Открывшаяся перед ними церковная площадь Мадонны дель'Орто, безлюдная, залитая свирепым полуденным солнцем, восхитила Гodelота. Выросший среди просторов полей, он чувствовал себя неуютно в тесноте городских кварталов.

Несколько минут шотландец упоенно шурился, глядя в выбеленное зноем небо, а потом оглянулся на Пеппо: тетивщик стоял у мраморной плиты возле входа в церковь, проворно

водя пальцами по высеченным словам, губы его слегка шевелились, а потом дрогнули улыбкой. Годелот тоже улыбнулся – ему чертовски льстил восторг тетивщика по поводу новоприобретенного умения читать...

– Эй, Пеппо! Наигрался?

Громкий оклик гулко раскатился по площади, и торговец вином, дремавший у своих бочек в тени колокольни, вздрогнул, вскидывая голову и недовольно озираясь. Тетивщик отошел от плиты, и вскоре друзей поглотил один из сумрачных переулков за мостом. Они уже были увлечены каким-то пустячным спором, и даже Пеппо не приметил, как торговец вином пристально смотрит ему вслед...

* * *

– Так, за постой уплачено на несколько дней вперед. Арбалеты продать нетрудно, на них везде спрос есть. С аркебузами погодим, нужно разобраться, сколько за них в Венеции дают, новичков и обжулить могут. Ну и в запасе есть тетива работы лучшего мастера в Тревизо. С голоду не умрем!

Говоря это, Годелот сосредоточенно осматривал лежащее на столе оружие, выискивая повреждения. Пеппо перебирал вынутые из тюка тетивы, придирчиво ощупывая каждую и откладывая некоторые на край стола.

– Лотте, а куда ты пойдешь, как деньги закончатся? – спросил он вдруг.

Шотландец только взмахнул рукой:

– В наемники пойду. На мой век армий хватит. – Оторвавшись от арбалетов, он увидел, что Пеппо застегивает весту. – Погоди, ты куда это собрался?

– Я с нашим хозяином потолковал, он сказал, неподалеку есть оружейная мастерская. Хочу ее разыскать, с владельцем познакомиться, нечего мешкать. Если и не договоримся, хотя бы узнаю, какие тут порядки и с чего начинать разговор в следующий раз.

Годелот нахмурился и тоже потянулся за колетом:

– Погоди, я с тобой.

Но Пеппо поморщился:

– Да тут три квартала.

– Зато уже седьмой час.

Итальянец слегка повысил голос, сматывая отобранную тетиву:

– Я до темноты вернусь!

– Но, Пеппо...

– Отстань! Сказал – я сам!

– А знаешь, так и катись! – потерял терпение шотландец и, не оглянувшись на хлопок двери, снова склонился над арбалетом.

* * *

Полтора часа спустя Пеппо вышел из мастерской и потер виски. Ему казалось, он чувствует, как внутри камертоном вибрирует мозг.

Отыскать оружейника, пусть и руководствуясь подробными указаниями, оказалось делом муторным – как ни хорохорился Джузеппе перед другом, а в незнакомом городе одному было страшновато. Немудреный путь в пресловутые три квартала занял у него почти сорок минут, ведь если лавировать между людьми Пеппо умел безупречно, то столбы и углы часто обнаруживались лишь вытянутой рукой, а то и попросту болезненным тычком. Найдя же мастерскую, пропитанную до отвращения знакомыми запахами, подросток угодил в лапы подвыпившего субъекта, болтливой, как попугай. Тот осмотрел принесенную тетиву, попутно раздавая

указания подмастерьям, и обрушил на Пеппо шквал вопросов. Слеп от рождения? Ах, после ранения! Как это печально в такие юные годы! Откуда родом? Падуа! О, прекрасный город! Джузеппе католик? Любит ли выпить? Живы ли родители? Почему оставил прежнего хозяина? Превосходная тетива, юноша, превосходная. Так почему не поладил с прежним хозяином? Откуда на щеке шрам?

Пустопорожние расспросы сыпались, как из рога изобилия. Пеппо натянуто улыбался, пытаясь оставаться любезным. Через час, когда он выложил оружейнику массу бесполезных сведений, тот хлопнул ладонью по столу:

– Итак, юноша, ты действительно недурной мастер, что крайне необычно в столь молодом возрасте. Но, увы, тетивщик у меня есть. Желая тебе удачи, Джузеппе.

– Благодарю, – процедил Пеппо, вставая и чувствуя, как голову затапливает уксусная волна злости. Болтун отнял у него уйму времени вместо того, чтоб отказать еще с порога. Но самообладанию Пеппо научился еще в детстве, а потому сейчас с трудом сглотнул теснящуюся на языке брань. Он уже знал, как трудно жить с испорченной репутацией, и не мог позволить себе надерзить мерзкому негоцианту, источающему запах вина, корицы и самодовольства.

Выйдя на улицу, тетивщик глубоко вдохнул, силясь погасить рвущееся наружу бешенство. Пеппо опасался таких минут, зная, что способен затеять ссору с первым встречным. Вот и сейчас руки чесались подраться, и подросток еще раз глубоко и медленно вздохнул, поднимая лицо к небу.

Вечерело. Воздух уже утратил дневной жар, но разогретым фонарным маслом еще не пахло. Значит, солнце уже скрылось за крышами, но до темноты далеко. Продолжать поиски сегодня было поздно, однако являться в трагторию в таком настроении Пеппо тоже не хотелось. Он знал, что сдуру обидел Гodelота перед уходом, и сегодня еще предстояло мириться...

Неподалеку гулко забил колокол. Восемь часов. Поразмыслив еще с минуту, Пеппо решил, что самым разумным будет пропустить где-нибудь глоток вина, вернуться в трагторию в полном душевном равновесии и извиниться за грубость. Тетивщик терпеть не мог просить прощения, но на сей раз было всерьез стыдно. Его изрядно ободряло знание отходчивой природы друга.

Питейных заведений в Венеции всегда было вдоволь, поэтому не составило труда найти дверь, откуда несся запах горелого жира и нестройный гомон голосов. Осторожно лавируя меж длинных столов, Пеппо приблизился к стойке, заказал дешевого вина и сел у стены – привычка никогда не привлекать лишнего внимания неизменно заставляла его искать уединения.

Вино оказалось неплохим, ни один излишне пристальный взгляд не жег спину, и злость начала отступать, сменяясь задумчивостью. Только не засиживаться. В шестнадцатом веке после наступления темноты города становились не менее опасными, чем лесная чаща. Скупое освещенные чадящими огнями улицы кишели грабителями и прочим опасным людом.

Уже допивая вино, Пеппо окончательно затоптал в душе неприятный осадок от знакомства с бесцеремонным торгашом и не без удовольствия размышлял об ужине, представляя, как посмеется Гodelот над мерзким «попугаем», если умело пересказать ему их беседу.

– ...вот просто дотла. Камня на камне не осталось. От замка будто бы груда развалин, а уж мертвецы по всей округе валялись!

Эти слова вдруг донеслись до Пеппо. Они были произнесены многозначительным тоном хорошо осведомленного сплетника. Вынырнув из своих раздумий, тетивщик заметил, что гомонящая неподалеку стайка подмастерьев покинула трагторию, поэтому теперь ему слышен разговор сидящих у противоположной стены посетителей. Пеппо поневоле прислушался. А рассказчик старался всюю:

– Я доподлинно слышал, что в замке творились страшные дела. Эти земли слыли дурным местом еще во времена старшего Кампано, колдуна. Мне сказывали... – Тут сытый бас

рассказчика понизился почти до шепота, и Пеппо напряг слух. – ...будто бы Кампано у себя в замке самого Сатану приютил, от свету дневного его прятал и кормил кровью заезжих гостей.

В ответ послышался хриловатый кашель и нервный говорок с сильным неаполитанским акцентом:

– Окстись, дурень. Нашел где лясы точить! Пей да помалкивай, умник доморощенный!

Неаполитанец и его собеседник еще лопотали о чем-то приглушенными голосами, но в трактир, громыхая сапогами, ввалились несколько солдат, и дослушать разговор Пеппо не удалось. Однако довольно было и услышанного.

Тетивщик нахмурился, и пальцы его машинально заскользили по шербинкам на кружке.

Кампано... Едва ли есть два подобных замка. Речь, конечно, о синьоре Гodelота. О разгоне шепчутся по столичным кабакам – значит, дело вызвало немало шума. «Бас» утверждал, что старого графа подозревали в колдовстве. Прав он или это обывательские сплетни? «Бас» говорил складным и грамотным языком: так разговаривают купцы, зажиточные горожане и священники. Стало быть, рассказчик едва ли кабацкий пустобрех из тех пьянчуг, что мечут истории ради угощения...

Пеппо торопливо допил вино, расплатился и вышел на улицу – нужно было спешить назад. Прав или неправ «бас» насчет Сатаны, но, если в этом странном деле пахнет ересью, Гodelоту нельзя переступать порог церковных канцелярий. Пеппо не раз слышал о бедах, настигавших людей, что замочили ноги в мутной еретической водице. Уцелевший вассал опального графа немедленно вызовет интерес. И уж тогда упаси господь беднягу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.